

ЛОРЕНЦО ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ

Улан
Кипчак

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Книга Ивана Клуласа посвящена, пожалуй, самой яркой личности на европейской политической сцене эпохи Возрождения - Лоренцо Медичи.

- [Иван Клулас](#)
  - [САМЫЙ ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ ИЗ МЕДИЧИ](#)
  - [Предисловие](#)
  - [Часть первая. КОРНИ БОГАТСТВА](#)
    - [Глава 1. КУПЕЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА](#)
    - [Глава 2. МЕДИЧИ ВЫХОДЯТ ИЗ ТЕНИ](#)
    - [Глава 3. ОБРЕТЕНИЕ ВЛАСТИ](#)
    - [Глава 4. ЗОЛОТО, ЛАДАН И СМЕРНА](#)
  - [Часть вторая. НАСЛЕДНИК](#)
    - [Глава 1. ТРУДНАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ](#)
    - [Глава 2. ВРЕМЯ УДОВОЛЬСТВИЙ](#)
    - [Глава 3. КОЛОСС НА ГЛИНЯНЫХ НОГАХ](#)
    - [Глава 4. ТОСКАНСКИЕ ЛАВРЫ И ВИНОГРАДНАЯ ЛОЗА](#)
    - [Глава 5. ОСТРИЕ КИНЖАЛА](#)
    - [Глава 6. МЫС БУРЬ](#)
  - [Часть третья. ХОЗЯИН ФЛОРЕНЦИИ](#)
    - [Глава 1. РАСПРИ КНЯЗЕЙ](#)
    - [Глава 2. ФИНАНСОВЫЕ ТРЮКИ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО](#)
    - [Глава 3. ЧАСЫ МЕЧТАНИЙ](#)
    - [Глава 4. ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ](#)
  - [Эпилог](#)
  - [Приложение](#)
    - [Флорентийская денежная система](#)
    - [Основные даты жизни и деятельности Лоренцо Медичи](#)
    - [Библиография на русском языке](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)

- [6](#)
- [7](#)

Иван Клулас
Лоренцо Великолепный

САМЫЙ ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ ИЗ МЕДИЧИ

«Казалось, ничто не предвещало...» Этот удачно придуманный кем-то зачин способен сразу приковать к себе внимание читателей, обещая им неожиданные повороты сюжета и сенсационные факты, поэтому авторы охотно пользуются им, быть может, слишком часто, превращая его в затертый штамп. И тем не менее: ничто не предвещало стремительного взлета клана Медичи к вершинам власти в середине XV века, ничто не указывало на то, что именно Медичи станут играть роль третейских судей и посредников, в которых в XV веке все больше нуждался флорентийский патрициат, перманентно пребывавший в состоянии раздора. Скорее наоборот, многое свидетельствовало не в их пользу: хотя Медичи и принадлежали к примерно тремстам купеческим и банкирским семействам, занимавшим, после исключения в конце XIII века родовой аристократии из политической жизни города, господствующее положение во Флорентийской республике, однако в более узкий круг олигархии они не входили.

Всемирная история знает немало примеров возвышения прежде заурядных родов и целых стран. Вспомним хотя бы, как обрел могущество Бранденбург, за сто с небольшим лет прошедший путь от ничем не примечательного курфюршества до великой европейской державы. При всем своеобразии каждого такого случая общей закономерностью для них является наличие волевой, целеустремленной личности, и, как правило, не одной, а нескольких. Прочный фундамент могущества Бранденбурга заложил Фридрих Вильгельм, прозванный Великим курфюрстом, а завершил создание великой державы Бранденбурга-Пруссии, или просто Пруссии, его правнук Фридрих II Великий. Так же и род Медичи величием обязан нескольким замечательным своим представителям, поэтому И. Клулас свою книгу о Лоренцо Великолепном начинает издалека, прослеживая историю возвышения этого славного семейства.

О Медичи не скажешь, что они были обречены на успех, — слишком извилист и тернист их путь к процветанию и власти. Оптимистические прогнозы относительно блестящего будущего рода Медичи представлялись маловероятными потому, что, во-первых, их состояние в конце XIV века было весьма скромным, а отсутствие достаточной материальной основы в условиях ожесточенной политической конкуренции, характерной для

Флоренции того времени, рано или поздно привело бы к утрате высокого положения. Во-вторых, Медичи пользовались репутацией неуживчивых людей, даже с криминальными наклонностями, что имело своим следствием отстранение их от официальных должностей, а участие одного из них, Сальвестро, в восстании чомпи в 1378 году привело к утрате семейством остатков престижа и изгнанию из города. Однако спустя полвека семейство Медичи, двигаясь от этой, самой низкой точки в своей истории упадка, сумело подняться («выйти из тени», как образно выразился И. Клулас) на вершину власти, что объясняется их впечатляющими экономическими успехами и социально-политическими потрясениями во Флоренции того времени.

Стремительный взлет Медичи к вершинам власти стал возможен благодаря деньгам, точнее говоря, целенаправленному их применению, политическому манипулированию и изощренной пропаганде, прославлявшей это семейство. Деньги же появились благодаря банку Медичи, основанному первым из числа славных представителей этого семейного клана — Джованни ди Биччи (1360—1429). Большую часть дохода банк получал не во Флоренции, еще не оправившейся от страшной эпидемии чумы, а в Риме, где вел финансовые дела пап.

К середине XV века банк Медичи открыл свои филиалы в важнейших финансовых центрах Европы — Женеве, Авиньоне, Лондоне, Брюгге. Искусство успешного ведения банковских дел заключается не только в трезвой оценке кредитоспособности клиента, но и в умении разбираться в политических процессах. Джованни ди Биччи и его сын Козимо (1389—1464) владели этим искусством в совершенстве. Оба занимали должности, открытые для преуспевавших флорентийских патрициев, прежде всего в составе городского правительства — синьории. Медичи не могли довольствоваться второстепенными ролями в общественно-политической жизни Флоренции, поскольку экономическое процветание было неразрывно связано с политическим успехом: как и повсюду, во Флорентийской республике семейные кланы, находившиеся у кормила власти, действовали в собственных экономических интересах, давая налоговые послабления своим сторонникам и принуждая к займам противников. Чтобы их бизнес процветал и дальше, Медичи должны были инвестировать в политику.

Опираясь на собственную клиентулу среди широких слоев населения Флоренции, начиная с ближайших родственников и кончая ремесленниками родного квартала Сан-Лоренцо, Медичи в 1434 году пришли к власти, чему предшествовало одногодичное изгнание главы семейства Козимо. В этот

критический период блестяще прошли испытание на прочность связи Медичи как внутри города, так и вне его, прежде всего в Венеции, Риме и среди городских правителей Романьи.

Триумфально возвратившись осенью 1434 года во Флоренцию, Козимо принялся укреплять свою власть, полученную благодаря своей клиентеле и воле случая. Начался великий политический эксперимент, заключавшийся в формировании правящей элиты города в интересах сторонников Медичи, продвижении надежных людей на ключевые посты, количество которых становилось меньше, благодаря чему их легче было контролировать. Если прежде девять членов синьории поочередно, раз в два месяца, избирались примерно из двух тысяч граждан, то теперь на эту должность могли претендовать лишь 70—80 человек. Разумеется, от участия в управлении Флоренцией были отстранены все противники Медичи, из которых около ста человек были отправлены в изгнание. Неудивительно, что в их глазах Флорентийская республика превратилась в своего рода тиранию.

Раздавались голоса протеста. Первый крупный кризис, вызванный недовольством оппозиции, разразился в 1458 году, и его удалось преодолеть лишь с помощью войск, присланных на подмогу Медичи правителем Милана Франческо Сфорцей, получавшим от них большие кредиты. Взрыв недовольства повторился спустя восемь лет, когда на смену умершему Козимо пришел его старший сын Пьеро по прозвищу Подагрик. Талантами своего отца, умевшего примирять различные, порой казавшиеся непримиримыми, интересы, он не обладал. Зато умело использовал собственный имидж почти недееспособного подагрика. Так, не имея возможности передвигаться на своих ногах, он во время кризиса 1466 года проводил совещания с политическим руководством города не в официальной резиденции, а в собственном дворце, что существенно повышало его возможности контролировать оппозицию. Своих противников он убаюкал, породив в них ложное ощущение полной безопасности, выиграл необходимое время, а потом расправился с ними при помощи миланцев. Передача власти его старшему сыну Лоренцо в 1469 году прошла без сучка и задоринки. Началась продолжавшаяся без малого четверть века блестящая эпоха Лоренцо Великолепного, которая, несмотря на беспримерный культурный расцвет, не могла скрыть главную проблему — неопределенность политического положения Медичи, пытавшихся подчинить республиканскую правительственную систему Флоренции собственным интересам. Эта проблема наиболее отчетливо проявилась в заговоре Пацци 1478 года — яркое событие, которое обычно подробно рассматривают все авторы, пишущие как о Флоренции вообще, так и о

семействе Медичи в частности. Разумеется, не обошел его своим вниманием и И. Клулас.

Лоренцо сумел не только преодолеть этот тяжелый правительственный кризис, но еще и извлечь из него ценный политический капитал: во вновь созданном органе, Совете семидесяти, получившем ключевое значение в системе городского управления, были представлены преимущественно сторонники Медичи, благодаря чему стало еще легче контролировать все аспекты жизни Флорентийского государства. Верная Медичи правящая элита стала еще более сплоченной, что позволило им успешно выдержать разразившийся военный конфликт с Римом и Неаполем. Лоренцо стяжал себе репутацию человека, обеспечившего равновесие политических сил в Италии, тем не менее представление современников о нем было двояким: одни считали его гарантом мира и стабильности, творцом золотого века Флоренции, в другие — тираном, словно броней защищенным своей лейб-гвардией. Как подтверждение второй точки зрения можно истолковать тот факт, что спустя два года после смерти Лоренцо Великолепного Медичи были изгнаны из Флоренции.

Придя в 1434 году к власти, Медичи оставались гражданами республики, официально не занимая в ней руководящих должностей, а управляя ею посредством своей клиентелы и постепенно преобразуя ее в монархию. Даже такие, казалось бы, далекие от политики сферы деятельности, как карнавальные шествия, занятия изящными искусствами и благотворительностью, и даже сочинение Лоренцо Великолепным стихов любовного и нравоучительного содержания служили стратегической цели — созданию имиджа мудрого и заботливого отца отечества. Более высокого личного престижа, чем был у Лоренцо, трудно себе представить, однако ему так и не удалось конвертировать его в княжескую власть. Впрочем, Медичи и не заблуждались на сей счет: они рано поняли, что двигаться к этой главной цели надо другим путем, и стали заключать брачные союзы с представителями римской знати и искать опору в папской курии.

И все же политика политикой, а в массовом сознании Медичи нерасторжимо связаны с вершинными достижениями итальянского Ренессанса. Благодаря их заботам и деньгам Флоренция превратилась в один из главных, если не самый главный центр ренессансной культуры. Те из российских читателей, кто хоть что-то слышали о Медичи, Флоренции и Ренессансе, откроют книгу И. Клуласа с надеждой как можно больше узнать именно об этой стороне деятельности знаменитого семейства — и не обманутся в своих ожиданиях. Образ Медичи-меценатов, Медичи — ценителей искусства (и прежде всего — образ Лоренцо Великолепного)

нарисован французским автором достаточно подробно и ярко.

Если вклад Медичи в мировую сокровищницу искусства бесспорен, то можно поспорить о том, насколько бескорыстна была эта их деятельность. О субъективном замысле в этом отношении говорить трудно (как узнать, что творилось в голове Козимо Старшего или Лоренцо Великолепного?), однако вполне можно высказать некоторые соображения касательно объективных последствий их щедрого меценатства.

Медичи преуспели в искусстве властвования, гибко приспособливая политический строй республиканской Флоренции к собственным нуждам, и не последнюю роль в этом сыграло то, что с самого начала своей тирании (тирании не в расхожем обывательском — «кровавая тирания» — смысле, а в политологическом значении этого слова как разновидности единоличной формы правления) использовали меценатство как средство привлечения народа на свою сторону. Они как никто другой умели эмоционально воздействовать на архитекторов и живописцев в пропагандистских целях. Козимо Старший финансировал возведение храмов и монастырей, а его собственный дворец своим величием конкурировал со зданием синьории. Благодаря этому возникали образы виртуальной реальности Медичи как коронованных властителей. Смысл этих образов облакался в религиозную форму. Это служило для Медичи надежной защитой от критики, но самое главное — давало то, в чем они так нуждались: возвеличивание в глазах общественности, престиж. Содержащиеся в архитектуре, пластике и живописи символы и знаки представляли сомнительное господство Медичи как богоданное, угодное Богу и находящееся под его защитой, а их самих — как бескорыстных патриотов, ни в чем не уступающих великим героям Древнего Рима. В долгосрочной перспективе эти зримые знаки должны были примирить умы и сердца флорентийцев с монархической властью Медичи.

И примирили. События, последовавшие за изгнанием из Флоренции наследника Лоренцо, его сына Пьеро (формальное восстановление республики, пламенные речи и бескомпромиссные поступки Савонаролы, эксцессы псевдодемократической вольницы), заставили людей вспомнить о правлении Великолепного как золотом времени, и реставрации «тирании» Медичи не пришлось долго ждать. Весьма показательное развитие событий, наводящее на серьезные размышления и спустя полтысячи лет. Материал же для этих размышлений и сопоставлений с реальностью XXI века может дать нашим современникам книга И. Клуласа «Лоренцо Великолепный».

В. Д. Балакин

Предисловие

Полубоги — дети богов стелют львиную шкуру на кострах и сжигают себя на вершинах гор.

Морис де Герен

Кентавр Лоренцо Медичи получил в истории неоднозначную репутацию. Пожалуй, это самая многогранная фигура из всех деятелей Возрождения.

Его портреты вводят в заблуждение. Сам он считал себя уродом, но нам кажутся симпатичными и его прямоугольное лицо, изображенное на медали в память подавления заговора Пацци, и его образ изможденного страдающего человека, запечатленный неизвестным художником, и его трагически-трогательная посмертная маска.

На других же портретах он выглядит поистине блестящим, "Великолепным". Художники идеализировали его: Гоццолли в «Поклонении волхвов» превратил в прекрасного принца. Боттичелли изобразил задумчивым, гордым и нелюдимым мечтателем, Гирландайо — благодушным зрелым мужем с ласковой улыбкой. Верроккьо, а потом Бронзино — мудрым, расчетливым государственным деятелем.

Современники Лоренцо отмечали многогранность его личности. Вот что писал Макиавелли, высоко ценивший его как политика:

«Он был в высшей степени возлюблен удачей и Богом: все его замыслы были успешны, а замыслы его врагов проваливались... Его образом жизни, его благоразумием и удачей восхищались государи всей Италии и отдаленных стран... Его добрая слава росла день ото дня благодаря его разуму: в спорах он бывал красноречив и внятен, в решениях мудр, в исполнении скор и отважен. Великие качества эти не омрачались никаким пороком, хотя он был на редкость склонен к делам любовным, ему нравилось бывать у остроумных и насмешливых людей и развлекаться пустяками более, чем то подобает столь важной персоне: например, часто видели, как он играет с маленькими мальчиками и девочками. Видевшим его в делах серьезных и в

развлечениях казалось, будто в его лице невозможным образом соединились два разных человека».

Этими строками заканчивается «История Флоренции», написанная Макиавелли в 1525 году и посвященная Клименту VII — второму папе из рода Медичи. Восемью годами раньше Никколо Валори представил Лоренцо Великолепного образцом подражания для молодых принцев Джулиано Немурского и Лоренцо Урбинского, которым Лев X, сын старшего Лоренцо, поручил управление Флоренцией.

В 1537 году, когда к власти пришел еще один Медичи, Козимо I, знаменитый историк Гвиччардини написал в своей «Истории Италии» о Лоренцо:

«Благодаря своей славе, благоразумию и чрезвычайно острому разуму он доставил своей отчизне богатства, блага и красоты, расцветающие в обществе, где царит долгий мир».

Новая династия, связанная с Лоренцо лишь дальним родством, объявила его своим предком. В палаццо Веккио живописцы Вазари и Чиголи помпезными фресками прославляли деяния Козимо Старшего и Лоренцо Великолепного. Во дворце Питти художник Франческо Фурини в огромной композиции изобразил его апофеоз: Лоренцо подобно полубогу возносится на небеса.

Французы Великого века помнили о Лоренцо. Варийя в «Тайной истории дома Медичи» (1687) составил колоритный рассказ из весьма любопытных анекдотов. Но, памятуя о «благодетелях, которые христианнейший король Людовик XIV через своего министра Кольбера оказал литераторам», Варийя сделал репутацию Лоренцо основанием славы своего мецената, а самого Великолепного — прообразом Короля-Солнца.

В самой Флоренции, когда династия Медичи пресеклась, новый великий герцог Петр Леопольд (брат императора Иосифа II, стараниями европейских дипломатов возведенный на Тосканский престол) также ощутил потребность отдать дань памяти предшественника. По его заказу Анджело Фаброни написал «Жизнь Лоренцо Великолепного» (1784). Герой этого труда, основанного на многочисленных источниках, показан просвещенным самодержцем.

Лоренцо стал одним из главных персонажей европейской истории. В 1795 году Уильям Роско представил в своем изложении «Жизнь Лоренцо

Медичи» англосаксонской публике. Она быстро разошлась во французском переводе Франсуа Тюрю: Лоренцо являл собой образец государя-гражданина, который твердой рукой правил республикой, подавлял заговоры, возрождал искусства, словесность и всеобщее благоденствие, как собирался делать и Бонапарт. Этот романтический образ долго был популярен. Но постепенно он уточнялся, а потом стал даже оспариваться в работах новых исследователей, как, например, в «Истории итальянских республик Средних веков» (1-е издание: 1807— 1809; 2-е издание: 1818), написанной швейцарцем Шарлем Леонаром Симонда де Сисмондом. Автор вынес Лоренцо столь суровый приговор, что у него с Роско чуть не дошло до дуэли!

«При всей его деловой ловкости, Лоренцо Медичи как государственного деятеля нельзя поставить в ряд великих людей, которыми может гордиться Италия. Такая честь подобает лишь тем, кто простирает свои взгляды выше личной выгоды, кто собственными трудами давал своей стране мир, славу и свободу. Лоренцо же, напротив, почти всегда вел политику самую эгоистическую, удерживал присвоенную власть кровавыми казнями, каждый день отягощал ненавистное бремя, наложенное на вольный город, отнял у законных властей полномочия, данные им конституцией, и отвратил своих сограждан от политического поприща, на котором они до него проявляли столь блестящие дарования».

Впрочем, далее швейцарский автор признает «гений этого необыкновенного человека» и его просвещенное покровительство искусству и словесности:

«Он был создан, чтобы все знать, все понимать, все чувствовать ...Он имел столь живое чувство прекрасного и правильного, что обращал на этот путь тех, кто не мог следовать ему сам».

Так в образе Лоренцо соединились жестокий диктатор и защитник духовных ценностей.

Чтобы рассудить различные мнения, необходимо было обратиться к источникам. Любопытные немецкие ученые занялись Лоренцо Великолепным после того, как Якоб Буркхард завершил исчерпывающее

исследование итальянского Возрождения (1860). В 1874 году Альфред фон Реймонт издал его подробную биографию, содержащую фактический материал о происхождении богатства семьи Медичи. Затем Б. Бузер представил основанное на тщательных изысканиях исследование о политике Лоренцо в итальянских делах и о сношениях с Францией (1879). Разумеется, не остались в стороне и итальянские историки: они также написали весьма ценные обобщающие труды. Помпео Литта разобрался в хитросплетениях истории рода Медичи, а Изидоро дель Лунго осветил многое, что прежде было неясно. Кроме того, Лоренцо заново оценили как поэта. За три столетия в свет вышли только три неполных собрания его стихотворений (1554, 1763, 1825) да избранные отрывки в качестве приложения к биографии Роско. Лишь в 1850 году Джозуэ Кардуччи выпустил критическое издание «Стихотворений» Лоренцо Медичи. За ним последовали историки литературы. Так появились новые прекрасные издания, в том числе под редакцией Симиони (1939) и Эмилио Биджи (1955).

Личная жизнь Лоренцо Великолепного, приоткрывшаяся его стихами, вдохновила английских исследователей. В 1910 году вышло первое издание «Истории семьи Медичи» полковника Дж. Ф. Янга, впоследствии регулярно переиздававшейся. В том же году Джанет Росс посвятила книгу первым Медичи (на базе их переписки), а два года спустя — поэзии Лоренцо.

Во Франции историк Ф. Т. Перран заклеил происки предков Лоренцо Великолепного, стремившихся к власти, а затем и его собственную диктатуру («История Флоренции от владычества Медичи», т. I, 1888). Автор добросовестно указал свои источники, предоставив тем самым читателю материал для собственных размышлений. Андре Лебе в «Очерке», посвященном Лоренцо (1900), не стал себя этим утруждать. Он разделял мнение прежних панегиристов:

«Лоренцо Медичи со страшной силой притягивал меня к себе. Я рассказывал о его восхитительном примере, и мне все ясней становилось, как эта пылкая и разумная душа обузда в конце концов химеру республиканского правления».

Такое сочинение, конечно, не историческая работа; оно приносит пользы не больше, чем вреда. Совсем другое дело — прекрасный портрет, нарисованный Пьер-Готье в книге «Три Медичи» (1933). Впервые французский историк изобразил в одном масштабе достоинства,

недостатки и даже пороки этой личности, столь мощной и столь противоречивой. Рассказчик пользуется «простодушными сокровищами» стихов Лоренцо. В конечном счете все в герое оправдывается тем, что он поэт:

«Блажен, кто, как Лоренцо Медичи, оставил после себя самую прочную славу: несколько страниц, на которых блистает правда!»

В 1937 году Марсель Брион ничтоже сумняшеся объявил Лоренцо «демократом», который считал,

«что народ должен в конце концов разделить интеллектуальные наслаждения с самыми привилегированными классами, декларировал всеобщее право на культуру и искусство... Он стремился сделать из флорентийцев народ художественных критиков, подобно афинянам времен Перикла. Это был благородный идеал, но в психологическом отношении — заблуждение, простительное для человека, сформированного платониками и поэтами».

В 1949 году Фред Беренс пошел еще дальше. Его перегруженная подробностями книга называется «Лоренцо Медичи, или Поиск совершенства». Здесь идеал Лоренцо уже совершенно смешивается с идеалом Перикла: «Служить большинству, обеспечивать равенство всех перед законом, чтобы свобода граждан вытекала из свободы общества».

Новые исследования итальянских ученых, архивные находки и многочисленные работы о Ренессансе позволили беспристрастнее взглянуть на Лоренцо Медичи. В 1937 году Опостен Ренодо попытался дать объективную характеристику этой личности («Государственные деятели», т. 2). Но говоря о таком человеке, трудно оставаться хладнокровным. Этторе Аллодоли прощает Лоренцо все любовные грехи:

«Можно сказать, что Лоренцо Великолепный в сравнении с государями его времени был просто святым: у него не было незаконных детей, он никого не насиловал...»

А Роберто Пальмарокки, когда писал биографию Лоренцо Великолепного (1941), извлек из исторических документов актуальный

тогда политический урок: Лоренцо доказал, что сила государства состоит в единстве руководства и сплоченности нации.

Между тем книга Хью Росса Уильямсона, вышедшая в Лондоне в 1975 году, представляет Лоренцо как

«естественный продукт своего времени и своей страны: гений Флоренции XV века, которого не коснулись более поздние идеи пуританизма и либеральной демократии... На самом деле сам Лоренцо и был Возрождением, и ничто в искусстве и мысли его времени не может быть по-настоящему понято вне связи с ним и его жизнью».

Чтобы встроить Лоренцо Медичи в контекст его эпохи, потребовалась большая работа по выявлению подлинных источников. Она началась в 1960 году, и ее результаты во многом изменили традиционные точки зрения.

Очень много серьезных работ написано об искусстве. Механизм творчества, символика, взаимовлияния художников вскрыты в трудах таких корифеев, как Пьер Франкастель и Андре Шастель, книга которого «Искусство и гуманизм во Флоренции времен Лоренцо Великолепного» (1959) стала эпохальной. Отдельные аспекты философии и литературы этого времени стали предметом углубленных исследований. Среди многих ценных трудов выделим «Марсилио Фичино» Раймона Марсея (1958) и работы П. О. Кристеллера; «Молодость Лоренцо Медичи» Андре Ронсона (1963), исследование Анджело Липари о принципах поэтической техники Лоренцо в связи с «новым сладостным стилем» (1973). Такие ученые, как Эудженио Гарен, Христиан Бек и их коллеги из университетов и исследовательских центров Европы и Америки, воссоздали и продолжают воссоздавать недостававший прежде фон для истории гуманизма вообще и Лоренцо Медичи в частности; свидетельство тому — небольшая, но ценная книга Паоло Орвьето «Лоренцо Медичи» (1976).

Что касается финансовых вопросов, то большой дефицит старых источников в 1963 году был восполнен обобщающим трудом Раймонда де Рувера «Возвышение и падение банка Медичи», а также научными сообщениями о функционировании филиалов банка. Начало глубокой разработке темы было положено в 1950 году случайной находкой секретных бухгалтерских книг великих банкиров.

О государственном строе, налогах, положении общественных классов Флорентийской республики при Медичи прежде было известно только из мемуаров и общих оценок. Ныне существуют основательные исследования,

среди которых надо особо отметить «Государственный строй Флоренции при Медичи» Николая Рубинштейна (1966), «Возвышение партии Медичи во Флоренции» Дейла Кента (1978), а также «Тосканцы и их семьи: исследование флорентийской переписи 1427 года» — работу, выполненную Кристиан Клапиш и Давидом Эрлии на основании компьютерной обработки данных (1978).

Наконец, на верный путь нас выводит издание полного свода переписки Лоренцо Медичи, сохранившейся во Флоренции. Риме, Милане, Модене и Венеции. В 1977 году Николай Рубинштейн вместе с Риккардо Фубини выпустил первый и второй тома. Это издание, уточняющее хронологию событий, куда в качестве приложений включены трактаты, письма государей и правительств, доклады послов, позволяет нам лучше понять причины и движущие силы событий, пределы личной ответственности.

Мы начнем с рассказа о происхождении богатства Лоренцо Великолепного, проследим путь, который привел его к власти во Флорентийском государстве, после чего сможем оценить Лоренцо как политика, банкира, мецената и поэта — многоликого Лоренцо Медичи, подобного и Аполлону-победителю, и Марсию с содранной кожей — персонажам сердоликовой печати Медичи.

Часть первая. КОРНИ БОГАТСТВА

Глава I. КУПЕЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА

В Европе царило Средневековье, а Италия, избежав и монархической централизации, и строгой феодальной иерархии, широко распахнула двери для веяний, идей и богатств всего мира. Туда можно было попасть через альпийские перевалы, или морскими путями — через Тирренское и Адриатическое моря, или морем же с юга, из Африки. Теми же путями отважные искатели приключений в надежде разбогатеть устремлялись из Италии в торговые центры; долгая и утомительная дорога приводила их в далекие края — в Шампань, на берега Балтийского и Черного морей, в Малую Азию, к пределам России и загадочного Востока.

В XII веке купец возил на поясе и в переметных суммах звонкую монету, вырученную от продажи или предназначенную для покупок. Пилигримы и крестоносцы, отправляясь в Святую землю, тоже имели при себе тяжелые кошельки. За их счет жили не только разбойники и пираты, но и грабители-феодалы, и люди военного сословия, наперебой обиравшие путников. Тех, кому удавалось ускользнуть от грабителей, поджидали другие опасности — и на суше, и на море.

Но в опасностях изощряется ум. Люди придумывали средства защиты. От одной ярмарки к другой (обычно их было четыре в год) переходил общий торговый регламент. Повсюду был принят взаимозачет покупок, унаследованный от меновой торговли: купленный товар по стоимости равнялся проданному и наоборот. Ключевой стала проблема обмена денег. Дело в том, что содержание драгоценного металла в монетах разных стран, а подчас разных синьорий или городов, было неодинаковым. Поэтому был придуман вексель, позволявший путешественнику переводить необходимую ему сумму в разной монете из пункта отправления в пункт прибытия. Чтобы система правильно функционировала, по всей Европе стала формироваться корреспондентская сеть, обеспечивавшая правильность платежей. В то же время стала повсеместной практика страхования торговых перевозок.

Это важное усовершенствование техники торговли способствовало росту класса банкиров и менял. На смену странствующему купцу пришел оседлый делец. В портовых городах (Генуе, Венеции) негоцианты объединялись на период морского путешествия в товарищества. Они делили между собой расходы и прибыль. В городах, удаленных от моря (Сиене, Пьяченце, Флоренции), создавались более устойчивые торговые

товарищества. Они существовали столько, сколько желали их члены. Компаньоны участвовали в прибылях и убытках пропорционально своей доле капитала. Социальная функция этих групп была и банковской, и торговой. Купцы, входившие в них, являлись и менялами, и продавцами, и покупателями самых разнообразных товаров. Это диктовалось экономической необходимостью.

Дело в том, что Италия представляла собой огромную мануфактуру, производившую различные товары: так, Милан славился оружейным делом, а Флоренция — производством шерстяных и шелковых тканей. Сырье, приобретаемое за границей, оплачивалось благодаря экспорту предметов роскоши. Торговый баланс существенно перевешивал в пользу Италии. Флоренция особенно славилась качеством продукции, за которым строго следили ремесленные корпорации — *arti*.

Одна из первых корпораций занималась выделкой тонкого сукна. Она называлась Калимала по имени старой улицы (кажется, с дурной славой), где находились сукновальные мастерские. Мастера покупали на шампанских ярмарках грубые сукна и подвергали их обработке, техника которой хранилась в секрете. Сукно становилось тоньше, легче, воздушнее. Его красили в синий цвет вайдой, в красный — кермесом и мареной, в ярко-пурпурный — настоем лишайника на моче. От последнего способа окраски произошла фамилия Ручеллаи: семья, разбогатевшая на этом ремесле, взяла себе название упомянутого растения (*rosella*).

Калимала входила в число семи старших цехов. Из них лишь цех судей и нотариусов не был прямо связан с торговлей, но он обеспечивал ее правильное функционирование, составляя контракты и другие юридические документы. Кроме того, в число семи старших цехов входили: банкиры и менялы; врачи, аптекари и бакалейщики (торговавшие пряностями и драгоценными камнями); шелковый цех, называвшийся также по своему местонахождению в городе цех Пор Санта-Мария; наконец, цех скорняков и меховщиков.

Во вторую группу, в XIII веке получившую название средние цехи, входило пять корпораций, которые не вели внешней торговли: мясники, сапожники, кузнецы, плотники и каменщики, торговцы одеждой. Третью группу составляли младшие цехи. В нее в разное время входило то девять, то десять корпораций мелких ремесленников: кабатчиков и виноторговцев, держателей гостиниц, торговцев солью, маслом и сыром, кожевников, оружейников, слесарей, тележных мастеров, столяров, булочников. Все эти ремесленники и торговцы, обеспечивавшие город товарами повседневного спроса, ни по доходам, ни по влиянию не могли сравниться с членами

старших и средних цехов. Тем не менее все цехи руководствовались однотипными уставами. Членами корпораций были только хозяева мастерских и лавок. Они были обязаны соблюдать законы о труде, квоты производства, обеспечивать контроль качества и ценовые пропорции. Избранные корпорацией ответственные лица (консулы или приоры) имели право наказывать нарушителей и даже предавать их суду за незаконную деятельность, например, за ростовщичество, запрещенное Церковью, за продажу продукции, не соответствующей установленным нормам.

Таким образом, ремесленные корпорации, цехи, обеспечивали надлежащее качество продукции, предназначенной для продажи как на внутреннем рынке, так и на внешних рынках. Купцы, объединявшиеся в компании для торговли за рубежом, помимо того что были членами одного из старших цехов, записывались еще и в цех менял, и в один-два цеха, объединявших производителей товара.

Флорентийцы — банкиры Европы: процветание и банкротства

Финансовый успех флорентийских компаний был связан с политической конъюнктурой. В XIII веке город раздирали вражда между гибеллинами, сторонниками германского императора, и гвельфами, сторонниками папы. В 1266 году победили гвельфы. С тех пор папы, враги императоров, стали брать займы именно у флорентийцев. Знаменитый Карл Анжуйский, брат Людовика Святого, именно к Флоренции обратился за финансовой поддержкой, чтобы овладеть Неаполем и Сицилией, отобрав их у потомков императора Фридриха II.

Кроме того, флорентийские купцы воспользовались крупными банкротствами конкурентов из соседних городов, Сиены, Лукки и Пистойи: эти банкротства в конце XIII века следовали одно за другим. В самой Флоренции в 1300 году разразилась гражданская война между партиями «белых» (довольно близких к гибеллинам) и «черных». Она закончилась изгнанием крупных банкирских семей, в том числе семьи Портинари, из которой происходила Беатриче, воспетая Данте, также разделившим участь изгнанника.

Компании «черных», овладевшие положением, вступили в ожесточенную конкурентную борьбу между собой; многие из них постепенно исчезли. Самым показательным было падение дома Скали в 1326 году; оно испугало купцов, объединившихся в компании под главенством семей Барди, Перуцци и Аччайуоли. Было решено не отбивать

друг у друга рынки сбыта и действовать солидарно. Тем самым они завоевали доверие мелких вкладчиков. Компании брали на хранение их капиталы и пускали во внешнеторговый оборот, иностранными займами и меняльными операциями обходя церковный запрет на взимание процента: доходность колебалась от 6 до 10 процентов (скажем для сравнения, что недвижимостъ тогда приносила не более 5 процентов). Компаньоны, участвовавшие в капитале, получали иногда весьма значительные дивиденды: «акционеры» компании Перуцци в 1300—1324 годах — от 15 до 40 процентов, компаньоны Альберта в 1322—1329 годах — от 12 до 16,5 процента, а компаньоны Россо дельи Строщи в 1330—1340 годах — от 300 до 1000 процентов!

Эти огромные прибыли объясняют, почему в XIV веке Флорентийская республика для наполнения бюджета прибегала к государственному займу. Обычно под 5 процентов, но если ценные бумаги скупались по низкой цене в момент кризиса, процентная ставка доходила до 15. Государственный заем давал удачливым дельцам возможность дифференцированного вложения средств. С другой стороны, их удачливость объясняет, откуда в XIV веке появилось множество дворцов, монастырей, капелл, расписанных знаменитыми мастерами вроде Джотто (он создал фрески капелл Барди и Перуцци во францисканской церкви Санта-Кроче). Постепенно дельцы, опьяненные успехом, перестали соблюдать осторожность в размещении капиталов. Они поддались на уговоры царствующих особ и стали выдавать им займы. От этих займов ожидалось небывалые доходы: чистая прибыль до 33,3 процента, экспортные лицензии, освобождение от пошлин, в частности, на английскую шерсть и сицилийскую пшеницу. Но компании недолго упивались этими заманчивыми перспективами барыша и почета.

Барди одолжили английскому королю 900 тысяч флоринов, Перуцци — 600 тысяч; королю Сицилии Роберту Анжуйскому каждая компания дала в долг более 100 тысяч флоринов. Флорентийский хронист Виллана писал, что займы, выданные Англии, стоили целого королевства. Для сравнения скажем, что покупка Авиньона у Жанны Неаполитанской в 1348 году обошлась папе Клименту VI в 80 тысяч флоринов, а Монпелье французский король купил в 1349 году за 130 тысяч. Но король Эдуард III, которому война с Францией стоила крупных расходов, не смог отдать флорентийцам долг. Компании обанкротились: Перуцци и Аччайуоли в 1343 году, Барди — в 1346-м.

В делах наступил полный застой, а вскоре на Флоренцию обрушилась настоящая трагедия. Страшная, свирепствовавшая по всей Европе эпидемия чумы 1348—1350 годов выкосила больше двух третей населения

Флоренции. В городе, насчитывавшем около 120 тысяч жителей, умерло больше 80 тысяч, а вместе с жителями близлежащих деревень — 96 тысяч! Демографический подъем, наметившийся к 1380 году (60 тысяч жителей), был оборван новыми волнами эпидемий: в 1427 году, согласно налоговому цензу (catasto), в городе насчитывалось всего 37 тысяч жителей! Флоренция могла еще выдержать сравнение с Севильей и Лондоном (по 50 тысяч жителей), но очень бледно выглядела рядом с крупнейшими городами Италии — Неаполем и Венецией, насчитывавшими по 100 тысяч человек.

Дела вновь оживились благодаря новым компаниям, которые основали купцы Альберта, Альбицци, Риччи, Строцци. Содерини, а также и Медичи. Множество дельцов создавало кланы, которые, в отличие от своих предшественников, не желали объединяться, а, наоборот, всячески старались уничтожить друг друга. Так, Альберта, достигшие могущества, сделавшись банкирами папского двора, в 1370—1371 годах довели до банкротства семейство Гуарди. Они вступили в конфликт с Альбицци и Риччи, но попытка применить силу на политической арене привела к их изгнанию. Впрочем, с их отъездом деловых людей меньше не стало: около 1370 года во Флоренции насчитывалось 150—200 семейств, члены которых занимались коммерцией. (Эта цифра сравнима с Венецией.) То есть в городе было от одной до полутора тысяч активных коммерсантов, и это количество было весьма стабильным.

Примерно через полвека, во время первого финансового ценза 1427 года, 100 семейств владели более чем четвертью городского достояния, или шестой частью богатства всей Тосканы.

Политический строй Флоренции

Власть во Флоренции принадлежала немногим избранным. От экономического могущества до политической власти всего один шаг, и его сделали быстро. В XII веке городом управляли консулы из числа местной буржуазии, позднее получившие название старшин. Они подчинялись графу Тосканскому (резиденция которого обычно находилась в Лукке), а тот был вассалом далекого германского императора. Граф и рыцари, жившие вокруг города и имевшие укрепленные дома, как обычно, стремились ущемить права горожан. Те обращались к арбитру из другого города, который стал затем постоянным должностным лицом (подеста). Его назначали на короткий срок, не более года. Подеста щедро платили за то, что он исполнял должность судьи и разбирал споры враждующих сторон.

Но соседние землевладельцы подчинялись ему неохотно, пользуясь раздорами гвельфов и гибеллинов.

В 1250 году пришлось организовать городское ополчение, чтобы их усмирить. Командовать им стал капитан народа, избиравшийся, как и подеста, из числа иноземных рыцарей-гвельфов. Новому должностному лицу было также поручено принимать жалобы граждан на налогообложение и на вымогательства благородного сословия. Подеста же стал судьей по уголовным делам и принимал кассационные жалобы. Как при подеста, так и при капитане народа было по два совета. Советы при подеста назывались «Советами коммуны», потому что в них была представлена вся община: и благородное сословие, и купцы. Советы при капитане назывались Советами народа, потому что в них заседали только пополаны — ремесленники. Очень скоро они стали доминировать.

В 1266 году с торжеством гвельфов участие народа в управлении городом расширилось. Дело в том, что среди гибеллинов, отстраненных от власти, было много рыцарей. Теперь хозяева ремесленных мастерских и лавок их одолели. Управление все больше брали в свои руки сами корпорации, вернее крупнейшие из них (старшие цехи), за исключением судей и нотариусов, которые и так в разном качестве участвовали в городском управлении. Выборные представители, по одному от каждого из шести цехов, называвшиеся приорами, составляли исполнительную коллегию — синьорию, в которой представляли как свою корпорацию, так и одну из шести частей города — *sestieri* или *sesti*, заменивших прежнее деление города на кварталы.

В 1293 году «Установления справедливости», обнародованные 18 января^[1], дали народу еще больше власти. Пять средних цехов получили наряду с шестью старшими право выдвигать кандидатов на должности приоров и гонфалоньера справедливости. Гонфалоньер справедливости вместе с шестью приорами заседал в синьории, приводил в исполнение ее решения: в его распоряжении была вооруженная милиция численностью более двух тысяч человек. Такая структура синьории просуществовала до конца республиканского строя в XVI веке.

Постановления синьории рассматривал Совет ста, избранный из числа купцов города. Затем они поступали в Советы народа во главе с капитаном народа — один из 80, другой из 300 членов, представлявшие всех пополанов, то есть ремесленников, а потом — в Советы коммуны из 90 и 300 членов под председательством подеста, вместе с которыми заседали и цеховые консулы. Голосование было иногда открытым, иногда тайным; голосовали бобами: черный боб означал «за», белый — «против». Особо

важные дела выносились на рассмотрение народа, созывавшегося на собрание на главной площади и выражавшего одобрение возгласами. Прежде чем сформулировать свое предложение, приоры советовались со всевозможными экспертами. Кроме того, они могли созвать чрезвычайный комитет (*balia*) полномочия которого бывали весьма широкими.

Такое обилие советов и комитетов ставило власти под контроль большого числа граждан. Надзирала над ними и еще одна инстанция — партия гвельфов, официальная политическая организация, в 1267 году получившая усиленный аппарат управления, напоминавший государственный: коллегия капитанов с двумя советами. Партия следила, чтобы государственные постановления и действия частных лиц никоим образом не могли благоприятствовать гибеллинам. Она же выявляла подозрительных лиц. Республика поручала ей содержание крепостей, укреплений и общественных зданий. Под таким надзором члены синьории в принципе не имели никакой возможности определять политику. Впрочем, и мандат их действовал всего два месяца.

Их жизнь регулировалась строжайшими правилами. Членов синьории запирали в помещении, где они находились и днем и ночью и полностью содержались на общественный счет. Первоначально их резиденция находилась в башне близ дворца подеста, потом во Дворце коммуны (сейчас называется палаццо Веккио), построенном в конце XIII века. Никакого жалованья им не платили. По окончании срока исполнения обязанностей они получали пожизненную привилегию носить любое оружие в стенах Флоренции. Никто не мог быть переизбран приором раньше, чем через два года, а гонфалоньером — через год.

К синьории, основному правительственному органу, в июне 1321 года прибавился Совет двенадцати почтенных мужей (*buoni uomini*), избиравшийся на шесть месяцев для принятия решений. Этот совет позволял в течение трех полномочий синьории поддерживать единое направление в политике. Благодаря очень частому избранию приоров, гонфалоньера справедливости, почтенных мужей, а также знаменосца (гонфалоньера) городского ополчения город постоянно находился в возбуждении. Чтобы избавиться от этого, в 1323 году была принята очень хитроумная система выдвижения кандидатур (*squittino*): синьория вместе со специально назначенным для этого комитетом составляла список граждан, способных занимать государственные должности на сорок два месяца, то есть двадцать один срок полномочий синьории. Имена писались на кусочках пергамента, которые запечатывались в восковые шарики, а те клали в мешочки. При необходимости назначить новое должностное лицо

(всего их было 136) из мешочков доставали шарики и назначение проводилось по жребию. Периодически (не реже, чем раз в пять лет) процедура повторялась, чтобы обновить список лиц, достойных избрания.

Постепенно эта система совершенствовалась. На чрезвычайном собрании, составлявшем список, стали присутствовать три иноземных монаха (францисканец, доминиканец и отшельник), дававшие обет беспристрастия. Их задача состояла в том, чтобы записывать имена, названные собранием, на листочки, которые клали в мешочки, и в общий список, с которым сверялись в спорных случаях. Мешочков брали семь: по одному на каждую из шести частей города (*sesto*) и еще один, из которого доставался мешочек с именем гонфалоньера. В других мешочках, побольше, лежали листочки с именами кандидатов на другие должности. Мешочки хранились во францисканском монастыре Санта-Кроче. Список — в доминиканском монастыре Санта-Мария Новелла. Жребий тянули капитан народа и подеста. Наряду с этим система учреждений упрощалась: исчез Совет ста при приорах, а советы при подеста и при капитане народа слились. Между тем в избрании одного приора от *sesto* был недостаток: один человек, представлявший целый округ, получал личный политический вес, тем больший, чем большими были его собственные богатство и известность. Выход был найден в 1343 году. Иностранный сеньор Готье де Бриенн, герцог Афинский, призванный в арбитры, распустил все государственные учреждения, которые подлежали папской реорганизации. Деление города на шесть частей упразднили и восстановили старое деление на четыре квартала, названные по именам главных храмов: Санто-Спирито (или Ольтарно), Санта-Кроче, Сан-Джованни, Санта-Мария Новелла. К каждому из кварталов была приписана граничившая с ним сельская территория (*контадо*).

Число приоров было доведено до восьми — от каждого квартала по два. Вместе с гонфалоньером справедливости в синьории стало девять членов. Коллегия почтенных теперь состояла из двенадцати членов (по три от квартала), а другая коллегия — гонфалоньеров городского ополчения — из шестнадцати (по четыре от квартала). Члены двух собраний — Совета народа и Совета коммуны — также представляли кварталы в равной пропорции.

Городской бюджет в сравнении с бюджетами других крупных европейских государств был велик. Доходы в ничем не примечательном 1330 году достигали 300 тысяч флоринов, расходы 120 тысяч, но в военное время сразу же наступал дефицит. Коммунальная казна пополнилась соляным сбором и пошлинами, взимавшимися при въезде в город на

продукты питания, а в самом городе — на предметы роскоши. Позднее пошлинами были также обложены сделки с недвижимостью и строительство. Кроме того, государственный бюджет пополнялся за счет принудительных займов (*prestanze*). Торговые компании и частные лица облагались налогом на основании оценки их доходов (*estimo*). Те, кто аккуратно платили свою долю и первыми подписывались в книгах государственного займа (*monte*), получали значительные проценты и признавались годными к исполнению общественных должностей. Малые ремесленные корпорации, облагавшиеся налогом наряду с другими, все настойчивее требовали признания себя особыми цехами.

Социальные волнения и победа именитых граждан

Среди самых низших слоев населения Флоренции самыми обездоленными были "*braccianti*" (чернорабочие) и «*ciompi*» (чесальщики шерсти). Наниматели подвергали их физическому насилию. Они были почти как рабы, которых держали тогда почти во всех знатных семьях: венецианцы похищали славян и кавказцев на берегах Черного моря и с большой выгодой продавали в Италии.

Непокорность рабов иногда выражалась в убийствах и побегах, но солидарность именитых людей никак не давала тем, кого называли «домашними врагами», проявить себя в массе. Зато нищий люд время от времени находил для себя глашатаев. В частности, герцог Афинский в 1343 году даровал младшим цехам право иметь своих консулов. После демографической катастрофы, вызванной «черной смертью», нехватка рабочих рук пошла на пользу бедноте, труд которой был необходим для нового подъема экономики. Объектом ее давления стали представители «жирного народа». Младшие цехи требовали допуска к управлению государством, но восстановление традиционных учреждений ущемило их.

Часть «жирного народа» намеревалась в собственных интересах использовать народное недовольство. Это были купцы; лишь недавно вошедшие в деловые круги: Рондинелли, Каппони, Медичи. Старые фамилии — Пацци, Донати, Барди — не допускали их к власти. Впрочем, известны и исключения: так, в 1341 году некий Джованни Медичи был в составе делегации послан флорентийцами вступить во владение Луккой, которую они купили у немецких рыцарей. Но этот Медичи не смог справиться с пизанцами, отобравшими новое владение у Флоренции, и герцог Афинский при рукоплесканиях старых семейств его за это казнил.

После чумы 1348 года соперничество между старыми фамилиями и представителями новой городской верхушки (последние стали называться пополанами) приняло форму скрытой гражданской войны. Молчаливая поддержка простонародья делала пополанов опасными. Старые фамилии искали способы отстранить их от общественных должностей. Они узаконили практику «аммониций» — публичных доносов на людей, подозреваемых в симпатиях к гибеллинам. Те, на кого поступил донос, подвергались различным наказаниям, главным из которых была «гражданская смерть» — исключение из списков кандидатов на высшие должности.

Власть принадлежала крупной буржуазии. Ее лидеры Пьеро дельи Альбиции, Карло Строцци и Лапо ди Кастильонкьо правили прямо или через своих клевретов. С 1357 по 1366 год они исключили из списков больше двухсот человек, принадлежавших к народной партии, в том числе и некоторых своих родственников. Группа энергичных людей — Бенедетто дельи Альберти, Джорджо Скали, Томмазо Строцци (двоюродный брат Карло) и Сальвестро Медичи — ждала реванша.

Несмотря на давление со стороны городской верхушки, Сальвестро был избран гонфалоньером. Он тотчас же предложил синьории закон об амнистии тех, кого сочли подозрительными лицами. Большинство приоров не поддержало это предложение, тогда Сальвестро внес его на рассмотрение в Совет народа, и тот принял закон. Узнав об этом, простой народ восстал против крупных буржуа, разграбил и сжег их дома. Таким образом, еще до окончания срока магистратуры в июне 1378 года Сальвестро Медичи удалось свергнуть власть магнатов в республике. Но крупные буржуа, хозяева старших цехов, были еще очень сильны. Они могли назначить на высшие должности своих людей и вновь взять государство под свой контроль. Для победы над ними нужен был не бунт, а революция. Восстав в первый раз, бедняки-рабочие испытали свою силу. Сальвестро Медичи и его друзья подстрекали их продолжить выступления против существующего социально-экономического порядка. Чернорабочие, и в первую очередь чесальщики шерсти (чомпи), на тайном собрании поклялись сражаться, не щадя своей жизни, чтобы завоевать право объединяться в профессиональные ассоциации. Они хотели добиться таких условий найма, чтобы иметь возможность достойно жить и участвовать в государственных делах.

Народное восстание под руководством главы чомпи Микеле ди Ландо победило. Комитет по реформе (balia), в который входили Сальвестро Медичи и Бенедетто дельи Альберти, принял революционные решения.

Было создано три новых цеха. В первый вошли мелкие ремесленники — чесальщики шерсти; он насчитывал 9 тысяч членов. Второй составили красильщики, сукновалы, изготовители чесальных гребней. Третий — стригали, штопальщики, промывальщики, чулочники, изготовители знамен. Новые цехи наряду с другими корпорациями приняли участие в выборах новой синьории и получили пять мест из девяти. Пост гонфалоньера по справедливости достался чесальщику Микеле ди Ландо. У старых младших цехов было два места, у старших цехов — также два. Таким образом, все младшие корпорации получили большинство голосов — семь из девяти. Новая синьория создала прочную основу для участия народа в управлении. Было решено, что впредь каждая из трех групп цехов — старшая, средняя и младшая — будет получать по три голоса в синьории, а гонфалоньер будет выбираться от каждой из групп по очереди.

Такой строй, чересчур демократичный для республики, основанной на власти крупных купцов, не мог не оказаться эфемерным. В октябре 1378 года старшие цехи заключили соглашение с младшими, после чего первый и самый буйный из новых цехов, цех чесальщиков шерсти, был упразднен. Из остальных двадцати трех цехов семь старших (традиционные старшие цехи) получили право избирать четырех членов синьории, а шестнадцать младших — пять. Гонфалоньер избирался по очереди от одной и от другой группы. Небольшая группа вождей неудавшейся революции, в том числе Микеле ди Ландо, подчинившийся восстановленному порядку, сохранила свои привилегии.

«Восстановление республики» консервативными силами повлекло за собой волну протестов и кровавых народных бунтов. Но они были безжалостно подавлены. В 1382 году цех суконщиков вернул себе первенство. Два новых младших цеха были упразднены. Большой бунт чомпи закончился казнями и изгнаниями. Джорджо Скали был осужден на смерть, Сальвестро Медичи изгнан в Модену, Микеле ди Ландо — в Кьоджу, Бенедетто дельи Альберти — в Геную. С ними в изгнание отправилось множество сторонников и членов дружественных им семейств.

Движение Флорентийской республики к демократическому строю резко оборвалось. «Жирный народ» (купцов) одолел «тощий» народ (простой). Олигархия старших цехов, строго контролируя списки подлежащих избранию, обеспечивала себе большинство мест в коллегиях и комиссиях: так, старшие цехи теперь постоянно имели четырех своих приоров из восьми, а также своего гонфалоньера. Крах народной партии подорвал положение новой знати, вышедшей из этой партии и

возглавлявшей ее. Итак, для этих людей, в том числе для Медичи, начался период долгого странствия в пустыне.

Глава 2. МЕДИЧИ ВЫХОДЯТ ИЗ ТЕНИ

Волна народного возмущения вознесла Медичи на вершину власти, а отлив этой волны во второй половине XIV века унес их обратно. Их постигла та же судьба, что и многие другие флорентийские фамилии. В течение нескольких поколений они терпеливо поднимались по общественной лестнице, общими интересами, участием в различных корпорациях и браками укореняясь в среднем классе.

Род низкого происхождения

Род Медичи происходит из области Муджелло, долины верховьев Съеве, правого притока Арно. Эти живописные и плодородные места защищены от северных ветров высокими горами: высота Апеннинских гор здесь от 1700 (Фальтерона) до 1000 метров (Монтеджови). В долине много деревень. Некоторые из них, видимо, еще в давние времена перешли к Медичи от знатных семейств Убальдини и Копти: это Сан-Пьетро сопра Съеве, Борго Гринцелли, Реццанико, Треббио, Кафаджоло. О первых Медичи сохранилось множество легенд. По одной из них родоначальник фамилии был угольщиком в Муджелло, а его сын стал врачом — отсюда якобы их семейное имя и герб с геральдическими шарами, или «хлебами», в которых видели пилюли и даже медицинские банки. Другая легенда связывает их герб с эпическим сюжетом. Во времена Карла Великого в ущелье Съеве будто бы свирепствовал некий великан Муджелло. Храбрый рыцарь Аверардо Медичи отважился вызвать его на бой и убил. В бою великан ударил по щиту противника палицей с железными шарами — вмятины от них и являются знаменитыми геральдическими шарами. Рыцарь передал свой герб потомкам, хранившим память о славной победе.

Но если и существовали эти благородные корни, первый Медичи вышел в 1201 году из лона флорентийской буржуазии: Кьяриссимо, сын некоего Джамбуоно Медичи, стал членом Совета коммуны. У него было несколько домов возле Старого рынка. В 1251 году другой Медичи, Джованни, принимал участие в военном походе против ломбардцев. В 1291 году Ардинго, сын Бонаджунты Медичи, стал приором. В 1296 и 1297 годах он был гонфалоньером справедливости. В 1299 году гонфалоньером стал его брат Гуччо. Еще один Медичи, Аверардо, был гонфалоньером в

1314 году. Выше мы уже рассказывали о другом Джованни Медичи — том самом, которого казнил герцог Афинский за неудачу в Лукке; у него был брат Франческо, отомстивший за Джованни, способствовав падению тирана, а затем участвовавший в Совете по пересмотру конституции.

Уже тогда семейство Медичи было весьма заметным среди пополанов, боровшихся с крупной буржуазией. В борьбе этих партий отличился некто Бартоломмео Медичи. Потом Сальвестро Медичи — как мы видели, он сыграл решающую роль в восстании чомпи. До этого времени состояние Медичи считалось средним. На принудительный заем 1364 года с них было взято 304 флорина, в то время как, например, со Строцци — 2062 флорина. Заметим, что критериями, по которым во Флоренции выбирали кандидатов на занятие высших постов и экспертов, дававших советы государственным учреждениям, были богатство и деловой успех. Между тем Медичи в различные советы и комитеты входили редко. Кроме того, им недоставало сплоченности: в отличие от Строцци. Альбицци и других, девять ветвей этой чрезвычайно разросшейся семьи ожесточенно враждовали друг с другом. С 1343 по 1360 год представителям рода Медичи было вынесено пять смертных приговоров. Большинство из них было изгнано после восстания чомпи. Затем, в конце XIV — начале XV века, избежавшие изгнания составили заговор против государства и также были изгнаны. В 1400 году в городе оставались только Вьери и Аверардо Медичи с детьми. Аверардо получил прозвище Биччи по имени ростовщика — современника Данте. Это были небогатые семьи: на принудительный городской заем с них было взято лишь 220 и 12 флоринов соответственно.

Аверардо умер от чумы в 1363 году. После раздела имущества пять его сыновей получили весьма незначительное наследство. Они вернули своей матери Джакомо Спини 800 флоринов приданого и, согласно воле отца, передали 60 серебряных ливров богоугодным заведениям во искупление за те барыши, которые покойный мог получить нечестным путем. Два его сына, Франческо и Джованни, оба часто именовавшиеся «ди Биччи» по прозвищу отца, поступили на службу к своему дальнему родственнику Вьери, сыну Камбио Медичи. Вьери был двоюродным братом Сальвестро, друга мятежных чомпи. Он был в числе 67 флорентийских граждан, которых восставший народ 20 июля 1378 года возвел в рыцарское достоинство. В 1348 году он был записан в цех менял, но занимался также экспортом через пизанский порт. Вместе со своим компаньоном Джакомо Вентури Вьери основал филиал своей фирмы в Венеции. Он был связан с торговыми домами по всему побережью Далмации. Дела Вьери Медичи шли в гору благодаря соединению капиталов при создании новых торговых

компаний. В 1382 году его партнером стал Франческо Медичи, а в 1385-м — его младший брат, вошедший в историю семейства под именем Джованни ди Биччи.

Наследие Джованни ди Биччи: финансы и политика

Джованни был наемным управляющим компании, которую Вьери открыл в Риме. Женитьба на Пиккарде Буэри, богатой невесте из флорентийской буржуазии, дала ему свободные средства: 1500 флоринов приданого, которые он в октябре 1385 года внес в капитал компании. Так он, наряду с Вьери, стал главным партнером римского филиала.

В 1393 году старый и больной Вьери отошел от дел. Он поздно женился и не имел наследников, кроме двух несовершеннолетних детей. Свою долю капитала компаний Вьери продал родственникам и компаньонам. Дети Аверардо ди Биччи стали полноправными хозяевами фирм, в которых прежде были акционерами. Франческо, а затем его сын, названный в честь деда Аверардо, успешно управляли торговыми домами и меняльными конторами во Флоренции, Риме, Пизе, а также в Испании — Барселоне и Валенсии. Но в 1443 году, со смертью Аверардо-младшего, их дело прекратилось.

Джованни ди Биччи повезло больше. Он сделал компаньоном своей римской компании Бенедетто Барди, а затем, в 1397 году, перенес контору во Флоренцию. Так было положено начало банку Медичи. При этом Джованни значительно увеличил капитал: он сам вложил 5500 флоринов, Бенедетто — 2 тысячи, а новый компаньон Джентиле Буони (правда, вскоре вышедший из дела) — 2500. Из 10 тысяч после ухода Буони осталось 8 тысяч флоринов. Результат превзошел ожидания: к концу первого года прибыль на капитал достигла 10 процентов.

Причины такого процветания просты. В Риме компания получила много денег она была уполномочена собирать некоторые платежи в папскую казну, а главное — принимала вклады от послов, паломников и священнослужителей разного сана: аббатов, епископов, кардиналов, должностных лиц папской курии. Джованни ди Биччи вложил эти деньги в коммерческие предприятия сначала во Флоренции, а начиная с 1398 года (и чем дальше, тем больше) — стал вкладывать их и в Венеции. В 1402 году он даже основал в городе дождей на месте прежнего филиала компанию с капиталом 8 тысяч флоринов, из которых тысячу внес Нери Торнаквинчи — управляющий, ставший компаньоном.

Джованни ди Биччи вывозил из Флоренции главным образом ткани и сукна, которые покупал у местных предпринимателей. В 1402 году он решил сам стать предпринимателем: купил суконную мануфактуру на имя своего старшего сына, тринадцатилетнего Козимо — того самого, который стал впоследствии "великим купцом". Таким образом, мальчик очень рано получил практический опыт. Управлял предприятием, разумеется, профессионал Микеле Бальдо, ставший компаньоном с капиталом 1000 флоринов, но основную долю капитала, 3 тысячи флоринов, Джованни закрепил за сыном. Такую же операцию Джованни ди Биччи проделал в 1408 году — купил еще одну суконную фабрику под управлением Таддео ди Филиппо и вложил в нее 4 тысячи флоринов на имя второго сына, Лоренцо, которому едва исполнилось тринадцать лет.

Фирма Джованни ди Биччи — головная контора и две мануфактуры во Флоренции, автономные компании в Венеции и в Риме, филиалы в Гаэте и Неаполе — стала крупным предприятием. Ее общий капитал достигал 20 тысяч флоринов, инвестированных преимущественно в банки: 8 тысяч флоринов во флорентийский, 8 тысяч в венецианский, 4 тысячи в римский. Притом служащих было немного, всего семнадцать: пять во Флоренции, по четыре в Венеции и Риме, четыре в Гаэте и Неаполе. Годовое жалованье в 1402 году варьировалось от 20 флоринов для новичка до 60 и даже 100 флоринов для опытного служащего.

Брат Бенедетто де Барди, заведовавший римским банком, получал 100 флоринов, а Нери Торнаквинчи, управляющий венецианским банком, — 400, но он, кроме того, имел долю в капитале и участвовал в прибылях.

К счастью, мы имели возможность изучать в архиве Флоренции три секретные книги банка Медичи. Они велись в головной конторе и охватывают период с 1 октября 1397-го по 24 марта 1451 года. Благодаря им мы знаем, как работал банк. В частности, получили весьма труднодоступные во все времена сведения: распределение прибылей между компаньонами, сумму тайных вкладов, напоминающих современные номерные счета в швейцарских банках — ведь богатых людей: кардиналов, князей, важных сановников, прятавших деньги в банке Медичи, — было очень много.

Мы можем констатировать, что с 1397 по 1420 год прибыль от шести отделений банка и двух мануфактур за вычетом долгов, различных убытков и процентов, выплачивавшихся директорам отделений соответственно их вложениям, достигала 151820 флоринов, из которых три четверти (113 865 флоринов) поступала Джованни ди Биччи, а четверть (37 996 флоринов) — Бенедетто Барди. Благодаря весьма доходной меняльной деятельности в

интересах папской курии и высоких духовных лиц выше всего прибыль на капитал была в Риме — более 30 процентов.

Основная часть прибылей вкладывалась в дело, но Джованни ди Биччи брал из нее большие суммы, чтобы сколотить личное состояние. Как мы знаем, от отца он не унаследовал большого достатка. У него не было внешних знаков богатства, внушающих доверие, поэтому он покупал дома во Флоренции, фермы и земли в Муджелло. Как быстро он богател, видно по тому, как все больше возрастала сумма, взимавшаяся с него на принудительные займы: от 14 флоринов в 1396 году до 150 флоринов в 1403 году, в то время как наследники Вьери Медичи уплатили 748 флоринов. В 1413 году взнос Джованни составлял 260 флоринов, наследников Вьери — 235. В 1427 году, при составлении «катасто» (всеобщей имущественной оценки), Джованни ди Биччи оставил позади себя почти всех деловых людей: с него было взято 397 флоринов. Больше внесли только Палла ди Нофри Строцци (507 флоринов) и два брата Панчатики вместе (636 флоринов).

В 1420 году произошли большие перемены. Бенедетто Барли умер. Его место среди главных компаньонов занял брат, Илларионе Барди. Престарелый Джованни ди Биччи уступил свое место в компании сыновьям Козимо и Лоренцо.

Каждый партнер внес 8 тысяч флоринов. Начальный капитал в 24 тысячи флоринов был неравномерно разделен между разными банками: 10 500 флоринов вложено в флорентийскую «меняльную лавку», 6 тысяч — в римский банк, 7 тысяч — в венецианский. Директора отделений увеличили их капиталы, вложив собственные средства: 1500 флоринов во Флоренции, по тысяче в Венеции и Риме. За это они получили долю в прибылях: пятую часть во Флоренции, четверть в Риме и Венеции. Благодаря системе участия управляющих банк Медичи во всех отделениях в 1420 году располагал капиталом в 27 600 флоринов. Кроме того, капитал в 3800 находился в шерстяной мануфактуре под управлением Таддео ди Филиппо.

В целом финансовый потенциал Медичи оценивается в 31 500 флоринов. Это немалая сумма, хотя она кажется довольно скромной в сравнении с капиталом банка Перуцци, годом ранее насчитывавшим 103 тысячи флоринов. Но капитал, вложенный Медичи в дело, был лишь малой частью их состояния, в совокупности достигавшего на день смерти Джованни ди Биччи в 1429 году 180 тысяч флоринов: такова оценка Лоренцо Великолепного, правнука Джованни.

Чем богаче становился Джованни ди Биччи, тем больше подозрительная крупная буржуазия отдаляла его от предназначенных ему

скромных должностей. После подавления восстания чомпи тех из членов семьи Медичи, кто не был казнен или изгнан, держали в стороне от важных постов. Но после 1402 года Джованни ди Биччи несколько раз был членом синьории в должности приора. Он поддерживал политику территориальной экспансии, которую вело правительство. Расширение контадо, начавшееся в середине XIV века приобретением Прато и Сан-Джиминьяно, дало Флоренции территорию около 4,9 тысячи квадратных километров. Экспансия присоединила значительные города с собственными пригородами. Постепенно образовался округ, своего рода венец из малых покоренных государств, собиравших собственные налоги, но управлявшихся губернаторами и капитанами, присланными из Флоренции.

В октябре 1406 года в состав Флорентийского округа вошла Пиза с территорией 2 тысячи квадратных километров. Таким образом, Флоренция получила выход к морю, жизненно необходимый для купечества. В ходе труднейших переговоров, предшествовавших этому приобретению, Пиза потребовала заложников. Туда были отправлены двадцать молодых людей из лучших флорентийских семей. Среди них был и Козимо, старший сын Джованни ди Биччи, которому только что исполнилось восемнадцать лет. Отец его был за это вознагражден: в 1407 году его назначили губернатором от Флоренции в вассальный город Пистою.

Так Джованни ди Биччи стал одним из правителей Флорентийской республики. Она же теперь владела территорией, позволявшей спорить с другими державами, делившими Италию, поскольку к ее собственному контадо добавились земли, зависевшие от иных городов. Таким образом, Флорентийское государство занимало пространство в 11 тысяч квадратных километров. Теперь оно могло противостоять угрозе со стороны Франции, стремившейся своим вмешательством поддержать претензии герцогов Анжуйских на Неаполь и Орлеанских на Милан, а иногда осуществлявшей протекторат над соседями Флоренции — например Генуей. Миланские Висконти и венецианцы также представляли постоянную опасность. Но после аннексии Пизы Флоренция почувствовала себя настолько сильной, что предложила провести у себя Вселенский собор, от которого ожидали прекращения Великой схизмы.

Флоренция и папство: Пизанский и Констанцский соборы

Уже тридцать лет христианский мир был расколот надвое. С тех пор как были избраны два соперничавших папы, в Риме Урбан VI, а в Авиньоне

Климент VII, государства, к великому соблазну верующих, подчинялись одной из двух юрисдикций. Флоренция не отдавала предпочтения ни той, ни другой. Поэтому, когда римский папа Григорий XII вместе со своими кардиналами отправился на переговоры с авиньонским папой Бенедиктом XIII, Флоренция могла предложить свои услуги. К согласию прийти не удалось. В 1408 году кардиналы обоих пап под давлением разных государств согласились созвать в следующем году Вселенский собор. Флоренция предложила провести его в Пизе, где после присоединения города держала свою администрацию и войско. И город и порт были хорошо защищены. Проведение Вселенского собора наряду с торговлей должно было способствовать процветанию города.

На открытии Собора в марте 1409 года присутствовало 10 тысяч человек. Дело надолго не затянулось: 5 июня оба соперничавших папы были признаны виновными в ереси и расколе и низложены. Избрали нового папу — архиепископа Миланского, недолгое время правившего под именем Александра V. Но ни тот ни другой из осужденных пап не пожелали отречься. Бенедикт XIII опирался главным образом на Испанию, а Григорий XII — на короля Владислава Неаполитанского, Роберта Баварского, короля Римского, то есть избранного императорского наследника, и на мелких итальянских князей, в частности, Малатеста из Романьи.

Теперь у христиан было три папы. Когда в мае 1410 года умер Александр V, его сменил один из кардиналов, Бальдассаре Косса, не столько прелат, сколько воин, под именем Иоанна XXIII. У этого папы была бурная жизнь, и в списке понтификов он фигурирует как антипапа. Поначалу он пользовался большой поддержкой флорентийских банкиров (в том числе и Джованни ди Биччи) и нового римского короля Сигизмунда. Чтобы объединить христианский мир, Сигизмунд добился от Иоанна XXIII созыва нового Собора, который открылся 1 ноября 1414 года в Германии, в городе Констанце.

На Констанцкий собор, как и на Пизанский, съехалось множество прелатов и послов. Им нужно было перевести в Констанцу часть своих доходов. К тому же заседания затянулись и каждодневные банковские услуги стали совершенно необходимы. Джованни де Биччи в Констанце представлял его молодой сын Козимо, получавший донесения о драматических событиях Собора. 2 марта 1415 года Иоанну XXIII пришлось в присутствии самого Сигизмунда поклясться, что он отречется от папского престола при условии, что и соперники его сделают то же. Но опасаясь насилия со стороны Собора, в ночь с 20 на 21 марта Иоанн бежал,

переодевшись простолюдином, с арбалетом на плече. Он тщетно пытался найти убежище во Франции с помощью герцога Фридриха Австрийского. Вскоре покровитель бросил его и примкнул к Сигизмунду. Папа оказался в руках императора. 29 мая он выслушал приговор о низложении, вынесенный Собором, который сам же он открывал и возглавлял. Сигизмунд заточил Иоанна в замке Радольфцелль, где он оставался три года, пока Джованни ди Биччи не уплатил за него требуемый императором выкуп в 35 тысяч флоринов. Низложенный понтифик нашел пристанище во Флоренции.

Банк Медичи, уже имевший прочные позиции в Риме, сохранил милость и нового папы Оддоне Колонны, избранного 11 ноября 1417 года после того, как Собор принял отречение Григория XII и тщетно пытался добиться того же от Бенедикта XIII. 26 февраля 1419 года папа, правивший под именем Мартина V, прибыл во Флоренцию. Там он принял изъявление покорности от Иоанна XXIII, вновь ставшего кардиналом Коссой. Синьория устроила папе пышный прием. Сама синьория теперь была только фасадом власти патрициата, особенно банкиров, которых в 1422 году насчитывалось 72. На смену лидеру олигархического режима Мазо дельи Альбицци, скончавшемуся в 1417 году, пришел его помощник Джинно Каппони. Когда же и он умер в 1420 году, душой кучки магнатов, управлявших республикой, стал крупный делец Никколо д'Уццано. Таким образом, приоры и гонфалоньер подчинялись финансовой олигархии, в которую и сами входили. Они жили по-княжески, держали во дворцах открытый стол. Теперь они получали жалованье в 300 золотых флоринов.

Государственные расходы: новое налоговое законодательство (1427)

Джованни ди Биччи прочно вошел в правящее сословие Флоренции. В 1421 году он стал гонфалоньером справедливости, несколько раз входил в совещательные советы при синьории. В 1402 году Джованни был в числе тридцати четырех экспертов, выбравших для второй бронзовой двери баптистерия Сан-Джованни проект молодого Лоренцо Гиберти и отвергших среди прочих проект Филиппо Брунеллески — столь же разностороннего, как и его соперник, гения, с тех пор переключившегося на архитектуру и создавшего для собора Санта-Мария дель Фьоре изящный и величественный купол. Джованни ди Биччи еще не раз вместе с коллегами, купцами и банкирами, выбирал художников для города. Так, архитектором ризницы церкви Сан-Лоренцо, строительство которой он финансировал

вместе еще с семью фамилиями, они выбрали Брунеллески, а скульптором — Донателло. Скульптором гробницы Иоанна XXIII в баптистерии Сан-Джованни, возведением которой он занимался как душеприказчик, Джованни ди Биччи также выбрал Донателло, а архитектором — Микелоццо.

В подобном интересе флорентийского общества того времени к искусству и литературе не было ничего необычайного. Сыновья Джованни ди Биччи Козимо и Лоренцо получили очень серьезное образование под руководством Роберто ди Росси, одного из первых флорентийцев, умевших читать по-гречески, друга гуманистов Бруни и Никколи. Джованни ди Биччи часто приглашал в гости знаменитых литераторов Поджо Браччолини, Марзуппини и Амброджо Траверсари. Во Флоренции такого рода знакомство с образованными людьми считалось очень престижным. Но для Джованни ди Биччи общение с ними было только досугом, не более того. Зато он не жалел трудов, чтобы вместе с другими именитыми людьми выправить катастрофическое финансовое положение Флоренции.

В начале века государство имело долг около 12 миллионов флоринов, в частности, из-за войны с Миланским герцогством и покупки новых земель (только Пиза была приобретена за полтора миллиона флоринов). Война с Миланом прекратилась было в 1426 году, но в 1428-м возобновилась. Все обычные фискальные инструменты, прямые и косвенные налоги, а также принудительные займы, приносили 770 тысяч флоринов в год. Этого было недостаточно. Нормы принудительных займов устанавливались на основе произвольной оценки имущества. Для богачей с их возможностями это было необременительно, а беднякам приходилось очень тяжело. Поскольку аккуратным плательщикам предоставлялись льготы (5—10 процентов по займу и места в избирательных списках), вся система способствовала социальному неравенству и повышала риск народных волнений.

Сменявшие друг друга правительства понимали это. Начиная с 1423 года они изучали возможность введения в городе венецианского *catasto* (кадастра), с тем чтобы обложение устанавливалось на основании декларации об основных составляющих капитала, которую подавал глава каждой семьи. Допускались вычеты на наемных слуг и орудия производства, а учету подлежали лица мужского пола.

Чтобы раз и навсегда покончить с дисбалансом бюджета, в кадастр решили включить жителей не только города и контадо, но и всех подвластных земель, а также иностранцев, духовных лиц и корпорации в качестве юридических лиц. Крупные купцы, в том числе Медичи, готовились нести убытки: например, обложение Никколо д'Уццано должно

было возрасти с 16 до 250 флоринов. Но сражаться против закона, принятого 24 мая 1427 года, никто не посмел. Напротив, Джованни ди Биччи, призванный для консультации как эксперт, публично одобрил его: ему нужно было сохранить лицо главы народной партии.

На самом же деле Медичи не без удовольствия наблюдали, как малые города, находившиеся под властью Флоренции, восставали против уничтожения их налогового иммунитета. Самый сильный бунт вспыхнул в Вольтерре. Джованни ди Биччи и его сына Козимо подозревали в подстрекательстве к нему: ведь их банк разместил там свои деньги, чтобы вывести их из-под налогообложения. Твердость синьории позволила усмирить волнения. 18 жителей Вольтерры, прибывших во Флоренцию с жалобой, были брошены в городскую тюрьму Стинке и оставались там полгода. Тем временем Медичи поняли, что пошли неправильным путем. Закон о кадастре остался в силе. Продолжая скрытую борьбу против его применения, они могли потерять симпатии флорентийских ремесленников и среднего класса, взамен приобретя лишь бесполезную популярность в Вольтерре. Поэтому Медичи постарались успокоить умы, но их вмешательства оказалось недостаточно, и синьории пришлось отправить войска на подавление бунта.

Это был удивительный промах осторожного, гибкого и терпеливого Джованни ди Биччи. Но фактически с 1420 года он уже не был главой дома Медичи. От его лица решения принимал старший сын Козимо. 20 февраля 1429 года шестидесятивосьмилетний Джованни умер, завещав сыновьям, сорокалетнему Козимо и тридцатичетырехлетнему Лоренцо, хранить мир в народе и расширять свою торговлю.

Похороны Джованни ди Биччи обошлись в 3 тысячи флоринов. По городу за открытым гробом прошли 28 членов фамилии Медичи, городские должностные лица, иностранные послы. Джованни ди Биччи похоронили в Сан-Лоренцо. Надгробие было предназначено и для его вдовы Пиккарды Буэри. Оно стоит посередине Старой ризницы, украшено фигурами амуров и гирляндами цветов. Надпись превозносит Джованни Медичи и его супругу как славных в мире сем.

Современники действительно так считали. Жизненный путь Джованни ди Биччи, постепенно и неуклонно восходившего к первым ролям в государстве, свидетельствует о неординарности этого человека, заслужившего уважение сограждан. Еще больше его заслуга перед своим семейством: Джованни открыл потомкам путь к успеху и в деловом мире, и в политике.

Глава 3. ОБРЕТЕНИЕ ВЛАСТИ

Триумвират: Козимо, Лоренцо и Аверардо Медичи

Козимо наследовал отцу как общепризнанный глава всех ветвей фамилии Медичи. Он был среднего роста, худощав, слегка смугловат, имел орлиный нос и толстые губы. Изящество и любезность (впрочем, и живости в нем было достаточно) заставляли забыть, что он дурен собой. Он долго подбирал слова, на публике говорил плохо, но в разговоре с глазу на глаз умело владел аргументами. Уже девять лет он, как опытный стратег, управлял делами дома Медичи. Острый на язык полемист Филельфо сравнивал его с хитрой и коварной лисой.

Лоренцо был младше Козимо на шесть лет. В его внешности не было ничего особенного. В высшем флорентийском обществе Лоренцо был своим: женат на девице Кавальканти, по матери происходившей от маркизов Маласпина ди Луниджана. Козимо тоже породнился с лучшими фамилиями: его супруга Контессина ди Барди, на которой он женился еще до того как отправился представлять семейные интересы на Констанцкий собор, происходила из знаменитого семейства, члены которого служили во всех отделениях банка Медичи. Со старинной знатью она тоже была в родстве: по линии отца, Джованни, происходила от графов Вернио, а по матери — от графов Эльчи. Сестры Козимо и Лоренцо вышли замуж в именитые семьи Джульи и Строцци.

Двоюродный брат детей Джованни ди Биччи Аверардо Медичи ладил с ними и в делах, и в политике. Филельфо называл его волком этой стаи. Триумвират богатых и влиятельных людей имел множество приспешников и сеть информаторов, среди которых был остроумный литератор Пуччо Пуччи. Художники и литераторы в обществе этих дельцов, получивших превосходное образование в камальдолийском монастыре Санта-Мария дельи Анджели, были своими людьми. Медичи знали латынь, греческий, древнееврейский и даже арабский, а также большинство европейских языков. Козимо, у которого еще не было своего дворца, принимал друзей в старом доме Барди, на котором повесил шит с восемью геральдическими шарами Медичи.

Вождем правившей патрицианской партии Ринальдо дельи Альбицци, Палле Строцци и Никколо д'Уццано не нравилась суэта вокруг этого

дворца. Но час раскола еще не пробил. Флоренция отправила армию против Лукки, надеясь отобрать ее у сеньора этого города Паоло Гвиниджи. В декабре 1429 года для руководства военными действиями был образован Комитет десяти. Братья Медичи стали его членами наряду с вождями патрицианской партии. Но результат похода был для Флоренции плачевен: Франческо Сфорца и Никколо Пиччинино разбили флорентийцев. Лукка с помощью Сиены, Генуи и Милана перешла в контрнаступление. В довершение неудач флорентийская торговля во Франции и Англии сильно пострадала: в 1428—1431 годах эти державы вели одну из самых драматических схваток Столетней войны, прославленную, в частности, эпоеей Жанны д'Арк. В феврале 1431 года умер папа Мартин V. Новый папа, венецианец Евгений IV, был врагом Милана. Но выступить на стороне Флоренции он не смел, потому что Милан поддерживал император Сигизмунд, только что созвавший Вселенский собор в Базеле. Целью Собора была борьба с ересью, распространявшейся в Чехии, а кроме того, он мог реформировать Церковь, ослабив папскую власть.

На этой волне кризисов начались столкновения между итальянскими государствами. Венеция, союзница Флоренции, потерпела поражение на По, но в августе 1431 года одержала победу над генуэзцами при Порто Фино. Однако в Италию пришел, преодолев Альпы, император Сигизмунд. В ноябре 1431 года он вступил в Милан, а летом 1432 года отправился в Сиену для переговоров с папой. Союз противников Милана, Генуи и императорских войск распался. Флоренция, дававшая большую часть денег, не выдержала гнета налогов. Согласно катасто, месячный налог должен был составлять 1 процент капитала (вдвое выше обычного). Но в феврале 1432 года государственные нужды выросли настолько, что каждое семейство обложили месячным налогом в размере 18 процентов капитала. Даже самые богатые отказались платить: например, Палла Строцци не смог заплатить налог в размере 500 флоринов, а долги его достигли 13 408 флоринов!

Агрессивная политика патрициата потерпела крах. Республика шла к банкротству. Нужно было заключать мир. Козимо Медичи и Палла Строцци сделали это в Ферраре в 1433 году. Венеция получила по нему кое-какие территории, но Флоренция добилась лишь обещания герцога Миланского Филиппо Марии Висконти не вмешиваться в тосканские дела. Народ возмутился. Ринальдо дельи Альбицци, пользуясь тем, что Козимо после переговоров уехал отдохнуть в свои поместья в Муджелло, обратил это негодование против Медичи.

Очередные выборы синьории на сентябрь — октябрь 1433 гола принесли победу сторонникам Ринальдо. За него были шесть из восьми приоров, а главное — гонфалоньер Бернардо Гваданы, не простивший Медичи, что его родной дом сожгли чомпи. Чтобы допустить Гваданы к должности, Ринальдо внес за него налоговую недоимку. В благодарность новый гонфалоньер вызвал Козимо во Флоренцию и посадил под арест в здании синьории (7 сентября — 3 октября). Опасаясь за свою жизнь, Козимо просил сторонников не провоцировать тюремщиков и не браться за оружие. Покорностью он не заслужил снисхождения: ему вменили в вину все заговоры, в которых были замешаны Медичи с 1378 по 1431 год (неудачная война с Луккой), и синьория приговорила его к изгнанию. Это решение было объявлено народу на главной площади. Под страхом применения оружия синьория вырвала у собравшихся право созвать чрезвычайный комитет (*balia*) из двухсот членов, назначенных приорами и обладавших всей полнотой власти.

Балия собралась незамедлительно. Она приняла радикальные меры, чтобы отстранить от публичных должностей Медичи и всех недругов патрицианской партии. До тех пор синьория с ее советами раз в пять лет созывала специальную комиссию для составления списка из двух тысяч граждан, допущенных к государственным должностям. Затем она еще раз проверяла кандидатов по их способностям, из-за чего членов комиссии прозвали «сводниками». Составлялись два новых списка. Малый список включал имена флорентийцев, достойных исполнять обязанности трех высших должностных лиц: 9 членов синьории сроком на два месяца, 12 «почтенных мужей» сроком на три месяца и 16 гонфалоньеров сроком на четыре месяца. Второй список включал имена граждан, допущенных к прочим государственным должностям. Члены комиссии переписывали имена на листки и клали их в мешочки — по одному на каждый городской квартал; лица, занимавшие высшие должности, как считалось, были представителями кварталов. Когда эта процедура заканчивалась, комиссия «сводников» распускалась. Жребий на должности тянули «нейтральные» должностные лица: подеста и капитан народа.

Теперь эта процедура, при которой из мешочков в любой момент могли быть извлечены листочки бумаги с именами противников правящей партии, упразднялась. После составления списков «сводники» оставались при должности и в установленные сроки вместе с членами синьории

выбирали сторонников режима для занятия должностей из числа внесенных в списки.

Та же балия установила срок изгнания Медичи: вначале пять, а потом десять лет. Им назначили удаленные друг от друга места пребывания: Козимо предписывалось отправиться в Падую, его двоюродному брату Аверардо — в Неаполь, Лоренцо — в Венецию, прочим членам семьи — в другие города. Все они объявлялись навсегда исключенными из общественной жизни. Наказание не коснулось только сыновей Вьери де Медичи.

Приговор был суров, но Козимо радовался, что сохранил жизнь: некоторые члены балии предлагали удавить или отравить его. 3 октября банкир отправился в изгнание, оставив залог в 20 тысяч флоринов как гарантию, что он не будет участвовать ни в каких интригах против Флоренции. Козимо проехал через Феррару, где маркиз устроил ему великолепный прием, и 11 октября прибыл в Венецию. Там его приняли с большими почестями, а он преподнес в дар республике 15 тысяч дукатов. В декабре флорентийская синьория, приняв во внимание его хорошее поведение, разрешила ему совершать поездки по всем венецианским владениям. Пользуясь этим дозволением, он поселился в Венеции в бенедиктинском монастыре Сан-Джорджо, причем расширил и украсил монастырскую библиотеку по проекту своего архитектора Микелоццо, состоявшего в его личной свите. Вельможный образ жизни, спокойствие и благодушие Козимо в изгнании снискали ему симпатии многих людей, в том числе и во Флоренции. Впрочем, все знали, что богатство Медичи от изгнания не пострадало. Банк во Флоренции был закрыт, но не перестал существовать. Кладовые «меняльной лавки» и семейное собрание произведений искусства, включавшее драгоценные реликвии (кусоч ризы Христовой и терновый венец), передали на хранение отшельникам Сан-Миниато и в доминиканский монастырь Сан-Марко.

Недовольство властями росло. Вскоре его давление вынудило Ринальдо дельи Альбицци возобновить назначение приоров по жребию. В августе 1434 года выборы синьории дали сторонникам Медичи трех приоров и гонфалоньера. Ринальдо пытался препятствовать возвращению Козимо, созвав народное собрание и вновь назначив балию. Это ему не удалось.

Посредничество предложил папа Евгений IV: после того как в мае 1432 года войска Филиппо Марии Висконти изгнали его из Папской области, он жил во Флоренции в монастыре Санта-Мария Новелла. Голосованием советов при синьории 2 октября все изгнанники были

восстановлены в правах. Чтобы это решение не выглядело капитуляцией, его распространили и на давно уже изгнанное семейство Альберта.

Триумфальное возвращение Козимо (1434). Партия Медичи

Получив приглашение синьории вернуться во Флоренцию, Козимо тотчас отправился в путь. 5 октября он въехал на флорентийскую территорию. В Пистое его приветствовали изъявлениями искренней радости. 6-го числа он обедал на своей вилле Кареджи. Во Флоренции синьория устроила ему триумфальную встречу. Тридцать один противник Медичи был приговорен к изгнанию и крупному штрафу. Ринальдо дельи Альбицци сослали в Неаполь, а его сына в Гаэту. Изгнали и еще около сотни магнатов, в том числе бывшего товарища Козимо Паллу Строцци. Их потомков лишили гражданских прав. Большинство из них уже не вернулись во Флоренцию, а основали итальянские колонии, в частности, во Франции и в Провансе, ставшие рассадником заклятых врагов Медичи. Избирательные списки, составленные по воле Ринальдо дельи Альбицци, сожгли. В октябре составили новые, со множеством имен сторонников Медичи. Чтобы выбрать граждан, способных занимать государственные должности, собрали комиссию «сводников»: нововведения предшественника Козимо использовал в собственных интересах. Он энергично вел политику чисток и репрессий, заявив, что лучше оставить город без жителей, чем дать пропасть городу. Тем, кто выражал опасение, что так можно уничтожить высшее сословие, он возражал, что новых граждан можно получить когда угодно — хватит нескольких локтей пурпурного сукна. Козимо лицемерно сожалел об излишнем рвении синьории, но она ничего не делала без его одобрения. Сам он входил в правительство в качестве гонфалоньера лишь два месяца (в январе и феврале 1435 года) и хвастался, что в течение этого срока никого не лишили гражданских прав. Но все главные враги тогда уже были изгнаны. Затем преследования оппозиции продолжились: под влиянием друзей Медичи, занимавших высокие посты, противников Козимо по-прежнему изгоняли, сажали в тюрьмы, лишали имущества. Во Флоренции настало время радикальных политических перемен. Используя оружие, выкованное своими врагами. Козимо выгнал их из государства. Социальной революции не было: на смену одним патрициям пришли другие — но это было уже другое «большинство». Триумф партии Медичи обернулся «охотой на

ведьм» и полной сменой лиц во главе государства.

«Партия Медичи», как ее для удобства называют, не была оформленным объединением, организованным ради какой-то конкретной политической цели. Это был конгломерат семейств и отдельных лиц, окружавших дом Медичи, нуждавшихся в его покровительстве и плативших за него неизменной преданностью. Неофициальные узы Медичи и их клиентов могли зиждиться на родстве, брачных связях, соседских отношениях, экономической зависимости, наконец, личной дружбе.

В конце XIV века, когда разошлись позиции семи ветвей Медичи, родственная солидарность фамилии дала трещину. Затем, как можно видеть, под влиянием Джованни ди Биччи согласие возродилось: оно проявилось на похоронах старого банкира, где присутствовало множество его родичей. В 1433 году, когда Козимо был осужден на изгнание, его кузен Никколо, сын Вьери Медичи, избежал этой участи не потому, что переметнулся на сторону городской верхушки, а потому что в это время занимал должность гонфалоньера. С тех пор единство семьи окрепло: в 1440 году в малом списке лиц, годных для трех высших должностей, находился двадцать один Медичи.

Брачные союзы связывали клан Медичи со многими видными фамилиями: Сальвиати, Джанфильяцци, Серристоры, Питти, Ридольфи, Барди, Торнабуони (пополанская линия старой благородной семьи Торнаквинчи). Козимо в 1413 году женился на Контессине Барди, а супругой его старшего сына Пьеро стала Лукреция ди Франческо Торнабуони. Иногда союзы были неожиданными. Например Лука дельи Альбицци, брат Ринальдо, заклятого врага Козимо, в 1426 году женился на его двоюродной сестре Аврелии. Но браками укреплялись связи и с семьями простого происхождения, например, Мартелли. Некоторые из самых убежденных сторонников Медичи были их соседями. Разные ветви семейства имели дома в трех-четырех гонфалонах (подразделениях) квартала Сан-Джованни. Больше всего домов Медичи находилось в так называемом гонфалоне Золотого Льва, он же округ Сан-Лоренцо. Из 93 магнатов, поддерживавших Козимо, 45 также жили в квартале Сан-Джованни, из них 20 — в гонфалоне Золотого Льва, рядом со старым домом Джованни ди Биччи. Рядом с ним проживали семьи Джинори, Нерони, Делла Стуффа. Родители и дети давно друг друга знали, постоянно встречались на праздниках, играх, общественных мероприятиях и в церквях, входили в одни комитеты и мануфактурные советы. Их имена попадали в одни избирательные списки, они сменяли друг друга на

государственных должностях, обеспечивая непрерывное представительство своего квартала.

Со своими соседями Медичи были связаны своеобразными политическими интересами. С другими флорентийцами у них были взаимные обязательства финансового плана: торговые и банковские риски могли разорить семейства и отдельных лиц. Медичи широко раскрывали свои кошельки, в том числе членам таких влиятельных семейств, как Пацци или Бенчи. Бухгалтерская книга флорентийского банка содержит сведения о 39 займах подобного рода на крупные суммы, выданных в 1427—1433 годах. Эти деньги тратились не напрасно: на них покупались «клиенты», в уплату долга оказывавшие безусловную поддержку семейству Медичи.

Наконец, у Медичи было много друзей, которые считали благом то, что в городе возвысились любезные люди, остававшиеся близкими к народу. Среди них были художники и литераторы — и вышедшие из низов, как Пуччо Пуччи, и члены корпорации судей и нотариусов, как Антонио Мази, верный друг Козимо, в 1434 году отправившийся в Венецию торопить его с возвращением.

Сплочение приверженцев Медичи выразилось в их энтузиазме, с которым они преследовали Альбицци и их сторонников. Затем они осуществляли власть за спиной Козимо, оставшегося единственным главой партии: родного брата Лоренцо он полностью затмил, а кузен Аверардо скончался в декабре 1434 года.

Исключительные меры и конец гражданских свобод. Государство под контролем Козимо Медичи

Эти чрезвычайные обстоятельства неизбежно должны были, как и раньше, породить диктатуру партии, оберегавшей свою гегемонию под видом республиканского строя. Вожаки партии вскоре заткнули все щели, через которые могли просочиться их соперники. Постепенно они реформировали органы власти и создали такой режим, где не было места случаю и свободе.

Изгнанники в течение четырех лет пытались натравить миланского герцога на Флоренцию. Ничего не вышло: в 1435 году новый Феррарский мир остановил Милан; в 1438 году военные действия возобновились, но тогда был созван чрезвычайный комитет сроком на три года. Он сменил собой советы граждан при синьории из 200 и 131 члена. Балия присвоила

себе все властные полномочия: составление списков, военные дела, введение налогов, заменившее кадастр, и, само собой, надзор за неблагонадежными лицами.

Ее бдительность срывала любые заговоры. Город был до того спокоен, что в 1439 году папа Евгений IV созвал в нем Вселенский собор. Правда, год спустя изгнанники, соединившись с миланскими войсками, вновь напали на Флоренцию. Но удача оказалась на стороне Флорентийской республики, 29 июня 1440 года одержавшей победу при Ангиари.

Козимо и его сторонники решили, что владеют ситуацией, и приступили к некоторой либерализации режима: балию сменил совет из 121 члена, формировавшийся более демократичным образом.

Но эта мера лишь придала смелости их противникам. В 1444 году кончился срок изгнания, на которое было осуждено большинство из них. Они должны были вернуться во Флоренцию. Не было сомнений, что они попытаются свергнуть Медичи. Тогда Козимо опять прибегнул к авторитарной политике. Новая балия, созванная по этому случаю, продлила всем срок изгнания еще на десять лет. Тем самым Медичи получил передышку, позволившую ему укрепить внешнеполитический престиж. Он заключил союз с кондотьером Франческо Сфорцой, который в 1450 году стал герцогом Миланским, унаследовав титул от своего тестя Филиппе Марии Висконти. Щедрое субсидии новому герцогу давали гарантию, что Милан больше не будет убежищем для флорентийских изгнанников и станет сдерживать Венецию, вторжения которой опасались флорентийцы.

Впрочем, перманентная враждебность между итальянскими государствами отошла на второй план перед внешней угрозой, исходившей от турок: 29 мая 1453 года султан Мехмед II взял Константинополь. По призыву папы Николая V 2 марта 1455 года Флоренция подписала с Миланом, Венецией, Римом и Неаполем пакт о ненападении сроком на двадцать пять лет.

Поскольку теперь никакой опасности для Флоренции в принципе не было, народ стал роптать против непосильных поборов. В 1458 году правительство Медичи согласилось восстановить более справедливую систему кадастра. Но проявления недовольства не прекратились. Теперь протестовали против слишком частого созыва всемогущих балий. Общим желанием было восстановление назначения на должности по жребию и древних республиканских учреждений.

Козимо почувствовал, что если он согласится на это требование, то может лишиться власти. Он рискнул пойти наперекор пожеланиям своих сограждан, не дожидаясь, пока они оформятся. 11 августа 1458 года Лука

Питти созвал народ на собрание. Под угрозой войск, окруживших площадь, двумстам пятидесяти собравшимся навязали новую балию для проведения реформы государства. И реформа началась тотчас же. Было решено, что до 1465 года государственные должности по жребью замещаться не будут. Кандидатуры из предварительных списков на три главные должности выбирала комиссия, состоявшая из «сводников» и членов синьории. Поскольку и те и другие были сторонниками Медичи, мера эта была направлена на то, чтобы продлить власть семьи на неопределенный срок. На прочие должности назначал вновь созданный совет из ста членов, преданных режиму и прежде занимавших высшие должности. Два старых республиканских Совета сохранились, но играли отныне второстепенную роль.

В 1459 году практически завершился процесс, начавшийся в 1434-м: Козимо при посредстве верных ему людей контролировал все рычаги государства. Приоры, члены синьории, назывались отныне «приорами свободы». Но гражданскую свободу, прежде в принципе гарантированную жеребьевкой должностей, теперь попирали богатые купцы Медичи.

Внешне ничто не говорило о верховной роли Козимо в государстве. С 1434 по 1455 год он занимал высшие должности нередко, но не чаще, чем другие граждане: трижды (в 1434, 1439 и 1445 годах) был гонфалоньером справедливости, семь раз членом Военного комитета (Совета десяти или балии). Но должность верховного координатора он исполнял лишь однажды, с октября 1440 по февраль 1441 года (Козимо занял место своего брата Лоренцо, когда тот умер). Лишь дважды, в 1445 и 1449 годах, Козимо входил в комитет по охране порядка (Восемь стражей). Зато в государственном казначействе он заседал часто: с 1445 по 1448-й и с 1453 по 1455 год, что выдает его основную специальность и личную заинтересованность крупного банкира.

Как и Август в первые годы Римской империи, Козимо выглядел первым среди равных. Но его скромное обличье никого не обманывало: государи и их послы приезжали на переговоры с ним, а не с эфемерными членами синьории.

С момента заключения договора в Лоди (1455) до своей смерти (1464) Козимо удавалось сохранять нейтралитет Флоренции. Этому конечно же способствовали обстоятельства. Добровольно оставив Геную в пользу Франческо Сфорцы, Людовик XI позволил создать ось согласия между Францией, Миланом и Флоренцией. Этот союз блокировал венецианскую экспансию с востока.

Венеция, мощь которой Козимо видел собственными глазами, в то

время направляла всю свою энергию на борьбу с турками в греческих морях. Папа Пий II, а за ним Каликст III постоянно призывали к Крестовому походу, но им удавалось собрать лишь смехотворные силы. Феодалы Папского государства держали их в черном теле. Папский вассал, король Неаполя Альфонс Арагонский, умер, и его побочный сын Фердинанд вернул себе королевство, выгнав из него своего врага Иоанна Анжуйского.

Флоренция в это время держалась в стороне от бурных событий, волновавших иные державы. Такое благо, как внешний мир, естественно, пошло в зачет правительству Козимо. Тем самым укрепились реакционные учреждения, созданные Луки Питти в 1458 году. Не имея нужды распыляться на внешние фронты, партия Медичи во главе со своим хозяином закрепила за собой власть.

Глава 4. ЗОЛОТО, ЛАДАН И СМИРНА

Княжеская резиденция: дворец на Виа Ларга

Правитель Флоренции никак не мог обойтись без дворца. Козимо задумал построить его, как только возглавил банк Медичи. Гениальный зодчий флорентийского собора Филиппе Брунеллески предложил ему настолько грандиозный, требовавший больших затрат проект, что Козимо отклонил его.

Друг Медичи Донателло порекомендовал ему своего ученика Микелоццо Микелоцци, уже имевшего опыт строительства домов и монастырей. Проект принял конкретные очертания. Но возведение великолепного дворца рядом с Сан-Лоренцо, на Виа Ларга, самой широкой улице Флоренции, потребовало некоторых злоупотреблений, за которые в 1433 году и был изгнан Козимо вместе со своим архитектором. Как мы видели, и в Венеции для Микелоццо хватало работы.

После триумфального возвращения Медичи стройка наконец началась. Флорентийцы наблюдали, как поднимались суровые рустованные стены. Большие камни кладки были едва отесаны, а точнее, отесаны так умело, что казались только что доставленными из карьера. Желаемый эффект был достигнут полностью: прохожий испытывал чувство страха, как у стен крепости. Тяжелые ворота и редкие зарешеченные окна выглядели негостеприимно. Впрочем, первоначально две аркады на углу Виа Ларга и переулка Гори открывались в традиционную флорентийскую «лоджию» — своего рода общую залу, где собирались на городские и семейные праздники. На этом же углу висит великолепный кованый чугунный фонарь работы Никколо Капарры, служивший и для освещения дома, и для освещения улицы. Выше над обеими улицами возносится гигантский щит с гербом Медичи (при Козимо на нем стало не восемь шаров, как было раньше, а семь). Герб украшает второй этаж с четким ритмом аркад над оконными проемами, разделенных тонкими колонками. Над каждым окном личный герб Козимо: между семью шарами Медичи три павлиньих пера. Столь же строен и грандиозен третий этаж, он венчается величественным карнизом.

Для того, кто прошел через монументальные ворота, дворец становится приветливым и грациозным. Прежде всего видишь квадратный

дворик с аркадами, украшенными надписями и медальонами в античном стиле. Саркофаги и статуи во дворике — великолепный музей под открытым небом. Здесь можно полюбоваться бронзовым Давидом работы Донателло.

Символика поклонения волхвов

В 1439 году, когда дворец Медичи был еще не достроен, синьория Флоренции согласилась принять Вселенский собор, который должен был, покончив с многовековым расколом, примирить и соединить Греко-православную церковь с Римско-католической. Козимо Медичи принял как личных гостей императора Восточной Римской империи Иоанна VIII Палеолога и патриарха Константинопольского Иосифа. С большой свитой архиереев и богословов они прибыли на встречу с папой Евгением IV, которого тоже сопровождало много кардиналов, епископов и аббатов. 6 июля 1439 года даже флорентийцы (а они понимали толк в этом) дивились пышной процессии во главе с императором, патриархом и папой. Нескончаемая кавалькада, направлявшаяся к собору, напомнила им мистическое шествие трех волхвов, отправившихся в Вифлеем поклониться Младенцу Иисусу и принести Ему золото, ладан и смирну.

Честь, возданная Флоренции, стала и достоянием Козимо с его семейством. Медичи задумали сохранить память о ней в особой мемориальной капелле в своем новом дворце. Художник Беноццо Гоццоли получил заказ изобразить на алтарном образе шествие волхвов. Для флорентийцев в теме поклонения волхвов не было ничего необычного. Каждый год на этот праздник, по крайней мере начиная с 1446 года, по улицам Флоренции проходил кортеж в восточных нарядах. Затем начиналось «священное представление» поклонения, устройством которого занималось Братство Трех Волхвов — благочестивое общество, собиравшееся в ризнице монастыря Сан-Марко. Козимо Медичи был главой этого братства. После него эту должность занимали его сын Пьеро и внук Лоренцо Великолепный. В келье Козимо в Сан-Марко находилась фреска Фра Анджелико «Поклонение волхвов», изображавшая шествие восточных звездочетов. Лоренцо украсил свою спальню на первом этаже дворца Медичи круглой картиной того же художника на этот сюжет. На большой фреске Гоццоли в дворцовой капелле главные лица шествия изображают высокочтимых гостей Собора 1439 года.

Фреска воскресила их через двадцать лет после события. Во главе шествия можно узнать патриарха Иосифа и императора Иоанна VIII. Но вместо папы, который, по логике, должен был бы ехать на месте третьего волхва, изображен изящный четырнадцатилетний подросток. Эта замена, конечно, стала неизбежной после ссоры Козимо с Евгением IV в 1443 году и возносила дом Медичи на немыслимую высоту. Юный белокурый всадник в центре фрески, прекрасный и изящный, как архангел Михаил, в золотой парчовой одежде — не кто иной, как наследник великого купца, его любимый внук Лоренцо, позднее прозванный Великолепным. Его присутствие рядом с императором и патриархом — анахронизм: ведь он родился в 1449 году, десять лет спустя после Собора.

Но изображение Лоренцо напоминает о другом славном часе Медичи: грандиозном празднике 1459 года, устроенном во Флоренции по случаю встречи папы Пия II. В рассказах об этом приеме Лоренцо представлен гарцующим в том же наряде, что и на фреске. Его брат Джулиано, который был младше на четыре года, тоже выезжал навстречу папе. Он изображен совсем юным всадником в голубой одежде из свиты волхва-патриарха. На крупе его лошади охотничья рысь, сам он смотрит на Лоренцо.

Несомненно, появление двух самых юных представителей семейства в центре фрески отражало изменение первоначального замысла. Она была воспоминанием о событиях 1439 года, а стала своего рода мемориалом, посвященным родственникам и друзьям Медичи.

Кавалькада из сотен всадников растянулась по извилистой дороге между скалами. Пейзаж по-южному живописен — кипарисы, пинии, пальмы и лавры... Большая часть свиты едет за юным волхвом в золотой парче.

Многие персонажи еще окончательно не идентифицированы. Некоторые толкователи видят Козимо в старике, сидящем на муле прямо в центре картины. Рядом с ним на белой лошади едет Пьеро Медичи в красном берете; на упряжи ясно видны геральдические шары и три пера Медичи. Голова, обмотанная платком, между Козимо и Пьеро — возможно, Джованни Медичи, младший сын Козимо. Два всадника на почетном месте справа от Козимо — Галеаццо Мария Сфорца и Сиджисмондо Малатеста. Оба герцога были гостями Козимо в 1459 году. Наследник герцога Миланского едет на великолепной лошади в нагруднике, украшенном крупными драгоценными камнями. Перед ним идет лучник в черном — намек на оборонительный союз Козимо с Франческо Сфорцой. За ними — группа примерно из сорока человек. Одни из них носят фетровые шапочки, похожие на току Козимо. В них опознают членов старших флорентийских цехов, банкиров и негоциантов. На других персонажах не столь нарядная одежда. Это, конечно, художники — приятели Козимо. Среди них художник Беноццо изобразил и себя, наблюдательного человека с лукавой улыбкой, а чтобы зритель не перепутал, он написал на шапочке свое имя.

Некоторые персонажи явно отмечены печатью Востока. На одном величественном бородатом старце — клобук православного митрополита, на других — разнообразные тюрбаны. В этих экзотических нарядах художник представил греческих участников Собора 1439 года. В почетной свите, окружающей отца и сына Медичи, — также и другие деловые люди, художники, деятели культуры. Но первый ряд отведен купцам: они несут Младенцу золото. Подобно этому и Медичи давали его папам, будучи их официальными банкирами.

Медичи — банкиры пап

В 1429 году, когда Козимо наследовал своему отцу Джованни ли Биччи, банк Медичи в Риме процветал под руководством Антонио Салютати. Основанный без начального капитала, он использовал вклады Апостолической палаты (финансового органа папской курии), а также множества прелатов и паломников, приезжавших в Рим. При посредничестве других банков Медичи он инкассировал аннаты и обязательства перед курией за выдачу булл, доходы от продажи индульгенций, юбилеев и сборов на Крестовый поход. Займы, выданные Риму, банк возмещал, взимая доходы с епископств, аббатств, приоратов и приходов. В каком-то смысле он вел текущее управление казначейством Святого престола.

Папы, один за другим, доверяли Медичи свои капиталы и поручали им регулировать расходы. Они даровали им титул «депозитариев» Апостолической палаты. Эта функция обязывала банкиров следовать за папами, куда бы они ни отправились. Так, во время долгого пребывания Мартина V, а затем Евгения IV во Флоренции римский филиал размещался напротив папской резиденции на площади Санта-Мария Новелла.

Прибыли римского филиала были огромны. В 1435—1451 годах они составляли треть общей прибыли банка Медичи: 88 610 флоринов из 261 292! Церковные деньги поступали и в отделения, открытые Медичи во время заседаний Вселенских соборов. В молодости Козимо работал в одном из таких филиалов — на Констанцском соборе 1414—1418 годов. Такое же отделение существовало в Базеле в 1431 — 1433 годах, пока собрание не взбунтовалось против папского авторитета. Святой престол, довольный верностью Медичи, обычно регулярно подтверждал их доходный титул. Правда, случались и опалы. Евгений IV, разгневанный тем, что Козимо поддержал Франческо Сфорцу, на четыре года (1443—1447) лишил его титула депозитария. Пий II на 1458—1464 годы сделал депозитарием своего земляка — сиенца, а Павел II несколько позже своего соотечественника — венецианца.

Европейская сеть банка Медичи

В Риме Медичи занимались почти исключительно банковским делом.

В городах они вели и торговую деятельность: продавали предметы роскоши, сельскохозяйственную продукцию, вроде оливкового масла и лимонов, дорогие импортные товары: пряности, северные меха, фландрские гобелены, средиземноморские квасцы, английские шерсть, олово и свинец.

Одним из самых оживленных торговых центров Европы тогда была Женева. Город имел статус епископской резиденции под сюзеренитетом Савойи, а значит, занимал относительно нейтральную позицию во франко-бургундском конфликте. Здесь четырежды в год проходили ярмарки, что позволило Женеве оттеснить на второе место такой деловой центр, как Париж.

С 1424 по 1435 год, благодаря активной деятельности управляющего Джованни Бенчи, учрежденное там отделение приносило до 30 процентов прибыли на вложенный капитал. Заслуги Бенчи были оценены по достоинству: его вызвали во Флоренцию и сделали генеральным управляющим всего банка Медичи. В 1446 году управляющим в Женеве стал Франческо Сассетти, близкий друг Козимо, позднее также назначенный генеральным управляющим. Но процветанию женевского банка внезапно пришел конец: в 1463 году Людовик XI учредил четыре ярмарки в Лионе, вскоре разорившие женевские. В 1464 году Козимо при помощи Сассетти благоразумно перевел женевскую контору в Лион, из-за которого и небольшое авиньонское отделение, учрежденное в 1446 году, не могло успешно развиваться.

Другим крупным торговым центром Европы был нидерландский город Брюгге. Сюда из Италии привозили квасцы, пряности, шелк, предметы роскоши. А из Брюгге в Италию отправляли фламандские гобелены, голландские льняные ткани, английскую шерсть. В 1439 году Медичи открыли там банк под управлением Бернардо Портинари, а в Лондоне его филиал. Последний в 1446 году стал самостоятельным банком.

Но главным местом торговой и банковской деятельности Медичи при Козимо была Венеция. В 1431 — 1455 годах прибыль венецианского банка Медичи составляла 22 процента от прибыли всех остальных их банков, или 63 219 флоринов. Прибыль эту приносили торговля пряностями, шерстью и мехами, вексельные операции и страхование морских грузов. Но в 1451 — 1454 годах из-за конфликта Флоренции с республикой дожей дела пришли в упадок.

Весь этот огромный комплекс отделений и компаний Козимо контролировал не в одиночку. В 1435 году, вернувшись из изгнания, он сделал своими главными партнерами Джованни Бенчи и Антонио

Салютати. Каждый вложил в компанию по 4 тысячи флоринов. Козимо с братом дали 24 тысячи флоринов. Таким образом, общий капитал составил 32 тысячи флоринов. В 1439 году за счет увеличения паев он достиг 44 тысяч.

В 1443 году Салютати умер, а Джованни Бенчи стал генеральным управляющим. Он занимал эту должность до самой своей смерти (в 1455 году) и проявил себя как умелый делец. Бенчи открыл отделение в Базеле во время проведения там Собора, что вызвало недовольство папы, но принесло большие прибыли. Рискуюя поссорить Медичи с Евгением IV, он финансировал походы кондотьера Франческо Сфорцы. Он же открыл банк в Брюгге, а позднее в Лондоне. Две шерстяные и шелковая мануфактуры Медичи процветали.

В 1440 году сверка счетов, проведенная после смерти брата Козимо Лоренцо, показала, что капитал составляет 73 956 флоринов. Дело Медичи процветало как никогда. Они имели четыре отделения в Италии (Флоренция, Рим, Венеция, Пиза) и четыре за ее пределами (Брюгге, Лондон. Женева. Авиньон)^[2]. У них были конторы и корреспонденты даже в ганзейских городах, но не было никаких представительств ни в Испании, ни на Ближнем Востоке. Вместе с суммами, вложенными в мануфактуры, капитал составлял 87 994 флорина, из которых 69 307 вложили трое из рода Медичи: Пьерфранческо, сын Лоренцо, и сыновья Козимо Пьеро и Джованни. Сам Козимо номинально вышел из дела. Доход с 1435 по 1441 год составил 97 408 флоринов, а с 1441 по 1451 год — 163 884 флорина, итого за пятнадцать лет — 261 292, а вместе с доходами от мануфактур — 290 789 флоринов! Учреждение банка в Милане в 1452 году увенчало политику финансовой поддержки кондотьера Сфорцы. В 1455 году новый герцог даже подарил Медичи роскошный дворец, ставший их миланской резиденцией.

В том же году, после смерти генерального управляющего Джованни Бенчи, его функции взяли на себя сыновья Козимо, 34-летний Джованни и 39-летний Пьеро, но они не обладали его талантом. Козимо оставалось жить меньше десяти лет. Он теперь держался в стороне от мира банкиров и промышленников. Все учреждения фирмы возглавляли люди из партии Медичи: Мартелли. Таддеи, Берлингьери, Портинари. Контроль в государстве был обеспечен, контроль за делами тоже. Козимо же оставалось наслаждаться искусством и предаваться философским размышлениям.

Уже много десятилетий искусство Флоренции служило Богу и людям. Зодчие, ваятели, живописцы, воссоздавая классический строй Античности, фактически превзошли его, создав стиль, не имевший ничего общего с мировоззрением, изобразительным языком и формами Средних веков. Прежде человек был унижен перед своим Творцом, теперь же возвеличивался во всех своих страстях, пороках и добродетелях. Жилища магнатов должны были представлять их земной успех во всем блеске. Строительство стало общественной обязанностью. Среди художников особое место занимали зодчие: они едва ли не повсюду оставляли свидетельства своего величия.

Не только дворец Козимо, строительство которого продолжалось до 1444 года, стал украшением Флоренции. Брунеллески в 1435 году построил резиденцию гонфалоньера справедливости, а в 1440-м создал чертежи для Луки Питти. Само строительство Питти поручил Луке Фанелли. Джованни Ручеллаи заказал свой палаццо (1446—1451) Леону Батисте Альберта — автору знаменитого руководства по архитектуре, изданному в 1453 году. Вскоре во Флоренции были возведены дворцы Антинори (1451 — 1466), Пацци (1462—1472) и Филиппо Строцци (1489—1507). Все эти здания — настоящие городские замки, суровые снаружи и уютные внутри, отличались величественными анфиладами покоев, галерей для торжеств, парадными комнатами, украшенными драгоценностями. Козимо собрал огромную коллекцию произведений искусства: античных статуй, камей, медалей, монет, ювелирных изделий. На момент его смерти эта коллекция, не считая столового серебра, оценивалась в 28 423 флорина.

У флорентийских магнатов помимо великолепных дворцов были и загородные виллы. Козимо Медичи владел в окрестностях Флоренции четырьмя виллами: Кареджи, Фьезоле, Треббио, Кафаджоло. Он обустроивал их в духе времени: так, Кареджи, купленная в 1417 году, в 1433 году была перестроена Микелоццо. Архитектор изменил облик старинного, массивного, кубического здания с бойницами на крыше. Он пристроил к нему гостиные, выходящие в сад, с большими аркадами и портиком. Козимо занимался строительством непрестанно. Во время своего краткого изгнания он успел кое-что построить в Венеции и Падуе, затратив на это большие деньги. Во Флоренции он финансировал реконструкцию монастырей Сан-Марко и Сан-Вердиана, церкви Сан-Лоренцо, аббатства во Фьезоле, маленьких церквочек в Муджелло, капелл во францисканском

новициате Санта-Кроче, в камальдолийском монастыре Санта-Мария дельи Анджели и в церкви на холме Сан-Миниато.

Козимо перестроил и дворец в Милане, который Франческо Сфорца подарил его банку. В Париже он велел отремонтировать Итальянский коллеж, в Иерусалиме построил больницу для бедных путников. Суммы, ежегодно выделяемые на строительство, достигали 15—18 тысяч флоринов. Работы в Сан-Лоренцо — реконструкция основного здания церкви, клуатра и Старой ризницы — стоили 70 тысяч. Затраты на реконструкцию Фьезоланского аббатства составили 80 тысяч, а на реконструкцию Сан-Марко — 40.

Козимо был дружен не только с Микелоццо Микелоцци, своим личным архитектором, но и с Брунеллески, работавшим в Сан-Лоренцо, Сан-Марко, Санта-Спирито, Фьезоле. Благодаря Медичи Леон Батиста Альберти был возвращен из изгнания и смог употребить свои дарования на строительстве хоров и кафедры церкви Благовещения, в Санта-Мария Новелла, в палаццо Ручеллаи.

Вместе со всей Флоренцией Козимо с интересом наблюдал за работой Лоренцо Гиберти — созданные им двери баптистерия Сан-Джованни — настоящий шедевр. Третья, самая красивая, дверь была при общем восторге навешена 16 июня 1452 года. Благодаря великому Донателло в городе появилось множество статуй — на колокольне собора, на стенах Ор Сан-Микеле, в частных дворцах. Дружеские отношения между Козимо Медичи и скульптором оставили в памяти людей много анекдотов, записанных Веспасиано да Бистиччи, а позднее воспроизведенных Джорджо Вазари. Именно благодаря ходатайствам Медичи Донателло получил заказы в Неаполе, Прато, Сан-Лоренцо и в самой Флоренции.

Паоло ди Доно, Донателло, Флиппо Брунеллески

Козимо подарил своему другу, из-за своей необыкновенной щедрости

никогда не имевшему денег, маленькое поместье за городскими стенами. Ссоры с арендатором утомили художника, и после смерти Козимо он попросил Пьеро Медичи забрать землю назад в обмен на ежегодную ренту. Когда скульптор умер, Пьеро велел похоронить его рядом с Козимо, чтобы сохранить воспоминание об их дружбе.

Образ флорентийского мира — это гармония скульптуры и архитектуры и цвета. Лука делла Роббиа прославился тем, что создал бронзовые двери ризницы собора и кафедру для поющих. Затем он перешел к рельефам из майолики, в которых сочетаются скульптура и живопись. Вскоре его изделия украсили большинство флорентийских памятников времен Козимо Медичи.

Кроме того, город был знаменит фресками великого живописца Гвидо ди Пьетро, в монашестве брата Джованни из Фьезоле, скончавшегося в 1455 году. Этот набожный доминиканец, причисленный Церковью к блаженным и известный под именем Фра Анджелико, родился в Муджелло и принял постриг совсем молодым. В монастыре он получил художественное образование, изучая фрески Джотто в Ассизи. В 1436 году фьезоланский монастырь открыл подворье во Флоренции, для которого Козимо Медичи построил новые здания возле церкви Сан-Марко. Фра Анджелико, аскет и идеалист, расписал их стены небесными видениями, образами святых и ангелов, призывающих к мистическим мечтаниям и экстазам. Козимо, восхищавшийся этими фресками, заказал художнику и роспись своей особенной кельи, выделенной ему для уединения.

Другому любимому художнику Козимо, Филиппо Липпи, (умер в 1469 году) особенно удавались сельские виды и красочные сцены. С ним приключилась такая история: будучи монахом-кармелитом, он соблазнил свою модель, монахиню из монастыря Санта-Маргарита да Прато. Козимо обратился к папе Пию II с ходатайством об освобождении влюбленных от их обетов. Но сумасбродный характер художника доставил немало хлопот и его покровителю. Однажды Козимо запер Филиппо, чтобы он закончил какую-то работу, но тот выпрыгнул из окна и сбежал.

Художник Андреа дель Кастаньо (умер в 1457 году) был преданным сподвижником Козимо. Он приехал из Муджелло и присоединился к партии Медичи. После ее триумфа Кастаньо участвовал в репрессиях. На стенах тюрьмы Стинке он изобразил главарей партии Альбицци в жутких позах. Его прозвали «Andrea degli impiccati» — «Андреа повешенных». Но, к счастью, он прославился не только этим. Вместе со своим товарищем Доменико Венециано он первым во Флоренции применил фламандскую технику живописи маслом.

Нельзя не упомянуть еще двух мастеров, расписавших капеллу купца Бранкаччи в церкви Кармине: Томмазо Фини по прозвищу Мазолино да Паникале (умер в 1440 году) и Томмазо ди Джованни ди сер Гвиди по прозвищу Мазаччо (умер в 1428 году). Изображая Адама и Еву, изгнанных из рая, и масштабную сцену «Чудо со статиром», Мазаччо показал новые возможности живописной техники. Теперь живописцы соединяли с изяществом рисунка, отточенного в ювелирных мастерских, знание анатомии, законов линейной и воздушной перспективы, приемы светотени.

Один из мастеров живописи, Паоло ди Доно по прозвищу Учелло (умер в 1475 году), сделал эффектные ракурсы и перспективу своей специальностью. Медичи, как и все вообще флорентийские магнаты, собирали его батальные сцены. Он был одним из самых модных оформителей: расписывал Кампо-Санто в Пизе, «зеленый клуатр» в Санта-Мария Новелла, флорентийский собор.

Беноццо Гоццолли, автор фрески «Поклонение волхвов», во дворце Медичи чувствовал себя как дома. Он был учеником Фра Анджелико, а образцом ему служила манера Мазаччо. Гоццолли удавались и ангелы из «Поклонения пастухов» — картины над алтарем капеллы Медичи — и портреты художников и других знаменитых современников в свите трех волхвов. Козимо заказал ему эту картину, ясно сознавая, что искусство принесет ему такую же славу и почет, как и золото в его банках. Жертвуя на церковное искусство, он получал большое удовольствие, видя, как вместе с дымом от ладана возносится к небу восхищение его сограждан.

Расцвет гуманизма

Но обрести власть над чувствами недостаточно. Надо внушать уважение, а это возможно, если возвыситься до уровня величайших мыслителей своего времени. Благородный ум есть высшее благо. Он одолевает страсти и позволяет стяжать бессмертие. Этот урок во Флоренции усвоили еще двести лет тому назад: Данте, а затем Петрарка и Боккаччо дали своим согражданам литературные образцы совершенства, неотделимого от любви к женщине, наделенной всеми мыслимыми достоинствами. Но конечное предназначение человека — стать при посредстве этой любви причастным божественной мудрости. Пути достижения высшего знания указывали поэты и философы. Высоких откровений ожидали от Античности; неутомимые ученые, влюбленные в

изящную словесность, «гуманисты», открыли новые сочинения и полные тексты уже известных. Требовался огромный труд: овладеть греческим языком так, чтобы читать античных философов в подлиннике, а не в лакированных переложениях и переводах, которыми кормилась средневековая мысль. Петрарка так и не научился свободно читать Гомера. Следующим поколениям повезло больше. Иммануил Хрисолор, грек, приехавший на Пизанский собор, воспитал целое поколение учеников, обязанных ему своими знаниями. Среди них Козимо Медичи, Лука Альбицци, Палла Строцци, а наряду с ними — крупнейшие гуманисты того времени. Образованнейшими людьми были Леонардо Бруни, служивший канцлером Флорентийской республики с 1427 года до своей смерти в 1444 году, сменивший его на этом посту (до 1459 года) Поджо Браччолини, а также Колуччо Салютати. Канцлерами республики были и другие ученые: отец и сын Марзуппини, Бенедетто Акколи, Бартоломмео Скала.

Правда, не у всех гуманистов Медичи пользовался популярностью: хорошо известно о ссоре Козимо и его брата Лоренцо с Франческо Филельфо. После триумфального возвращения во Флоренцию Козимо отправил ученого полемиста в изгнание.

После 1434 года флорентийский Studio, университет, пришел в упадок, что означало возвращение к обучению греческому языку частным образом, но интерес к древней литературе не угас, и свидетельство тому — охота за манускриптами. Иные ученые разорялись на покупке книг так случилось с Никколо Никколи, по завещанию которого в 1436 году 800 его рукописей составили первую флорентийскую библиотеку, одним из кураторов которой объявил себя и Козимо. У него и у самого были на службе собиратели рукописей: Кристофоро Буондельмонти и Поджо Браччолини. Он имел 400 рукописей, которые присоединил к 800 манускриптам Никколи. По его же распоряжению была приведена в порядок коллекция Панентучелли да Сарцаны, который в 1447 году стал папой Николаем V и основал Ватиканскую библиотеку. Благодаря гуманисту-книготорговцу Веспасиано да Бистиччи, у которого был штат из 45 писцов, Козимо менее чем за два года получил списки с 200 манускриптов. Книги эти он отдал в доминиканский монастырь Сан-Марко, а когда в 1453 году здание, где они хранились, рухнуло — в специальное помещение, построенное в 1457 году Микелоццо Микелоцци. Затем Козимо собрал еще две коллекции: в монастыре Сан-Лоренцо (ныне Библиотека Лауренциана) и в аббатстве Фьезоле.

Царство греческой мысли. Марсилио Фичино и приобщение к учению Платона

После падения Константинополя в Европу хлынул поток не только рукописей, но и ученых. Уроки греческого и лекции греческих профессоров проходили во всех монастырях, в Сан-Миниато, в Санта-Мария дельи Анджели, в келье камальдолийца Амброджо Траверсари, на вилле самого Козимо в Кареджи. Иоанн Аргиропулос, приехавший во Флоренцию в 1456 году, подготовил новое поколение ученых, среди которых были Донато Аччайуоли и Анджело Полициано. Ему на смену пришли уже флорентийцы, например, знаменитый Кристофоро Ландино, преподававший сорок лет, до 1497 года; среди его учеников были внуки Козимо — Лоренцо Великолепный и Джулиано.

Козимо стремился познакомиться с греческой литературой потому, что интересовался вопросами философии. Этот интерес пробудил в нем в 1439 году один из греков, приехавших отстаивать интересы Православной церкви в связи с ее предстоящей унией с Римско-католической. Георгий Гемист по прозвищу Плифон, ярчайшая личность, страстный поклонник Платона, сторонник возврата в какой-то мере к язычеству, вызвался публично дискутировать со знаменитым сторонником Аристотеля Георгием Схоларием, в монашестве Геннадием.

У Плифона были и другие противники: Феодор Газа и Георгий Трапезундский. Спор между греками обострился еще до того, как они отправились на Собор, а в общем собрании представителей двух церквей во Флоренции он дошел до крайнего ожесточения. Православные, и не думая согласно противостоят католикам, обрушивали друг на друга теории Платона и Аристотеля, как будто именно эти языческие философы были авторитетами, на которых стояла христианская вера.

Ярость этих дебатов можно сравнить с политическими баталиями нашего времени, когда в идеологическом противостоянии люди становятся беспощадными. Во Флоренции противники загнали Плифона в угол, но он нашел поддержку в лице епископа Никейского Иоанна Виссариона, вскоре ставшего кардиналом Римской церкви. Тот утверждал, что объяснение происхождения мира и образа творения по Платону и Аристотелю можно согласовать.

Но мало кто из его восточных клириков мог принять такое согласование. Ведь Аристотель исходил из положения, что природой не движет никакое трансцендентное вмешательство: она приведена в

движение первым толчком, после чего движется в первоначально заданном направлении. Это положение, согласно которому Бог ставится вне тварного мира, было развито средневековыми богословами Альбертом Великим и Фомой Ливийским. В этом случае божье создание ответственно, оно может быть судимо и осуждено Богом.

Платон, надолго забытые произведения которого в то время прочли заново, в противоположность Аристотелю учил, что Дух всегда присутствует в природе и через множество посредников действует ради установленной им самой цели. Плифон, главным образом под влиянием Плотина и других александрийских философов II века н. э., подхватил эту теорию и сделал из нее выводы. Он учил, что у мира есть сокровенный смысл, частично приоткрытый в эзотерических сочинениях Гермеса Трисмегиста и Дионисия Ареопажита. Законы природы, как их представлял себе Аристотель, можно изменить путем воздействия духа и благих духовных сил.

Эта философия, в которой отношения человеческого и божеского трактовались не в свете страха и чувства греха, как в традиционном христианстве, а в свете свободы и любви, вдохновила Козимо и окружавших его коммерсантов и ученых. Плифон убедил Медичи, что новые идеи следует не просто принять, а осмысливать в ученых беседах. Так родилась идея воскресить Платонову "академию" — неформальное собрание, в котором непринужденно дискутировали о коренных вопросах бытия. Но сам Гемист Плифон был отозван в Пелопоннес и не смог исполнить свой замысел. Вскоре он превратился в объект преследований со стороны Геннадия, который стал константинопольским патриархом и объявил Плифона еретиком. После его смерти в 1451 году некоторые его сочинения, а именно те, где развивалось неоязыческое учение, сожгли.

Однако идея, зародившаяся во Флоренции, не канула в Лету. В 1451 году Козимо поручил восемнадцатилетнему Марсилио Фичино, сыну своего врача, приступившему к изучению греческого языка, прочесть, прокомментировать и перевести некоторые сочинения Платона. До тех пор юный ученый изучал преимущественно труды Аристотеля. Поручение Козимо и собственная склонность самого Марсилио Фичино привели к тому, что он возродил учение Платона и даже стал своего рода проповедником античной философии. На его ученых беседах собирались знатоки-гуманисты, прежде встречавшиеся в кружках Сан-Марко и камальдолийского монастыря. Среди них гениальный архитектор Леон Батиста Альберти, Донато Аччайуоли, Антонио Каниджани. Аламанно Ринуччини, Джованни Кавальканти и многие другие. Козимо

Медичи приветал ученых в своих дворцах и поместьях, особенно на вилле Кареджи, рядом с которой получил от него в подарок клочок земли Фичино.

7 ноября, день рождения и смерти Платона, стал праздничным днем, как некогда для древних философов Плотина и Порфирия.

Ученые гости собирались вокруг бюста Платона, перед которым день и ночь горела лампада. Начинался философский спор, завершавшийся хвалой Платону, которую пели как гимн. Обряд этих собраний напоминал некий тайный культ, отправляемый в узком кругу посвященных, и это действительно было своего рода богослужение во славу тайного знания о началах мира.

Вскоре к платонизму приобщилась вся семья Козимо.

В собраниях участвовали и его сыновья Джованни и Пьеро, и даже внуки Лоренцо и Джулиано, когда подросли. В повседневной жизни они учились политическим играм и крупным финансовым операциям, но им было ведомо и объяснявшее мир учение, благодаря которому они были уверены, что в своей деятельности едины с Богом — первой сущностью Вселенной. И дети и внуки Козимо пропагандировали «неоплатонизм» как своего рода официальное учение дома Медичи.

Смерть Козимо Медичи

Невозможно отрицать, что интеллектуальные увлечения Козимо были абсолютно искренними. Он одинаково усердно изучал «Жизнеописания философов» Диогена Лаэртского и творения Григория Богослова. Что же касается принятых в то время церковных обычаев, то он придавал им мало значения. Как и другие магнаты, Козимо не был верен супруге и имел от одной невольницы незаконного сына Карло, которого воспитал в своей семье. Но ни в этом, ни в том, что он, нарушая церковные запреты, давал в долг под проценты, Козимо ничуть не отличался от своих современников. Возможно, он просто чаще, чем другие, задумывался о своей загробной жизни.

Джакопо Понтормо "Портрет Козимо Медичи"

Последние дни Козимо на вилле Кареджи напоминали кончину античного философа. Страдая от распухших суставов и жесточайшей урикемии, он до конца сохранял ясность ума и чувство юмора. Его непрестанно преследовал страх смерти, и он велел читать ему с комментариями переведенные Фичино рассуждения Платона о начале мира и высшем благе, а затем часами молча размышлял об этом. Жена Козимо Контессина, добрая хозяйка и верная спутница, однажды спросила, почему он лежит без движения. «Когда мы переезжаем в деревню, — ответил Козимо, — ты за две недели начинаешь собираться. Разве не понимаешь, что мне есть о чем подумать, собираясь из этой жизни в вечную?» Когда же она в ужасе спросила мужа, почему он лежит с закрытыми глазами, тот просто ответил: «Привыкаю».

24 июля 1464 года, почувствовав приближение конца, Козимо оставил при себе только жену и сына Пьеро. Пьеро и рассказал о его кончине своим сыновьям Лоренцо и Джулиано, которые уехали на виллу Кафаджоло, чтобы не докучать умирающему, а также спасаясь от чумы, бушевавшей во Флоренции.

Как рассказывали сын и внуки Козимо, он вспоминал все, что сделал для управления городом и собственным делом, сожалел, что не успел

исполнить всего желаемого, и огорчился, что оставляет во главе дома Пьеро, столь слабого здоровьем. Но он не отказал в доверии ни ему, ни его наследникам, и всех их просил оставаться едиными в истинной любви. Козимо не составил завещания и только пожелал (это было его последней волей), чтобы его без пышных церемоний похоронили в Сан-Лоренцо. Затем он объявил, что готов и будет рад уйти из жизни, когда Богу будет угодно.

Утром 25 июля Козимо с трудом встал с постели. Он пригласил к себе приоров Сан-Марко, Сан-Лоренцо и Фьезоланского монастыря, прочитал вместе с прелатами Символ веры, попросил прощения у всех присутствующих и принял причастие. После службы он спокойно лег, и тут же началась агония, отягощенная полной закупоркой мочевого пузыря, против которой врачи, даже специалист, в последнюю минуту прибывший из Милана, были бессильны.

Козимо Медичи умер в ночь на 1 августа 1464 года, уповая на Бога, Которого познал через Платона и отцов Церкви. Тот, кто взял себе за образец трех волхвов, взял в мир иной, как дар, обновленную веру, подобную смирне, аромату вечной жизни.

Часть вторая. НАСЛЕДНИК

Глава 1. ТРУДНАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ

Пьеро Медичи и его семья

2 августа 1464 года Козимо был предан земле в Сан-Лоренцо. Похороны, согласно желанию покойного, устроили простые. В церкви и на хорах горело множество свечей. Вокруг катафалка зажгли шестнадцать факелов. Вместе с приходскими священниками заупокойную мессу служили доминиканцы из Сан-Марко и каноники из Фьезоле.

Первыми за гробом шли Пьеро Медичи, сын Козимо, и его двоюродный брат Пьерфранческо. За ними — внуки покойного, Лоренцо и Джулиано. Потом — его незаконный сын Карло, секретарь герцогства Миланского Никодемо да Понтремоли и канцлер Флорентийской республики Бартоломмео Скала, вдова Контессина в сопровождении родственников под черными вуалями. Синьория и оба совета присвоили Козимо титул Отца отечества. Народ выразил свое одобрение. Об этом гласила надпись на гробнице, у которой в течение месяца служили двести сорок заупокойных месс.

Во всех городах, где были отделения банка Медичи, в Риме, Венеции, Милане, Брюгге, Лондоне, Женеве и Авиньоне, также служили мессы. Управляющие в филиалах раздавали милостыню и выкупали на свободу узников.

Во Флоренции Пьеро Медичи готовился принять отцовское наследство. Он был уже в зрелом возрасте — сорок восемь лет — и имел необходимый опыт. Девятью годами ранее отец передал ему и его брату Джованни дела банка. Когда в 1463 году Джованни преждевременно скончался (на год раньше отца), все бремя ответственности легло на Пьеро.

Козимо очень надеялся на помощь сыновей. Младший был весьма ловок, умен, а главное — активен. Как показывает его переписка, он мог носиться по всей Италии, проверяя бухгалтерию филиалов, ведя переговоры о контрактах, завязывая прямые сношения с клиентами. Но старший брат, Пьеро, с 1450 года болел полиартритом. Вскоре он стал инвалидом, обреченным на постоянное пребывание в четырех стенах, откуда мог отправиться в путь только на носилках. Он унаследовал отцовский правый смысл и ясность ума, но болезнь испортила его характер, развила склонность к скупости и некоторой мелочности. Он был

воспитан прекрасными гуманистами, был большим знатоком искусства. От имени Козимо он давал заказы художникам. Роспись капеллы во дворце Медичи была выполнена Гоццолли под его непосредственным надзором. Переписка сохранила одно из его требований к художнику: закрыть облаками тела больших серафимов, написанных по обе стороны от алтаря.

Как было принято во флорентийском обществе, Козимо выбрал сыну невесту. Это была Лукреция Торнабуони из древнего аристократического рода, уже давно занимавшегося торговлей. Невеста была девятью годами моложе Пьеро: она родилась в 1425 году. Она была не очень красива, но выделялась в обществе элегантностью и утонченными манерами, получила превосходное воспитание, прекрасно играла на музыкальных инструментах, танцевала, сочиняла стихи. Лукреция стала и замечательной матерью. Из семи ее детей (четырех мальчиков и трех девочек) совершеннолетия достигли четверо. Старшая дочь Бьянка Мария, родившаяся в 1445 году, в 1459 году вышла замуж за Гильельмо Пацци, вторая, Лукреция, в семье прозванная Нанниной, родилась в 1448 году, а в 1466-м стала женой Бернардо Ручеллаи.

Старший сын появился на свет 1 января 1449 года. Он получил традиционное у Медичи имя Лоренцо в честь святого покровителя семьи, именем которого называлась большая базилика рядом с дворцом. Младший сын, Джулиано, родился в 1453 году.

Кроме этих четырех детей, Пьеро имел внебрачную дочь Марию от неизвестной женщины. Она воспитывалась отдельно от других детей, но была признана их сводной сестрой. В 1470 году она вышла замуж за Лионетто Росси, управляющего банком Медичи в Лионе.

И в недостроенном еще флорентийском дворце, и на виллах, раскинувшихся по окрестным холмам, жизнь текла спокойно. По случаю разрешения Лукреции от бремени к ней являлись с визитами патрицианские дамы, окруженные свитой, как это изображено на фресках «Рождество Богородицы» и «Рождество Иоанна Крестителя» в Санта-Мария Новелла. Возможно, заказчик этих фресок, брат Лукреции Джованни, желал запечатлеть рождение своих племянников и племянниц под золочеными балдахинами в палаццо Медичи. Сюжеты этих фресок — земная жизнь Божьей Матери и житие Иоанна Крестителя — были любимыми темами духовных стихотворений, которые писала Лукреция. Ее искренняя набожность стала еще глубже под влиянием архиепископа Антонио Пьероци, которого из-за маленького роста любовно прозвали Антонино и который был канонизирован под именем святого Антонина.

Лукреция вносила вклады в монастыри и давала приданое бедным

девушкам. Ее христианское милосердие косвенным образом давало детям уроки щедрости. Но молодая компания не всегда жила во Флоренции. Дети часто покидали ее под предлогом то жары, то эпидемии, подолгу жили в Пизе или на больших семейных виллах Кафаджоло, Треббио и Кареджи, где встречались с другими Медичи — сыном и внуками брата Козимо.

Детство и воспитание Лоренцо Медичи

В семейных поместьях Лоренцо и Джулиано познавали окружающий мир. Они видели круговращение времен года. На сборе винограда в Кареджи, на больших скачках в Муджелло юные горожане сталкивались с грубоватыми сельскими жителями. Была у них и еще одна возможность встречаться с народом: непереносимые в семье Медичи поездки на горячие воды. Чаше всего они отправлялись в Петриоло, Карсену или Мачерато. В честь их приезда всякий раз устраивались празднества. Позже, в 1477 году, мать Лоренцо купила серные источники в Морбе, переделала ванны и трубы у источников, превратив это заведение в лечебный курорт.

Развлечений во дворцах и на виллах юным Медичи хватало. Воспитывали их очень нестрого. Характерный в этом отношении анекдот рассказывает Феррарский хронист Лодовико Карбоне. Когда послы из Лукки обсуждали с Козимо какие-то важные вопросы, в комнату вдруг вбежал его внук, дал деду ножик, тростинку и попросил сделать свисток. Козимо, прервав аудиенцию, вырезал игрушку, и мальчик ушел довольный. Удивленным послам Козимо сказал: «Неужели вы не знаете, до чего можно любить детей и внуков? Вас смущает, что я вырезал свисток? Хорошо еще, что внучок не попросил меня посвистеть в него: тогда пришлось бы при вас и этим заняться».

Много лет спустя дед оценил ум Лоренцо. Он любил состязаться с ним в шахматы. Позднее Козимо допустил внука на философские споры, которые вел в узком кругу. Очень рано стал он поручать Лоренцо и почетные функции, дававшие возможность понравиться народу.

В мае 1454 года пятилетний Лоренцо уже принимал дипломатический визит. Окруженный блестящей свитой, одетый по-французски, он встречал Иоанна Анжуйского, сына короля Рене, незадачливого претендента на неаполитанский престол. Принц был официальным гостем республики, давшей ему рыцарское звание.

Через пять лет, в апреле — мае 1459 года, когда во Флоренцию прибыли Галеаццо Мария Сфорца и папа Пий II, Лоренцо и его брат

Джулиано играли более важную роль. Миланского наследника, которому едва исполнилось семнадцать лет, Козимо принял в капелле своего дворца, сиявшей золотом фресок. Внуки произносили принятые в таких случаях приветствия. Несколько дней спустя Галеаццо Марию принимали в Кареджи. Ему со свитой оказали царские почести. В знак почтения Лоренцо и его дядя Джованни прислуживали гостям, не садясь за стол. Одна из сестер Лоренцо играла на комнатном органе. После обеда жены Пьеро и Джованни вместе с первыми красавицами Флоренции танцевали во дворе.

Приезд папы Пия II, направлявшегося в Мантую, где должно было быть вынесено соборное решение о Крестовом походе, стал поводом для больших народных гуляний. Празднества, в которых участвовало тысяч шестьдесят флорентийцев, начались с турнира на площади Санта-Кроче. 29 апреля состоялся бал на Новом рынке, который был весь убран богатыми тканями. Шестьдесят юных пар, одетых в самые лучшие наряды, прошли перед папой в изящном танце.

На следующий день на площадь Синьории, огороженную со всех сторон и превращенную в огромную арену, выпустили двух львов, содержавшихся на счет республики (лев, наряду с красной лилией и красным крестом на белом фоне, был одним из символов Флоренции), двух лошадей, четырех быков, двух волов, корову с телятком, дикого медведя, волка и даже такое диковинное тогда животное, как жираф. Народ ожидал общей грызни, но, увы! Крики толпы не разъярили, а напугали зверей, застывших точно вкопанные. Тогда на арену вышли двадцать молодцов. Они стали бегать среди хищников, катая большой деревянный шар.

Гвоздь программы был назначен на ночь с 1 на 2 мая. В свете сотен факелов по посыпанной песком Виа Ларга прошел парад. Впереди шли тридцать музыкантов. Затем прошествовали двенадцать всадников в роскошных одеждах под штандартом молодого Лоренцо Медичи, в сопровождении пажей и ливрейных слуг, а за ними сам Лоренцо на белом коне, одетый в золото и пурпур, как потом он был изображен на фреске Гоццолли.

За всадниками проехала аллегорическая колесница, изображавшая триумф Любви. Прошествовав по улице несколько раз, молодые патриции вместе с Лоренцо отправились во дворец, где их ждали изысканные яства, а простой народ до зари пел и плясал в честь гостей Флоренции.

Так, в постоянных праздниках и удовольствиях, юный Лоренцо готовился к светской жизни. Но гораздо больше времени он посвящал учению. Очень рано, уже в 1454 году, к нему приставили гувернера,

который стал и его педагогом, и товарищем. Джентиле Бекки, уроженец Урбино, принадлежал к числу клиентов Медичи; в 1450 году они сделали его настоятелем прихода Сан-Джованни. Бекки получил от них еще много милостей, например, в 1462 году пребенду соборного каноника. Потом он стал генеральным викарием при архиепископе Флоренции Джованни Нерони, а в 1473 году (по предложению своего воспитанника Лоренцо) — епископом Ареццо. Бекки был превосходным оратором и благодаря этому таланту участвовал в дипломатических миссиях, чаще всего в Риме и при французском дворе. Веселый и умный человек, он оставил яркие письма, блестящие юмором. Он преподавал Лоренцо гуманитарные дисциплины: научил его прекрасно писать по-латыни и правил первые его итальянские стихи. Библиотека Медичи, пополнявшаяся начиная с 1440 года, давала мальчику превосходные источники, среди которых можно назвать лучший из списков писем Цицерона и две рукописи Тацита, в том числе единственный древний список, содержащий пять первых книг "Анналов". Плиний, Вергилий и Юлий Цезарь стояли на ее полках рядом с греческими авторами, в частности Софоклом, а также величайшими флорентийскими поэтами Данте и Петраркой.

С великими поэтами Лоренцо знакомил другой учитель, Кристофоро Ландино. В 1458 году мальчик стал посещать занятия по риторике и поэтике во Флорентийском университете, старом Studio, где греческий и философию еще преподавал знаменитый Аргиропулос. Целых десять лет юный Лоренцо слушал его лекции об Аристотеле и Платоне, по истории греческой мысли и культуры. Наконец, глубокое влияние на Лоренцо оказал Марсилио Фичино. Юноша внимательно слушал беседы о смерти в духе Платона, которые по просьбе старого Козимо философ вел в Кареджи.

Лоренцо повезло и в том, что он встретил одного из «универсальных гениев» своей эпохи — архитектора и философа Леона Батисту Альберти. Зодчий посвятил ему одно из своих произведений «Тривиум», излагающий искусство обсуждения государственных дел. Мальчик часто виделся с Альберти во Флоренции, куда он приезжал надзирать за постройкой зданий по своим планам, в частности, дворца для семейства Ручеллаи. Позднее в Риме Лоренцо именно под его руководством осматривал античные руины.

Разумеется, художники, бывавшие во дворце Медичи, не могли не привлекать внимания мальчика. Музыка, которой он учился под руководством замечательного соборного органиста Антонио Скварчалупи, вскоре стала его любимым искусством. Лоренцо играл на разных инструментах, любил петь, сочинял для своих стихов мелодии.

Период формирования личности Лоренцо прошел под таким развитием

духовных способностей. Именно тогда он полюбил подолгу вести беседы в узком кругу верных друзей, чаще всего в спокойной обстановке камальдолийского монастыря, о разных предметах, и особенно часто — о высшем Благе. Отзвуком этих встреч стали «Камальдолийские беседы» Ландино, написанные в 1474 году.

Смерть Козимо положила конец этому блаженному времяпрепровождению, столь непохожему (потом он жалел об этом) на трудную молодость его предков — трудолюбивых дельцов.

Юность Лоренцо. Миссии в Милан, Рим и Неаполь

В 1464 году Лоренцо уже почти достиг своего роста — среднего. Сложение его было крепкое, лицо — волевое, с неправильными чертами, в черных глазах светился ум. Были у него некоторые телесные недостатки: писклявый голос, плохое зрение, полное отсутствие обоняния. Вскоре начались приступы подагры. Но благодаря храбрости и веселому нраву Лоренцо окружающие этого не замечали. Элегантный, любезный, всегда доступный, он всем казался многообещающим наследником рода Медичи.

Во дворце на Виа Ларга приходило множество писем сначала с соболезнованиями, а затем с поздравлениями новому главе семьи. В мае 1465 года король Франции Людовик XI назначил Пьеро членом своего тайного совета и дал ему право изобразить на своем гербе на первом из шаров французскую золотую лилию в лазоревом поле.

Этот жест был небескорыстен. Франция тогда переживала тяжелый кризис, и королю срочно требовался банкир, готовый финансировать его войны с мятежными баронами. Но Пьеро было нужно не столько признание иноземцев, сколько укрепление своего положения во взаимоотношениях с наиболее крупными государствами самой Италии. Он решил послать к итальянским дворам своего сына Лоренцо. Особенно важно было укрепить установленные Козимо связи с миланским герцогом Франческо Сфорцей. Тот как раз только что выдал свою дочь Ипполиту за Альфонса Арагонского, старшего сына короля Неаполитанского Фердинанда. В

апреле младший сын короля Федерико прибыл во Флоренцию во главе большой делегации прелатов и дворян. Он направлялся в Милан замещать своего брата на свадьбе с дочерью герцога. Неаполитанцы тогда соблюдали траур по своей королеве, и официальных торжеств не было. Возможно, частным образом тринадцатилетний неаполитанский принц встречался и с Лоренцо Медичи. Вскоре они встретились в Милане, куда Флоренция послала на свадьбу делегацию, состоявшую из Лоренцо, его зятя Гильельмо Паши и Диотисальви Нерони, представителей деловых кругов, могущественных сторонников Медичи. По пути Лоренцо побывал в Ферраре и Венеции, где его встретили недружелюбно: об особых связях Медичи с миланским герцогом там знали не понаслышке.

9 мая 1465 года посольство прибыло ко двору Сфорцы. Лоренцо привез с собой серебряную посуду Медичи. Ее он ставил на стол на великолепных пирах, которые давал в фамильном дворце, где находился и банк под управлением Пиджелло Портинари. Герцог и его сын Галеаццо Мария, прекрасно знавшие Лоренцо, когда-то ехавшие в кавалькаде рядом с ним, решили воспользоваться случаем, чтобы просить о помощи: Людовик XI обратился к ним за поддержкой, и флорентийские деньги пришлось бы чрезвычайно кстати. Не имея полномочий, Лоренцо не мог принять такого решения. Сразу после свадьбы он отправился домой.

Месяц спустя во Флоренцию приехала Ипполита Сфорца. Вместе с деверем, принцем Фердинандом, она остановилась во дворце на Виа Ларга. На ее пребывание пришелся храмовый праздник города, Иванов день, который отпраздновали с особым размахом: на специально устроенную арену выпустили львов — символ Флоренции; состоялись скачки; в церквях раздавали обильную милостыню. Таким образом Пьеро Медичи желал продемонстрировать всем дружбу, связывавшую его с миланским и неаполитанским дворами.

Его внимание привлекал и еще один итальянский двор — папский, с которым у Медичи были деловые отношения. В феврале 1466 года Пьеро решил отправить туда Лоренцо с чрезвычайным посольством. Вместе с молодым человеком выехали Джентиле Бекки и Роберто Малатеста. 8 марта они прибыли в Рим.

С 1464 года там правил папа Павел II, бывший венецианский купец. Он желал сделать более доходным месторождение квасцов в Тольфе, которое с 1462 года давало всей Европе основную массу этого продукта, необходимого для обработки тонких тканей и закрепления краски. Большую часть добываемой продукции сбывали Медичи: в 1463—1466 годах они продали за границей 4 тысячи тонн квасцов в пользу

Апостолической палаты. Но компания откупщиков, уполномоченная папой вести добычу и обогащение минерала, имела разрешение на производство только полутора тысяч тонн в год. Как оказалось, этот объем никак не мог покрыть спроса.

Лоренцо и его дядя Джованни Торнабуони, управляющий римским филиалом, выставили Святому престолу условия: они желали не только сохранить за собой всю торговую часть, но также контролировать производство, войдя пайщиками в компанию откупщиков.

1 апреля, после острых споров, они добились своего. По договору. Пьеро Медичи занял место папского человека Бартоломмео да Фрамуры. Новая компания получила право производить столько квасцов, сколько будет требоваться на рынке.

Во всех финансовых операциях от имени Апостолической палаты выступали Медичи. Они стали депозитариями кассы Крестового похода, пополнявшейся в основном за счет продажи квасцов. Из поступавшей суммы две трети приходились на долю палаты, а треть — на долю откупщиков. Договор был золотым дном. Цель поездки к папе была достигнута: к великой зависти конкурентов, финансистов Флоренции и других итальянских городов, Медичи овладели главным рынком века.

Довольный этим успехом, Лоренцо очень хотел насладиться прелестями Рима. Но участвовать в светских развлечениях отец ему запретил: в это время пришло известие, что 8 марта скорострительно скончался Франческо Сфорца. Пьеро велел сыну носить по кондотьеру траур, чтобы публично подтвердить верность Медичи своему миланскому союзнику. Кроме того, он велел ему добиться у папы, хотя тот и был родом из Венеции, признания и поддержки наследника миланского герцога Галеаццо Марии Сфорцы. Впрочем, для Рима не меньше, чем для Флоренции, было важно поддерживать сильное Миланское государство в противовес республике дожей. Дипломатические переговоры удались Лоренцо не хуже, чем финансовые. 7 апреля, сразу же после торжественной папской пасхальной мессы, он отправился в Неаполь. Это путешествие было уже прямо связано с посольством в Милан: Лоренцо должен был укрепить ось Милан — Флоренция — Неаполь. Смерть Сфорцы сделала еще более необходимой солидарность между Пьеро Медичи и королем Фердинандом. Встречи Лоренцо с королем, приватные беседы в Капуе, совместные охоты, официальные приемы без труда привели к согласию на этот счет. Совсем другое дело — финансовые дела. Фердинанд был жаден до барыша. Он угнетал баронов и купцов своего королевства, желал извлечь как можно больше прибыли из квасцовых карьеров в Аньяно (возле

Пуццол), на островах Липари и Иския. Договор, только что заключенный Лоренцо в Риме, был ему не приятен: достаточно было посмотреть на условия этого соглашения, делившего европейский рынок.

Лоренцо прекрасно знал, что позиции неаполитанцев были не очень сильны: производимых ими квасцов все равно было недостаточно для серьезной конкуренции. В обмен на мировое соглашение по торговле, которое Медичи ничего не стоила, он потребовал, чтобы конкуренты Медичи в Неаполе, в первую очередь Аччайуоли и Лука Питти, впредь не имели привилегий на ведение финансовых дел государя (весьма важных, поскольку за королем была закреплена монополия на экспорт). И тут юному Лоренцо удалось выгодно завершить дело, правда, согласившись на отмену изгнания семьи Строцци, высланной в Неаполь и там подружившейся с королем.

По всем этим пунктам пришли к согласию. Медичи вновь добились полного успеха, но значительная часть флорентийского патрициата восприняла его как большую обиду. А между тем конъюнктура требовала не обижать городскую верхушку.

Оппозиция старого патрициата: Аньоло Аччайуоли, Лука Питти, Диотисальви Нерони и Никколо Содерини

Уже два года во Флоренции росло недовольство действиями Медичи, даже в рядах их бывших сторонников. Аччайуоли были одной из древнейших флорентийских фамилий. После восстания чомпи они были изгнаны вместе с Медичи, связали себя с ними, поддерживали их в борьбе против партии Альбицци. Один из главных в роде Аччайуоли, Аньоло, отличился, став на сторону Козимо во время его изгнания в Венецию; его посадили в темницу и даже пытали. По возвращении Медичи он был вознагражден: стал гонфалоньером, затем послом при дворе французского короля. Дочь Лаудомину Аньоло выдал за Пьерфранческо Медичи. Но Козимо опасался его честолюбия и вечных претензий и потому отказал дать Пизанское архиепископство его сыну и расстроил брак другого сына Аньоло с невестой из рода Барди, компаньонов Медичи. Аньоло затаил обиду. Верность его и всех Аччайуоли, уже и так сильно поколебленная, окончательно улетучилась, когда Пьеро Медичи отстранил их семью от неаполитанских торговых потоков. Тогда Аньоло исполнял важную должность, являясь членом советов при синьории: его положение в государстве позволяло при случае отомстить, в законном порядке приняв

вредные для Медичи меры. Такое же положение занимали и многие другие магнаты. Один из них, Лука Питти, возглавил государственный переворот 1466 года. Он полагал, что получил от политики не все, на что рассчитывал. Питти был очень богат, но ему катастрофически не хватало средств, чтобы закончить строительство дворца на холме Сан-Джорджо. Нужно было присосаться к государственному бюджету, а для этого расставить своих клиентов на ключевые посты и доходные места во флорентийской округе. Его сторонники неумеренно жаждали власти. Они составили «партию Холма», бывшую в оппозиции к «партии Долины», объединявшей клиентов Медичи с Виа Ларга и ее окрестностей в долине Арно.

Некоторые из тех, кто объявляли себя друзьями Медичи, из честолюбия или зависти тоже готовы были присоединиться к оппозиции, которая после смерти Козимо росла день ото дня. Таков был Диотисальви Нерони, советник и друг Козимо. Он вложил средства в дело Медичи и благодаря им разбогател. Его брат Джованни стал архиепископом Флорентийским. Сам он, когда сопровождал Лоренцо с посольством в Милан, получил от герцога рыцарское звание. Пьеро пользовался его советами в ходе реорганизации банка после смерти отца. Диотисальви посоветовал ему востребовать все кредиты, вследствие чего многие флорентийские предприятия осенью 1464 года обанкротились. Макиавелли считал, что Диотисальви нарочно дал такой совет, чтобы спровоцировать взрыв недовольства, а затем и изгнание Пьеро декретом синьории. Доказательств такой махинации нет. Возможно, связь между прекращением кредитования флорентийским банком (для сверки счетов после смерти Козимо) и флорентийскими банкротствами случайна. Во всяком случае, даже если Диотисальви действовал злонамеренно, он не был за это отстранен от дел. Он мог ждать своего часа, скрывая зависть и втайне стараясь подорвать доверие бывших друзей Козимо Медичи к его наследникам.

Однако он сталкивался с полным антагонизмом мнений даже в лоне одной и той же семьи. Таковы были, например, Содерини. Томмазо Содерини был женат на сестре Лукреции Торнабуони, дружил со своим свояком Пьеро Медичи, разделял все его мысли. Зато его брат Никколо не упускал случая громко критиковать режим Медичи: он был идеалистически настроен и мечтал о возвращении старых порядков.

Синьория регулярно приглашала Никколо Содерини для консультаций, и он боролся за восстановление назначения на должности по жребию. В конце концов ему удалось убедить приоров и советы. 18 сентября 1465 года старый порядок назначения был восстановлен. Все решал только жребий.

Никто, избранный по жребию, не мог получить отвод, за исключением совершенно недееспособных или не способных платить налоги в казну. Таким образом, Медичи потеряли возможность подбирать людей в правительство.

Угроза режиму Медичи

В результате жеребьевки, проведенной 29 октября по старинной традиции, большинство голосов получило республиканское течение. Никколо Содерини был избран гонфалоньером справедливости. Восторг его сторонников прорвался наружу. Его с триумфом отнесли на руках во дворец синьории, а флорентийские дамы наградили оливковой ветвью. От его правления ожидали чудес. И действительно, за два месяца он провел много собраний и задумал много реформ. Одна из этих реформ удалась: была создана комиссия для составления расширенного списка кандидатов на государственные посты. Она тотчас же втрое увеличила их число. Многие из новых кандидатов желали вернуть древнюю республику. В такой ситуации усилилась и оппозиция в городских советах. Весной 1466 года она подняла голову. После смерти Франческо Сфорцы Пьеро предложил синьории выдать субсидию в 40 тысяч дукатов вдовствующей герцогине и Галеаццо Марии. Таким образом он хотел купить их поддержку, благодаря которой при случае сохранил бы власть.

Его недруги, естественно, воспротивились. Лука Питти уже в декабре 1465 года заявил, что для него сам черт лучше миланского герцога. Под влиянием Питти и Аччайуоли синьория уменьшила размер субсидии. Это было первое поражение Пьеро.

И не последнее. Синьория обязала всех кандидатов на должности выйти из каких бы то ни было политических группировок. Всем же избранным было запрещено собираться в частных дворцах. Эта мера была фактически направлена против Медичи.

Оппозиционеры почувствовали необходимость заявить о себе и испытать свои силы. 27 мая четыреста оппозиционных деятелей на своем собрании торжественно поклялись соблюдать древние правила управления государством и защищать вольности.

Присяга была подписана. В первых строках подписавшихся стояли имена Луки Питти, Аньоло Аччайуоли, Диотисальви Нерони и даже Пьерфранческо Медичи, двоюродного брата Пьеро и зятя Аньоло Аччайуоли. Пьерфранческо нашел удобный случай отомстить старшей

ветви фамилии, которая, как он считал, его ограбила.

Следующей мишенью оппозиции сразу же стал Совет ста, своего рода сенат, созданный Медичи, которые сделали из него послушное орудие, штамповавшее нужные им чрезвычайные меры. Голосование Совета ста позволяло не считаться с мнением старых советов — Совета народа и Совета коммуны. Началась мощная агитационная кампания против этого учреждения. Нет никакого сомнения, что если бы в новой синьории, выборы которой были назначены на 28 августа, оппозиция подучила большинство, Совет ста, последний рычаг контроля над городом, частично остававшийся в руках Медичи, был бы упразднен. Очевидно было и то, что Медичи будут защищаться. Питти и его друзья стали искать сильного союзника для открытой борьбы. Они нашли его в лице феррарского маркиза Борсо д'Эсте, не скрывавшего враждебного отношения к Пьеро из-за того, что тот возобновил союз Флоренции с Миланом. В июле его брат Эрколе выступил в поход. Правитель Болоньи Джованни Бентивольо уведомил Пьеро, уехавшего тогда в Кареджи, что феррарское войско насчитывает 800 всадников, 2 тысячи пехотинцев и тысяча арбалетчиков.

Медичи тотчас же выпросил у Галеаццо Марин Сфорцы полторы тысячи миланских всадников, и те прибыли в Имолу. Военачальник герцога мог занять крепость Фиренцуоло в Апеннинах и преградить путь войску Эрколе д'Эсте. Но миланцы находились слишком далеко от Кареджи, чтобы защитить самого Пьеро. Старый дом был укреплен, но сад и поместье открыты в поле — там невозможно было долго сопротивляться неприятельской армии. Так что только во Флоренции у Пьеро оставалась свобода маневра. Сторонников у него было все еще много. Они помогли бы выдержать осаду во дворце на Виа Ларга — настоящем бастионе посреди города. Кроме того, во Флоренции Медичи тотчас узнают результаты жеребьевки в новую синьорию и поймут, выиграно дело или проиграно, а значит, надо ли Пьеро приглашать для защиты от недругов миланских солдат.

Победа Пьеро Медичи

Рано утром 23 августа из Кареджи в сторону Флоренции отправился портшез, окруженный конным эскортом. В нем неподвижно лежал Пьеро, мучившийся от подагры. Дорога была опасной: боялись нападения разбойников. Лоренцо ехал впереди верхом, как разведчик. Проезжая мимо виллы Сан-Антонио, загородного дома архиепископа Джованни Нерони,

брата Диотисальви, он увидел там отряды вооруженных людей, имевших явно недобрые намерения. Лоренцо остановили, спросили, едет ли за ним Пьеро, на что тот дал отрицательный ответ. Его отпустили. Тогда Лоренцо срочно послал к Пьеро гонца, чтобы тот переменял маршрут, и портшез без помех добрался до Флоренции. Пьеро собрал друзей во дворце на Виа Ларга и рассказал им, как его собирались похитить, а может быть, и убить. Он спасся лишь благодаря храбрости и находчивости Лоренцо.

Дальше события разворачивались стремительно. Удача улыбнулась Медичи. Кое-кто считает, что улыбнулась она слишком широко и результаты жеребьевки при выборе приоров были подтасованы. Во всяком случае, для оппозиции результат был неожиданным: 28 августа жребий выбрал приоров, полностью преданных Медичи. Лука Питти все понял. 29-го числа он смиренно изъявил Пьеро свою покорность, а тот ее принял. «Партия холма» посчитала его поступок трусостью, и политической карьере Питти пришел конец. Герцог Феррарский, узнав о победе Медичи, распустил войска. Оппозиция была полностью разоружена. Приоры поспешно передали Медичи контроль над флорентийским правительством. Применили обычный сценарий, чтобы добиться видимости народного одобрения. 2 сентября по требованию новых приоров народ собрался на площади Синьории, которую Пьеро окружил тремя сотнями солдат. В первом ряду воинов люди увидели Лоренцо на коне в полном вооружении. Приоры предложили собрать балию с чрезвычайными властными полномочиями на четыре месяца. Народ одобрил эту меру. На первом же заседании 6 сентября балия вынесла постановление о новом составе полицейского комитета из приверженцев Пьеро. Комитет получил неограниченную власть, упраздненную было в 1465 году. 7 сентября перед его судом предстали Никколо Содерини, Аньоло Аччайуоли, Диотисальви Нерони и другие лидеры оппозиции. 11 сентября им был вынесен приговор: двадцатилетнее изгнание. Простили только их мелких клеветников. Тем временем официальная пропаганда славila великодушие Пьеро Медичи.

Одновременно с репрессиями балия восстанавливала контроль Медичи над государством. 5 сентября было постановлено, что выборщики смогут вытаскивать из мешочков листочки с именами сколько угодно раз, пока не выйдут имена лиц, пользующихся абсолютным доверием режима. Так поступали еще двадцать восемь лет, до падения Медичи в 1494 году.

Из двухлетнего кризиса Медичи вышли окрепшими. Изгнанники, разумеется, не признали себя побежденными. Пикколо Содерини в Венеции пользовался поддержкой властей. Светлейшая республика

позволила изгнаннику прибегнуть к помощи своего кондотьера Бартоломмео Коллеони Диотисальви Нерони поселился в Мальпаге у одного рыцаря и тоже готовился к бою. К войску Коллеони присоединились другие кондотьеры: Эрколе д'Эсте, владетель Пезаро Алессандро Сфорца, Джованни Пико делла Мирандола, владетель Форли Пино III Орделаффи и владетель Фаэнцы Асторре Манфреди. Это была коалиция солдат удачи, желавших, как некогда Франческо Сфорца, воспользоваться случаем и оттяпать у больших итальянских государств княжества для себя. Державы быстро осознали опасность. Пьеро Медичи не стоило никакого труда составить 4 января в Риме лигу в составе Милана, Флоренции и Неаполя во главе с Павлом II. Общим войском командовал ученик Коллеони Федерико да Монтефельтро, граф Урбинский.

10 мая 1467 года Коллеони перешел через По с 8 тысячами всадников и 6 тысячами пехотинцев. Для того времени это была большая сила. Но полководец был уже стар и осторожен. Он не спешил атаковать. Граф Урбинский, его противник, тоже не рвался в бой. Дело не двигалось. Только Венецианская республика яростно вела войну на всех фронтах: на море конфисковала флорентийские корабли с товарами, пыталась поднять восстание в Генуе, возобновила сношения с Иоанном Анжуйским, чтобы натравить Савойю на Милан.

Стычка двух великих кондотьеров, произошедшая 23 июля 1467 года при Риккардине возле Молинеллы (Романья), не имела решающего исхода. Пришлось пойти на переговоры. Борсо д' Эсте предложил в посредники себя, но им стал папа Павел II. 2 февраля 1468 года он предложил проект мира, а 8 мая убедил все заинтересованные стороны согласиться на него. Пьеро Медичи вышел победителем из последнего испытания: ему не пришлось идти ни на какие уступки противникам. Флорентийская территория тоже осталась неприкосновенной. Более того, вскоре она еще увеличилась благодаря покупке за 37 тысяч флоринов Сарцаны и крепости Кастельнуово да Луниджана, расположенной на пути и Геную, в долине Таро. Флоренция теперь господствовала над путями, ведущими в Ломбардию.

Сильное и независимое Тосканское государство вновь обрело внутреннюю стабильность, которую давала негласная диктатура партии Медичи.

Глава 2. ВРЕМЯ УДОВОЛЬСТВИЙ

Первые стихи Лоренцо и его муза Лукреция Донати

Между тем ненависть побежденных представляла серьезную опасность для Медичи. Несколько раз им грозили покушения и похищения. Они едва не увенчались успехом: например, летом 1467 года, когда Лукреция с Лоренцо принимали серные ванны в Морбе, их предупредили о замысле убийства. Они еле успели укрыться за стенами соседней Вольтерры. Когда опасность миновала, Лукреция вернулась на курорт, а Лоренцо отец вызвал во Флоренцию, где он и остался. Там он вместе с компанией друзей, которую называл бригадой, вновь занялся любовными играми, для которых в городе, находившемся под властью Медичи, у него не было препон.

Лоренцо рано увлекся плотскими утехами. Это отразилось и в его стихах. В июне 1465 года шестнадцатилетний юноша, остановившись на ночлег в Реджо, когда ехал из Милана, сочинил на мифологическую тему сонет — первый в его собрании стихотворений. Всего это собрание («Книга песен») включает одну балладу, пять секстин, восемь канцон и 108 сонетов, сочиненных в основном в 1465—1470 годах. Весь этот свод, пронизанный любовными эмоциями, являет собой своего рода лирический дневник его страстной юности. Страсть эта находила себе выход в интрижках с доступными девицами, к которым ходили члены бригады. По словам Макиавелли, Лоренцо «невероятно увлекали удовольствия Венеры». А Гвиччардини пишет, что он был

«сладолюбив и весь во власти Венеры... что, по мнению многих, так ослабило его телесно, что он умер, можно сказать, молодым».

Выговоры матери и наставника, Джентиле Бекки, были напрасны. Впрочем, дед и отец Лоренцо тоже не были образцом добродетели. Но его любовь не ограничивалась ночными вылазками, причем небезопасными: ведь надо было остерегаться недругов из простонародья и ночных полицейских дозоров.

Как и все его товарищи, Лоренцо, честь по чести, ухаживал за

порядочной флорентийской дамой. По правилам куртуазной любви, на людях полагалось упоминать лишь эту идеальную возлюбленную, даже если она служила только ширмой для вульгарных плотских удовольствий. Вся Флоренция знала, что Лоренцо в своих стихах называет Дианой одну из первых красавиц города Лукрецию Донати. В 1465 году, когда юноша выбрал ее своей музой, ему было шестнадцать лет, а ей, как установили современные исследователи, восемнадцать. Она только что вышла замуж за Никколо Ардингелли, с которым два года была обручена. Таким образом, вздохи Лоренцо были обращены к молодой патрицианке с прекрасным положением в обществе. Притом его любовь так и осталась платонической в самом расхожем смысле слова. Об этой поэтической связи было объявлено во всеуслышание: на большом турнире 1469 года имя Лукреции красовалось рядом с Клариче Орсини, будущей женой Лоренцо. Та, впрочем, не держала обиды: в 1471 году она согласилась быть крестной матерью новорожденного Пьетро Ардингелли, сына Лукреции и Никколо. А Никколо не возражал, чтобы его супруга была царицей флорентийских праздников. Например, патрицианка Алессандра Мачинги-Строцци рассказывала своему сыну о роскошном празднике, который Лоренцо устроил в честь Лукреции 3 февраля 1466 года в папском зале Санта-Мария Новелла. Молодая дама была в великолепных одеждах, в ожерелье из больших жемчужин. Теперь, писала мать сыну, Никколо Ардингелли сможет отдать ему долг: говорят, что он получил 8 тысяч флоринов. Что это было — плата за слепоту? Непохоже. Никколо вел дела на Востоке. Он часто ездил в Турцию и другие страны, на много месяцев разлучался с женой.

Для Флоренции тех времен не было ничего удивительного в том, что Лукреция утешалась играми и праздниками бригады Лоренцо. Но как ни льстило ей внимание молодого Медичи, она, кажется, оставалась верной мужу: друзья Лоренцо в своей переписке жаловались на это. Лоренцо так и не занял место Никколо. Если верить его компаньону Браччо Мартелли, который 21 апреля 1465 года подсматривал за первой брачной ночью Лукреции, супруг обладал необыкновенными мужскими достоинствами. Браччо даже удалось определить размер его детородной тычины: с бычий рог! Для бригады Медичи проказы, подобные этой, были не редкостью. Веселые товарищи делились опытом, вместе гуляли, пели песни, сочиняли стихи.

Бригада Лоренцо: поэты, гуляки, верные друзья

В этой компании были действительно настоящие поэты — три брата Пульчи. Некогда их семья процветала и была в родстве с французскими аристократами, но теперь они превратились в нищих клиентов флорентийских патрициев.

Старший брат, Лука, родился в 1431 году. Он желал угодить юному Медичи, воспев его любовь в пасторально-мифологической поэме, написанной в 1465 году. Ни сама поэма, ни желание, видимо, не были достаточно вознаграждены: Лука умер в 1470 году в долговой тюрьме. Младший Пульчи, Бернардино, родившийся в 1438 году, написал «Книгу песен» и был женат на Антонине Джаннотти, тоже поэтессе, писавшей духовные стихи, которые наверняка нравились матери Лоренцо. Самым же талантливым из братьев Пульчи был средний, Луиджи, родившийся в 1432 году. На службу к Медичи он поступил в 1461 году. Ему давали самые разные поручения: купить шпагу, отдать в починку музыкальные инструменты, сопровождать в дороге членов семьи. Луиджи Пульчи прослыл злоязычным насмешником, став чем-то вроде придворного шута. Одни завсегдатаи дворца на Виа Ларга его любили, другие терпеть не могли, но он всегда сохранял благосклонность хозяев. По просьбе матери Лоренцо Пульчи стал писать «Морганте», бурлескную пародию на рыцарские эпопеи, очень смешное сочинение, где Карл Великий, Ганелон, Роланд, Оливье и другие классические персонажи ведут себя как полные идиоты. Герой поэмы — великан Морганте, спутник Роланда. Его сражения с полувеликаном Маргутте смешны почти как приключения Гаргантюа и Пантагрюэля у Рабле.

Верный Джиджи, как его обычно звали, он же Алоизий Пульхер, как он сам подписывал письма, нежно любил Лоренцо, но тот так и не помог ему выбраться из нужды. В 1472 году поэту пришлось уехать на службу к Роберто Сан-Северино. Впрочем, еще до отъезда Пульчи оставил поэтическое свидетельство верности молодому Медичи: стансы на турнир 1469 года, где воспевалась свадьба Браччо Мартелли с Констанцей Пацци и сам Лоренцо.

Браччо Мартелли, родившийся в 1442 году, принадлежал к одному из самых преданных партии Медичи семейств. В 1463 году он стал ближайшим другом и любимчиком Лоренцо. Они делились своими секретами. Позднее благодаря Лоренцо Браччо прошел все ступени общественных должностей: приор, подеста флорентийской округи, посол и, наконец, гонфалоньер справедливости.

Среди членов бригады был Диониджи Пуччи, ровесник Мартелли, эпикуреец, бонвиван и лентяй, который предпочитал охотничьим

удовольствиям постельные. Но настало время, и он, усмирив бунты в Читта ди Кастелло и Фазенце, доказал Лоренцо, что может быть энергичным и способен играть важную политическую роль. Пьетро Аламани, родившийся в 1434 году, был старше других. Он тоже являлся для Лоренцо и товарищем в забавах, и доверенным человеком, Пьетро занимал самые ответственные государственные должности и всегда оказывался на высоте положения.

Столь же предан был Бернардо Ручеллаи, зять Лоренцо (муж его любимой сестры Наннины) и почти его ровесник — родился в 1448 году. Бернардо был верным товарищем молодого Медичи в путешествиях, а потом стал его послом в Генуе, Милане и Неаполе. Это был любознательный эрудит, увлекавшийся историей и археологией. Другой зять Лоренцо, муж Бьянки Гильельмо Пацци, родившийся в 1437 году, довольно заурядная личность, и его брат Джованни тоже входили в бригаду, но позже были исключены из нее, оказавшись замешанными в заговор их семейства.

К этой компании принадлежали и распутный купец Джованфранческо Вентура, ученик Марсилио Фичино Франческо Берлингьери и гуманист Пеллегрини дельи Альи. Все они были на семь — девять лет старше Лоренцо. Моложе него был только Сиджисмондо делла Стуфа, родившийся в 1454 году, красотой которого восхищались все современники. Лоренцо доверял ему как самому себе. И тот в награду за преданность получал самые важные должности в государстве: приора, морского консула в Пизе, гонфалоньера справедливости.

Сиджисмондо был помолвлен с красавицей Альбьерой дельи Альбицци, смерть которой в 1473 году потрясла всю Флоренцию и вдохновила поэтов на множество прочувствованных стихотворений. Репутация безутешного красавца окружила Сиджисмондо каким-то ангельским ореолом, делавшим его совсем непохожим на товарищей по бригаде, весельчаков, гуляк и волокит. Компания разрасталась, к ней то и дело присоединялись новые юнцы — золотая молодежь того времени, на турнире 1469 года окружавшая Лоренцо и его брата Джулиано: молодые Питти, Веспуччи, Бенчи, Борромеи, Салютати и другие.

Компания по любому поводу вторгалась во дворцы патрициев и пригородные виллы. Устраивала шумные пирушки в Кафаджоло и Кваракки, поместье Ручеллаи. Друзья щеголяли разными выходками и богатой одеждой. Пикники сменялись купаниями, рыбалкой, охотой (чаще всего соколиной), конными прогулками или играми в снежки, а с приходом куртизанок и — вихрем балов, где каждый ухаживал за своей избранной

дамой. Прочес время отводилось делам и политике, как правило, сводившейся к домогательству должностей.

Бригада стала придворным обществом, занятым поиском удовольствий и выгод. К счастью, благодаря прекрасному воспитанию и поэтическому дарованию юному Лоренцо удалось вырваться из вихря пошлых удовольствий. Следуя примеру великих писателей как древности, так и недавних времен, он старался выразить и радость жизни, и страдания, которые тоже подчас испытывал. Он по-прежнему поклонялся идеальному женскому образу, воплощенному в Лукреции Донати. Вдохновляясь Петраркой и певцами любви, поэтами «нового сладостного стиля», он воспевал ее как светлую звезду, как блестящее солнце, как богиню, явившую земле небесное совершенство. В его стихах мы найдем весь поэтический арсенал предшественников: лук и стрелы Амура, живые духи, исходящие из глаз дамы и поселившиеся в любящем сердце, образы феникса, василиска, Медузы, античный миф об Аполлоне и Дафне. Но время от времени в стихотворениях Лоренцо мелькают живые наблюдения. Он пишет о лугах и цветах, о жужжании насекомых и пении птиц, о смутном чувстве тревоги перед безвозвратным уходом счастья.

Но влюбленный юноша, изящный и тонкий поэт оставался реалистом, сознавал обязанности наследника банка Медичи, будущего главы государства. Когда семейный совет, обеспокоенный плохим здоровьем Пьеро, решил, что восемнадцатилетний Лоренцо должен жениться, тот смирился с выбором родителей.

Помолвка с Клариче Орсини

Невеста сыскалась в начале 1467 года. Ею оказалась Клариче Орсини. Наряду со своими вечными соперниками Колонна, Орсини являлись самыми знатными римскими аристократами. Среди них были прелаты (кардинал Латино Орсини и несколько архиепископов), могущественные военачальники: Вирджинио Орсини, синьор Браччано, Никколо Орсини, синьор Питтильяно, Роберто Орсини, граф Тальясоццо и, наконец, Якопо Орсини, синьор Монте Ротондо. Последний был женат на Маддалене Орсини, племяннице кардинала, а их дочь Клариче была главной наследницей всего рода.

Первые переговоры вел Джованни Торнабуони. Обе семьи находили в таком союзе выгоду. Пьеро Медичи хотел, чтобы его младший сын Джулиано сделал духовную карьеру. Орсини нуждались в деньгах Медичи,

чтобы расширять круг своих клиентов в курии. 26 марта мать Лоренцо Лукреция в сопровождении Джентиле Бекки приехала в Рим. Она хотела сама посмотреть, хороша ли собой невеста, и договориться о приданом. Лоренцо, кажется, уже видел Клариче на церковных службах Страстной недели в 1466 году. Но без материнской оценки никак нельзя было обойтись. 27 марта Лукреция отправила мужу письмо, в котором сообщала, что сразу же по приезде встретила Клариче на дороге к храму Святого Петра: поступь ее показалась изящной, но фигуру нельзя было разглядеть из-за римского широкого плаща. Чтобы посмотреть на будущую невестку поближе, Лукреция отправилась с визитом к кардиналу Орсини и его сестре Маддалене. Девушка вышла к гостям: лет пятнадцати, хорошо сложена, круглолицая, рыжая, с длинными пальцами, изящной, хотя и тонковатой шеей. К сожалению, писала матушка, она не смогла разглядеть ее грудь, прикрытую «по-римски», но, кажется, она не велика и не мала. Словом, девушка недурна, писала Лукреция, но до ее дочерей Клариче далеко. Кажется, невесте не было дозволено говорить ничего, кроме обычных любезностей. Через несколько дней Лукреция уточнила: у девушки два достоинства — высокий рост и хорошая фигура. Не красавица, но привлекательная, выражение лица доброе. В заключение Лукреция писала мужу, как выгоден этот брак и как все будут рады, если Лоренцо согласится.

После возвращения Лукреции во Флоренцию, надолго отсроченного ее болезнью, переговоры о брачном контракте продолжили Джованни Торнабуони и кардинал Орсини. Они закончились 27 ноября 1468 года. В приданое Клариче давали 6 тысяч римских флоринов в звонкой монете, драгоценностях и платьях; если она умрет бездетной, приданое вернется к Орсини. В декабре пизанский архиепископ Филиппо Медичи заочно совершил венчание. Подготовка свадьбы и переезд невесты в новую семью должны были занять еще много месяцев, а пока что Клариче по-прежнему жила в Риме у родителей.

Сделка (именно сделка) была заключена, но Лоренцо никуда не спешил. 4 января один из дядюшек Торнабуони, Франческо, помогавший Джованни в Риме, послал Лоренцо восторженное письмо:

«Я каждый день вижу молодую синьору Клариче. Она меня словно обворожила, день ото дня становясь прелестнее. Она хороша собой, благовоспитанна и восхитительно умна. Неделию тому назад она начала брать уроки танцев и каждый день выучивает новый. Она не хотела бы докучать Вам своими

письмами, ибо знает, как Вы заняты подготовкой к турниру. Но раз уж Вы не можете навестить ее, то хотя бы пишите ей почаще. У Вас поистине будет самая превосходная жена во всей Италии».

Юный Медичи соблаговолил черкнуть несколько строк, а Клариче ответила тоже очень краткими, удивительно пошлыми любезностями. Амур в этом деле явно не участвовал: он витал над пышным турниром, занимавшим все помыслы Лоренцо.

Турнир двадцатилетия

Это торжество навсегда осталось в анналах Флоренции. Его подробности известны из большой поэмы, сочиненной Луиджи Пульчи в его честь. Турнир был устроен в ознаменование поражения врагов Пьеро Медичи и общего примирения итальянских государств по договору от 8 мая 1468 года. Уже в ноябре Лоренцо просил государей Урбино, Феррары и Неаполя в знак добрых отношений прислать ему лучших скакунов. Но кроме того, молодые флорентийцы хотели сделать турнир собственным праздником — праздником юности. Они хотели возвестить о начале новой эры — эры наслаждений и радости, царства красоты и сладострастия. Наконец, это был праздник в честь двадцатилетия Лоренцо, которого, как и его предков, уже начали называть Великолепным.

Утром 7 февраля 1469 года огромная толпа собралась вокруг арены, устроенной на площади Санта-Кроче. Через весь город, украшенный флагами, к площади отправилась кавалькада из шестнадцати всадников. В них признали молодых патрициев из бригады Медичи. Один из них, Браччо Мартелли, справлял и собственную свадьбу. Звуки труб возвестили появление соревнующихся. Каждому предшествовали двенадцать рыцарей и паж со штандартом в руках. Штандарт Лоренцо, написанный знаменитым Верроккьо, изображал молодую женщину, плетущую венок из зеленых и бурых листьев лавра. Здесь видели намек на властительницу дум Лоренцо — Лукрецию Донати. Над женской фигурой была радуга в солнечном небе с девизом «Эпоха возвращается». Этот личный девиз Лоренцо вскоре стал девизом всей эпохи, позднее названной Возрождением. Он говорил о возврате культа Красоты и Разума, новом открытии античной мудрости, начиная с древних греков и кончая гностиками, развивавшими философское учение Платона.

Лоренцо ехал следом за своим знаменосцем. Он гарцевал на

великолепной лошади, которую подарил неаполитанский король. Одет он был в шелковую тунуку флорентийских цветов: наполовину красную, наполовину белую. На плечах развевался шарф, тоже шелковый, весь расшитый жемчужными розами, с той же надписью: «Эпоха возвращается». На голове — черный берет, украшенный жемчугом, над которым искрился султан весь в рубинах и бриллиантах. На щите — французский герб (три лилии на лазоревом поле), а посередине сверкал большой алмаз Медичи по имени «Книга». Костюм и упряжь вместе стоили 10 тысяч флоринов.

Джулиано Медичи был одет в серебряную парчу, шитую жемчугом. Его одежда была не дешевле, чем у брата. Прочие участники турнира также состязались в роскоши: например. Бенедетто Салютати заказал Антонио Поллайоло доспехи из чистого серебра весом 170 фунтов.

На площади Санта-Кроче Лоренцо пересел на боевого коня, подаренного Борсо д'Эсте, надел доспехи, присланные герцогом Миланским. То же сделали и другие участники турнира. Начался бой на копьях, продолжавшийся с полудня до заката.

Но почести на этом празднике мог получить лишь один герой — тот, в честь которого был дан турнир. Хотя Лоренцо, по собственному признанию, в состязаниях не блистал, он при одобрительных криках толпы и к радости своей дамы Лукреции получил награду победителя: каску с шишаком в виде бога войны Марса. На другой день вся Флоренция явилась к нему с поздравлениями во дворец на Виа Ларга, а поэты состязались в похвалах ему. Флорентийцы праздновали явление нового государя.

Свадьба Лоренцо. Лоренцо замещает отца. Смерть Пьеро Медичи

Турнир прошел, оставалось оформить брак, заключенный в Риме. 27 апреля несколько молодых патрициев отправились в Вечный город за Клариче Орсини. Среди них были Джулиано и Пьерфранческо Медичи, Бернардо Ручеллаи, Гильельмо Пацци, Якопо Питти и другие члены бригады. Джентиле Бекки был за наставника. Месяц спустя вся компания вернулась во Флоренцию вместе с Клариче.

Брачные торжества начались 2 июня с приема подарков, присланных со всех концов флорентийской округи, из всех городов, деревень и замков. В основном это было продовольствие, счет которому подвели утром следующего дня в субботу: 150 телят, больше двадцати тысяч каплунов, цыплят и гусей, несметное количество рыбы, сладостей, миндаля,

сосновых орешков, сушеных фруктов, воска, много бочек и сотни, если не тысячи бутылок вина, мешки с мукой и зерном, разная прочая снедь. Мажордомы, увидев, что провизии им привезли намного больше, чем нужно для праздничного стола, приказали раздать мясо народу. Восьмистам горожанам досталось по 10—20 фунтов телятины на человека!

Тем же утром 3 июня молодая выехала из дома Бенедетто д'Алессандри, в котором ночевала, и верхом, под звуки труб и флейт, окруженная роскошно одетыми молодыми людьми, отправилась во дворец на Виа Ларга. Четыре дня, с субботы до вторника, сменяли друг друга балы, концерты и пиры. Каждый день утром и вечером слуги подавали четырем сотням гостей, расположившимся в залах и лоджиях, обильные изысканные яства. Двери балльных залов были распахнуты для молодых людей, находивших там и буфеты с изысканными блюдами.

Не забыли и о простом народе: в понедельник тех, кто получал даровое мясо, угостили и блюдами с господского стола. У ворот дворца накрыли столы на полторы тысячи персон. Монахам и монахиням тоже раздавали провизию: рыбу, вино и печенье. На Виа Ларга и в доме Карло, дяди Лоренцо, вино лилось рекой.

Во вторник новобрачная получила свадебный подарок: пятьдесят драгоценных колец ценой в 50—60 дукатов каждое, штуку парчи, серебряное блюдо, разные произведения искусства. Джентиле Бекки среди прочих подарил книгу в серебряном переплете с хрустальными украшениями, написанную золотыми буквами на голубом пергаменте. Наконец, гости выслушали благодарственную мессу в церкви Сан-Лоренцо и разошлись.

Лоренцо и Клариче стали жить в большом дворце, тихом и скучном. Молодой супруг не мог долго терпеть такую жизнь: ему не хватало веселых товарищей. Вскоре представился случай вырваться из дома. 20 июня у Галеаццо Марии Миланского и его молоденькой жены Бонны Савойской, свояченицы французского короля Людовика XI, родился сын. Они пригласили Пьеро Медичи в кумовья, но Пьеро был практически полностью разбит параличом. После свадьбы сына он затворился на вилле Кареджи. Ему пришлось послать Лоренцо в Милан вместо себя. Тот был в восторге. 14 июля он без всякого сожаления расстался с женой и поскакал в Милан с дюжиной сопровождающих: в свиту входили и члены бригады, Гильельмо Пацци и Бернардо Ручеллаи, и солидные люди вроде Бартоломмео Скалы и Джентиле Бекки. По дороге они заехали в недавно приобретенные Пьеро крепости Сарцана и Сарцанелло, оборонявшие подступы к Милану и Лукке.

Миланские торжества были роскошны. Лоренцо подарил герцогине золотое кольцо «во французском вкусе» с большим подвешенным бриллиантом ценой 2.5—3 тысячи дукатов. Восхищенный герцог сказал, что и для будущих детей не желает никакого другого крестного, кроме Лоренцо.

Эта миссия была частью политики, которую можно назвать взаимным согласованием действий Флоренции и Милана. Визит Лоренцо последовал за официальными визитами Галеаццо Марии во Флоренцию. Под прикрытием пиров и приемов велись серьезные политические беседы. Государственный секретарь Чикко Симонетта, добивавшийся укрепления союза герцогства с Францией Людовика XI, хотел быть уверен, что Флоренция окажет финансовую поддержку миланским вооруженным силам. Положение у Милана было незавидное: под боком у него Савойя, которой с 1466 года от имени Амедея IX правила его жена, сестра Людовика XI Иоланда, сближалась с грозным герцогом Бургундским.

К тому же едва установившийся мир внутри Италии нарушил поход Павла II в союзе с Венецией против побочного сына Сиджисмондо Малатесты Роберто, который, нарушив права Папского государства, оккупировал Римини. Лига, объединявшая Милан, Флоренцию и Неаполь, решила вмешаться. Летом 1469 года кондотьер этих государств Федерико Урбинский оборонял Римини от папских и венецианских войск. Галеаццо Мария просил Лоренцо уговорить отца прислать флорентийские войска под командованием Роберто Сан-Северино, двоюродного брата герцога и кондотьера, состоявшего на службе у Флоренции.

С этой просьбой Лоренцо в начале августа и отправился домой через Геную и Пизу. 13 августа он был в Кареджи у одра отца, которому стало намного хуже.

Пьеро, Томмазо Содерини и их присные уважили просьбу миланцев. Они провели через синьорию решение послать войска графу Урбинскому. Но тому они уже не понадобились: 30 августа, еще до подхода подкрепления, он разбил папские войска при Черизоло.

Государства лиги назначили своих представителей на «сейм», собравшийся в Риме для переговоров об условиях мира между папой и его вассалом в Римини. Флоренцию в переговорах представляли два видных члена партии Медичи: Отто Никколини и Якопо Гвиччардини. Пьеро Медичи больше доверял «старым волкам» — политикам, чем Лоренцо: он справедливо рассудил, что сын его может блистать на светских приемах, но не способен терпеливо и тонко разыграть дипломатическую партию.

Осенью 1469 года Пьеро, пока паралич не охватил все тело, собрал

всех видных горожан и рекомендовал им Лоренцо. Говорят, он даже тайком вернул из ссылки Аньоло Аччайуоли, пообещав в обмен на поддержку вернуть и других изгнанных. Но никаких формальных обязательств подписано не было, а вскоре стало уже поздно. В ночь со 2 на 3 декабря 1469 года Пьеро преставился. Ему было пятьдесят три года. Сын его Лоренцо, которому через месяц исполнялся двадцать один, получал хлопотную власть с неясными перспективами. Для того, кто с тех пор, как отец вернул себе власть, жил весело, купаясь в наслаждениях, это наследство грозило серьезными опасностями.

Глава 3. КОЛОСС НА ГЛИНЯНЫХ НОГАХ

Лоренцо принимает власть. Обзор международного положения

До самой смерти Пьеро его наследник никогда не занимал действительно ответственных должностей. Он лишь блестяще исполнял представительские функции. Магнаты и опытные дельцы, сторонники Медичи полагали, что ничего и не изменится. Томмазо Содерини, муж тетки Лоренцо, уже вечером в день смерти Пьеро устроил манифестацию в поддержку Медичи из семисот человек всякого состояния. После похорон 4 декабря Лоренцо и его брат Джулиано принимали соболезнования знатных граждан и членов синьории. Они просили Лоренцо принять на себя попечение о городе и государстве вслед за дедом и отцом. «Я согласился неохотно, — писал наследник рода Медичи в своих «Воспоминаниях». — Мне казалось, что эта должность не подобает моим летам, тягостна и опасна. Я принял ее единственно для того, чтобы обеспечить безопасность моих друзей и сохранность нашего состояния, потому что во Флоренции нелегко жить богатому человеку, если он не обладает властью в государстве». Эти слова полностью отражают образ мыслей Лоренцо и во многом объясняют его дальнейшие действия. Молодой Медичи понимал: чтобы его уважали, ему придется сражаться, не брезгуя никакими средствами. Во внешней политике он нуждался в поддержке традиционных союзников своей семьи, Неаполя и Милана. Уже 7 декабря откликнулся герцог Галеаццо Мария Сфорца, прислав миланские войска, стоявшие около Пармы. Укрепить союз с Неаполем Лоренцо было труднее. На сейме в Риме, где искали приемлемые для всех воюющих сторон условия, чтобы завершить войну за Римини, король Фердинанд поссорился с миланским герцогом. Тот желал немедленного мира: этого добивался его друг французский король Людовик XI в надежде, что освободившиеся миланские войска можно будет использовать для реализации претензий Франции (точнее, Анжу) на Неаполь. Оскорбленный Фердинанд был готов вступить в союз со старинным недругом своего государства — Венецией, в союзе с Павлом II воевавшей против лиги Милана, Флоренции и Неаполя. В июле 1470 года флорентийским представителям удалось предотвратить раскол лиги. Для Тосканского государства, которому постоянно грозили происки изгнанных участников последнего заговора, нерушимость

внешних союзов была важным фактором стабильности. Впрочем, Флоренция нашла необходимые 300 тысяч флоринов на перевооружение: в середине декабря, несмотря на сильное сопротивление Совета народа, было принято решение о чрезвычайном налоге. Таким образом, 1470 год, казалось, должен был принести мир, так необходимый Лоренцо, чтобы спокойно вникнуть в государственные дела. Ему помогал малочисленный совет, вовсе не потакавший хозяину города. Наряду с Томмазо Содерини в него входили Якопо Пацци, глава семьи, являвшейся главным соперником Медичи, которого Лоренцо хотел задобрить, и два члена партии Медичи: Луиджи Гвиччардини, сторонник миланского герцога, и Антонио Ридольфи, стоявший за неаполитанского короля.

Бунт в Прато

Угроза войны с внешними врагами была не единственной проблемой. Она едва не разразилась и внутри государства. В ночь на 6 апреля изгнанники братья Нарди, друзья бывшего заговорщика Диотисальви Нерони, опираясь, вероятно, на поддержку Борсо д'Эсте и сообщников в самом городе, захватили цитадель и дворец подеста Чезаре Петруччи в городке Прато. Подеста и члены муниципалитета были брошены в темницу. Они должны были стать заложниками, но народ, оставшийся верным Флоренции, вскоре освободил их, и они арестовали самих братьев Нарди с шестьюдесятью сторонниками.

Расправа была безжалостной. 9 апреля Бернардо Нарди обезглавили, а четырнадцать его сообщников повесили. Затем последовали новые казни: четырех заговорщиков казнили 14 апреля, еще семерых через день. Слух об этом привел в ужас всю флорентийскую округу.

Подеста действовал по указу из Флоренции. До вынесения приговоров синьория спросила мнения Лоренцо. Медичи давно знали, что в Прато зреет смута. Карло, незаконный сын Козимо Старшего, будучи старостой коллегиальной церкви Святого Стефана, сам это видел. К желанию города получить автономию примешивалась зависть местных купцов к флорентийским конкурентам. На своей свадьбе Лоренцо выразил недовольство Прато, отвергнув подарок города — великолепную чеканную серебряную вазу. Теперь ему представился случай уничтожить всех своих противников, но он этого не сделал. Наоборот, когда главные виновники понесли наказание, подеста Прато получил приказ уничтожить судебные протоколы. Обеспечив безнаказанность соучастникам заговора, Лоренцо

сделал возможным примирение с ними и таким образом завоевал репутацию великодушного политика.

Контроль за органами власти. Реформа и полновластие Совета ста

Мятеж в Прато выявил истинные настроения магнатов флорентийской округи. Дебаты в Совете ста, центральном органе режима Медичи, показывали, что и в самой Флоренции зрели подобные замыслы. Друзья Лоренцо уведомили его, что городская верхушка добивается самостоятельности. Рано или поздно Совет ста сформировал бы враждебную Лоренцо синьорию.

Чтобы устранить эту угрозу, 5 июля 1470 года был внесен новый законопроект. От формирования синьории предполагалось отстранить Совет ста и передать эту функцию комиссии из сорока пяти граждан из числа самых преданных сторонников Медичи. Лоренцо заготовил список, включавший по одному члену каждой семьи, занимавшей те или иные должности с 1434 года. Особые привилегии получили семьи Гвиччардини, Мартелли, Питти и Ридольфи: от них в комиссию вошли по два человека.

Проект вызвал резкую критику. Канцлер республики Бартоломмео Скала назвал его слишком олигархическим и порицал замкнутость партии Медичи. Ринуччини, противник Лоренцо, заявил, что это нововведение отдаст всю власть «сорока пяти тиранам». Закон дважды ставили на голосование в Совете ста, и он дважды не прошел. Для Лоренцо и его друзей это было серьезное поражение. Но они не признали себя побежденными и задумали полностью реформировать сам совет.

Как обычно, реформа органов власти осуществлялась балией, созданной для этой цели в начале июля 1471 года. В нее вошли 240 сторонников Медичи. Эта большая комиссия и предложила проект реформы. Закон, утвержденный 23 июля, сделал Совет ста единственной инстанцией, имеющей полномочия одобрять налоги, принимать политические и военные решения. Так была сведена к нулю и без того уменьшившаяся роль Совета народа и Совета коммуны. Огромное приращение полномочий сопровождалось изменением структуры Совета ста. В нем появилось ядро из сорока членов — все сторонники Медичи. Эти сорок человек должны были выбрать остальных членов совета из числа бывших гонфалоньеров справедливости. Благодаря этой процедуре оппозиция теперь не могла попасть в состав единственного полномочного органа. Совет позволял Медичи полностью контролировать государство.

Это учреждение функционировало до 1478 года, когда заговор Пацци заставил партию принять еще более жестокие меры, чтобы укрепить свою власть.

Реформа была дополнена составлением новых списков граждан, признанных достойными занимать государственные должности. Для этого в августе 1472 года были назначены новые уполномоченные. Шесть из них, в том числе Лоренцо Медичи, входили в число сорока постоянных членов Совета ста. Когда списки были составлены, стало видно, как много в них членов семейств — сторонников Медичи. По сравнению со списком 1466 года их стало значительно больше. Так, вместо семи Ридольфи стало десять, вместо четырех Каниджани — восемь, вместо четырех Гвиччардини — шесть, вместо шести Каппони - десять, вместо трех Пуччи — семь. Зато Пацци в списке было всего трое.

Цифры говорили сами за себя. Все будущие синьории могли быть составлены только из сторонников Медичи. Так после краткого периода неопределенности и законодательная, и исполнительная власть перешла к Лоренцо.

Банк Медичи: общее управление и филиалы. Положение дел

Далеко не так хороши были экономические итоги. Во главе семейного дела стоял генеральный директор Франческо Сассетти. Он был сыном менялы с Нового рынка, служащим, а потом директором филиала в Женеве, и к 1459 году, когда его вызвали во Флоренцию на помощь Джованни Медичи (сыну Козимо), сам себе сколотил состояние. Считалось, что в 1466 году у него было 52 тысячи флоринов. Большую часть капитала он вложил в авиньонский и женевский, а позже лионский филиалы банка. Сассетти жил по-княжески; на холмах Монтуги он выстроил виллу стоимостью 12 тысяч флоринов. Заботясь больше всего о собственной выгоде, он позволял директорам филиалов делать что угодно. Между тем ситуация требовала не только строгого надзора центра, но и координации действий, и выработки общей политики, о чем ни Сассетти, ни Лоренцо не задумывались.

Сумма, выданная в долг банком Медичи герцогу Миланскому, к 1467 году достигла фантастической цифры — 179 тысяч дукатов. Правда, 94 тысячи должны были покрываться из доходов герцогства, а под 64 тысячи выдана гарантия в виде драгоценностей, хранившихся в венецианском отделении, но 21 тысячу директор Пиджелло Портинари выдал без

обеспечения. После смерти Пиджелло в октябре 1468 года управление миланским филиалом перешло к его брату Аччеррито. Он был неопытен и неосторожен. Это выяснилось, как только Лоренцо пришел на смену отцу. К 1470 году филиал не имел в своем распоряжении никаких ликвидных активов!

В Лионе положение стало ухудшаться в 1468 году: Людовик XI мстил представителям банка Медичи за то, что управляющий брюггским филиалом Томмазо Портинари давал займы герцогу Бургундскому. Под предлогом, что займы были обещаны еще двум врагам короля, Антуану де Шатонеф и Филиппу Савойскому, графу Бресскому, Людовик изгнал лионского управляющего Франческо Нори. На его место приехал новый управляющий Джулиано дель Дзаккерия, но в 1470 году он умер. Тогда Лоренцо назначил на этот пост служащего филиала Лионетто Росси. В марте 1470 года Росси приехал во Флоренцию подписать контракт о партнерстве, женился на незаконнорожденной сестре Лоренцо Марии и вернулся в Лион с молодой женой, где она и умерла в 1479 году. На самом деле Росси был младшим партнером, а основным — Франческо Сассетти, вложивший в дело 1800 экю, что равнялось двум тысячам флоринов. Два года филиал приносил прибыль, но затем дела пошли хуже. Несостоятельные должники и скопление нераспроданных товаров постепенно довели Росси до банкротства. Однако оно было объявлено лишь десять лет спустя.

Дела авиньонского филиала в 1468 году вели Франческо Сассетти и его компаньон Джованни Дзампини. В 1470 году в компанию вошел и Лоренцо. Объем операций там был невелик. В Авиньон доставляли льняные ткани из Вердена и Бордо, а затем отправляли их морем на Майорку и в Барселону. Вспомогательное отделение открылось в Монпелье. Предприятие было небольшим, но банковская деятельность велась активно. Среди клиентов филиала были и король Репе Анжуйский, занявший у него семь тысяч флоринов, и его враг Фердинанд Неаполитанский.

Венецианский филиал столкнулся с проблемами уже во времена Пьеро Медичи. Там было выдано много займов: управляющий Джованни Альтовити слишком доверял знатым венецианским фамилиям, особенно Корнаро и Дандоло. В 1469 году было принято решение о ликвидации фирмы, но в 1471-м отложено. Лоренцо назначил нового управляющего, Джованни Ланфредини. Но непрекращающаяся война венецианцев с турками наносила ущерб делам и вскоре сделала ликвидацию неизбежной.

Очень неясными были перспективы неаполитанского филиала, после

двадцатипятилетнего перерыва открытого Лоренцо в 1471 году. В действительности это было лишь вспомогательное отделение римского филиала, которым заведовал дядя Лоренцо Джованни Торнабуони. Как выяснилось, неаполитанское отделение не смогло вписаться в торговый оборот экспорта зерна и фруктов, где доминировали венецианцы.

И венецианская и неаполитанская конторы сами по себе представляли мало интереса для банковской и меняльной деятельности, но были прекрасными наблюдательными пунктами для контроля над рынком главного сырья того времени — квасцов.

Папская торговля квасцами

Апрельский контракт 1466 года, полученный Пьеро Медичи у Святого престола с помощью сына и Джованни Торнабуони, давал семье почти полную монополию) на продажу папских квасцов. Исключением была лишь Венеция: туда Апостолическая палата сама сбывала сырье, в котором венецианские купцы имели крайнюю нужду, поскольку в 1463 году лишились фокейских рудников, захваченных Турцией.

Но Венеция была центром торговли с Южной Германией. Из этих соображений Медичи тоже везли папские квасцы в Венецию, что не устраивало их партнеров в курии. Эту ситуацию надо было разрядить.

Что касается Неаполя, то соглашение, заключенное 11 июня 1470 года между папой и королем Фердинандом, устранило конкуренцию неаполитанских рудников: сбыт их продукции на двадцать пять лет объединялся со сбытом квасцов из Тольфы. Половина выручки поступала папскому двору, половина — королевскому.

Одним из первых дел Лоренцо Великолепного стали переговоры о новом контракте с папой о сбыте квасцов. Они завершились 17 апреля 1471 года. Медичи обязывались вывезти из Тольфы 70 тысяч кантаров (3,5 тысячи тонн) минерала по цене 2 дуката за кантар — то есть на 140 тысяч дукатов. Пятьдесят тысяч выплачивались товарами (сукном и шелком), другая часть — звонкой монетой, в качестве третьей — Апостолической палате уступались венецианские склады квасцов, принадлежавшие Медичи. Взамен Лоренцо получал монополию сроком на четыре года. Рим обязывался следить, чтобы квасцы, проданные непосредственно в Венеции, больше никуда не перепродавались. Подтверждалось обязательство Карла Смелого сроком на двенадцать лет, подписанное 5 мая 1468 года, по которому герцог вводил монополию на папские квасцы в своих владениях:

покупать их дозволялось только у Томмазо Портинари, управляющего филиалом Медичи в Брюгге. Вскоре папская и неаполитанская добыча квасцов вновь была разделена. Лоренцо стал полным хозяином мировой торговли этим товаром. Но этот успех совпал с крахом филиала Медичи в Лондоне, который, по логике, должен был стать одним из главных центров сбыта. Дело было не в квасцах и не в шерсти, которую итальянцы вывозили из Англии в обмен на сырье. В Лондоне, как и в Милане, компанию Медичи довели до краха требования властей.

Крах лондонского филиала

Лондонский филиал, основанный в 1465 году компанией Джованни Барди и Герардо Каниджани, под давлением короля Эдуарда IV был вынужден с большим риском вести свои банковские дела. В 1468 году инспекция Анджело Тани, уполномоченного Пьеро Медичи, показала, что филиал выдал очень большие для того времени суммы: 10 500 фунтов стерлингов королю и 10 тысяч баронам, что в сумме составляло около 70 тысяч флоринов^[3]. Кроме того, 7 тысяч фунтов (42 тысячи флоринов) он был должен отделениям во Флоренции, Милане и Брюгге. Английский король вознаграждал агентов Медичи лицензиями на экспорт шерсти и сукна, таможенными ассигнациями, но взамен в ноябре 1468 года получил новый заем в размере 2600 фунтов стерлингов (15 600 флоринов). Кроме того, по случаю бракосочетания сестры Эдуарда IV Маргариты Йоркской с бургундским герцогом Карлом Смелым, совершившегося в Дамме под Брюгге 3 июля 1468 года, лондонский филиал открыл королю кредит в тысячу фунтов (6 тысяч флоринов) для покупки шелка производства мануфактуры Медичи во Флоренции.

Ассигнации, которые король выдал Тани, заметно уменьшили сумму долга, и ситуация разрешилась бы благополучно, но тут Эдуард IV поссорился с графом Уорвиком, и тот принудил его отречься в пользу Генриха VI, ранее свергнутого короля из Ланкастерской династии. Новое царствование продолжалось недолго, с октября 1470-го до марта 1471 года, но Тани так и не удалось свести концы с концами. Когда король Эдуард вернулся на трон, долги его стали настолько обременительны, что в 1472 году Медичи решили забрать из Лондона свой капитал и прервать отношения с лондонскими компаньонами. 6 июня 1475 года английский монарх признал долг перед Лоренцо и его братом Джулиано в 5 тысяч фунтов стерлингов, то есть 30 тысяч флоринов. Но к этому времени в

Лондоне осталась только маленькая контора с заведующим Томмазо Гвидетти, которая занималась почти исключительно торговлей шерстью. Прежний компаньон Медичи Герардо Каниджани создал независимую компанию. Торговля квасцами была расстроена отчасти рисками гражданской войны, отчасти потому, что английские купцы желали иметь дело только с папскими промышленниками.

Крах филиала в Брюгге

Ликвидация лондонского филиала была доверена компании Медичи в Брюгге. 15 декабря 1469 года предприниматель Томмазо Портинари вместе с Лоренцо и Джулиано Медичи, а также своим предшественником Анджело Тани основал новую компанию. Тесные связи, которые Портинари поддерживал с Карлом Смелым, назначившим его своим советником, приносили большую выгоду торговле Медичи. Им была отдана на откуп таможня Гравлин на английской границе близ Кале (транзитные пошлины на английское сукно давали большой доход); в 1464 году Медичи получили две галеры, которые герцог построил и вооружил на случай Крестового похода, объявленного Пием II (с 1467 года они регулярно ходили из Нидерландов в Пизу и Константинополь); наконец, в 1468 году герцог запретил ввозить квасцы из всех стран, кроме Папской области.

Однако 1473 год оказался для Медичи черным. 27 апреля данцигские пираты захватили галеры с квасцами и шелком, направлявшиеся в Саутгемптон; на них же находились и произведения искусства для одной из флорентийских церквей, в том числе «Страшный суд» Мемлинга, заказанный Анджело Тани. Убытки составили 40 тысяч экю, или 8 тысяч нидерландских монет (гровов). Затем, 7 июня 1473 года, Карл Смелый под давлением Генеральных штатов издал ордонанс, разрешающий ввоз квасцов из любых стран.

Этот тяжелый удар по финансовому положению Медичи превратился в катастрофу после того, как швейцарцы разгромили Карла Смелого 2 марта 1476 года под Грансоном и 22 июня того же года под Мора. Герцог стал несостоятельным должником. Вскоре, 5 января 1477 года, он погиб при Нанси, и положение стало безвыходным. Медичи потеряли деньги, данные ему в долг Портинари: 57 тысяч артуазийских ливров, или 9,5 тысячи нидерландских. Конечно, управляющий филиалом попытался сделать так, чтобы этот долг признали дочь герцога Мария Бургундская и ее нищий муж, эрцгерцог Максимилиан Австрийский. Он дал супругам 20 тысяч

артуазийских (3300 нидерландских) фунтов просто под честное слово. В момент, когда распадалась Бургундская держава, подобный кредит был самоубийственным даже для самого крупного банка того времени. К этим огромным убыткам прибавились расточительные расходы Портинари: авантюрные займы португальцам на экспедицию в Гвинею и роскошная перестройка его резиденции Бланделин в Брюгге. В 1479 году посчитали, что фирма Медичи передала филиалу в Брюгге серебра, квасцов и различных обязательств на общую сумму 88 084 дуката, а получила 12 500 дукатов — стоимость 62 500 фунтов шерсти. Разорение филиала было чревато тяжелыми последствиями для всей фирмы. Больной член необходимо было ампутировать.

Ликвидацию провел в 1481 году Риньери да Риказоли, уполномоченный Лоренцо. Портинари оставили право пользования дворцом Бланделин на четыре года. Он получил возмещение в размере 1100 дукатов: таким образом фирма признавала свою долю в инвестициях и масштабных расходах своего блудного управляющего.

Дело было в том, что деловая стратегия таких крупных международных финансистов, какими теперь стали Медичи, требовала активной политики представительства при государях Европы. Огромные денежные ссуды и роскошные приемы не были чистым убытком: они позволяли фирме получить поддержку на рынках, льготы на пошлины, разрешение на банковскую деятельность в тех или иных странах. Но эта финансовая империя, напоминавшая транснациональные корпорации, была подобна колоссу на глиняных ногах. Ей грозили две главные опасности: нарастание пассивов вследствие неплатежеспособности государей и возможный отзыв монополии на квасцы, на которой зиждилась почти вся международная торговля. Монополию ограждал папский запрет на ввоз квасцов, производившихся турками. Обеспечивало ее и международное соглашение против неаполитанских производителей. Но не было никаких гарантий того, что на рынке не появятся новые производители. А когда опасность грозит реально, действовать надо быстро, даже жестоко. Лоренцо Медичи явил тому пример в трагическом деле Вольтерры.

Дело Вольтерры

Вольтерра еще с этрусских времен была горняцким городом. В его окрестностях было много серебра, меди, свинца, серы и различных солей.

Коммуна получала немалые доходы от прав на добычу этих богатств

открытым способом, на сольфатары, карьеры, сернистые источники, в том числе ванны в Морбе, куда часто ездили Медичи. С другой стороны, к городу от епископа перешла регалия на недра. Концессия на разведку полезных ископаемых и разработку залежей входила в его суверенные права и давала большую прибыль.

У города была автономная администрация из восьми приоров, занимавших эту должность по два месяца. С Флоренцией он был связан договором с 1361 года. Это был скорее союз, чем зависимость. Но Флоренция назначала Вольтерре народного капитана, главу местной полиции и получала с нее ежегодную дань.

Вольтерра ревностно оберегала свои свободы: она восстала, когда в 1427 году флорентийцы попытались подвести ее под кадастр, и в 1431 году добилась для своих граждан права не декларировать свое имущество для налогообложения

22 августа 1470 года, в силу своих прав, коммуна дала сиенцу Бенуччо Капаччи пятилетнюю концессию на разработку любой руды: золота, серебра, свинца, железа или минеральных квасцов из вновь открытого месторождения. Плата за концессию была ничтожна: 50 фунтов за первые два года и 100 фунтов в год впоследствии. 3 декабря Капаччи объявил имена своих компаньонов. Их было шестеро: брат Бенуччо Андреи Капаччи, три флорентийца — Джино Каппони, Антонио Джуьни и Бернардо Буонаджусто: два жителя Вольтерры — Бенедетто Риккобальди и Паоло Ингирами. Джуьни был подставным лицом Лоренцо Медичи, остальные флорентийцы и вольтерранцы — его друзьями. В тот же день Капаччи зарегистрировал границы участка, который предполагалось разрабатывать. Там находился карьер квасцового камня, недавно открытого на склоне холма, где стоял замок Сассо. Дело было обделано ловко. Компанию интересовало только производство квасцов.

Новость о существовании этих залежей и слухи об их богатстве, разумеется, тотчас же распространились повсюду и возбудили недовольство Синьории Вольтерры. Она сочла годовую арендную плату смехотворной. Компания Капаччи тотчас предложила увеличить ее до 4 тысяч фунтов. Приоры заявили, что и это намного меньше, чем требуется. Вследствие этого 4 июня 1471 года они решили в одностороннем порядке разорвать контракт и разрабатывать карьер в интересах города.

Вольтерранцы были уверены в своем праве вернуть собственность. Но они прекрасно понимали, что подрывают квасцовую монополию Лоренцо Медичи. Чтобы прийти к соглашению, к нему отправили посольство. Но взбешенный Лоренцо ничего не хотел слышать. 28 июня он послал в

Вольтерру герольда с ультиматумом вернуть карьер концессионерам. Народный капитан, флорентиец, преданный Лоренцо, привлек граждан, участвовавших в захвате месторождения, к суду. В сентябре, октябре и ноябре проходили процессы против каждого из них поодиночке. Все были осуждены на годичную высылку.

Приоры Вольтерры, возмущенные такой процедурой, нарушавшей их права, пожаловались флорентийской Синьории. Они объявили, что в знак доброй воли готовы дать Лоренцо Медичи полномочия судить и разобрать их спор. Лоренцо немедленно потребовал вернуть изгнанников. Риккобальди и Ингирами, граждане, изгнанные из городка, вернулись победителями. Но простому народу их поведение показалось оскорбительным. В ночь с 22 на 23 февраля 1472 года возмущенная толпа горожан выгнала Ингирами и его тестя Барлеттани из дома. Они надеялись найти убежище у народного капитана, но около его дома их поймали и убили. Флорентийская синьория потребовала наказать виновных, но приоры Вольтерры выступили в их защиту. Городок стал готовиться к осаде.

Стены Вольтерры укрепили. 30 апреля флорентийский Совет постановил создать комиссию из двадцати граждан для организации похода на мятежный город. В нее вошли, в частности, Лоренцо и Томмазо Содерини. 5 мая Флоренция выставила 3 тысячи пехотинцев. 14 мая во главе с кондотьером Федерико да Монтефельтро, прибывшим с дополнительными силами от неаполитанского короля, войско выступило в поход. Замки вокруг Вольтерры сдавались один за другим. 16 июня после месячной осады пал и сам город. Вольтерранцам гарантировали неприкосновенность личности и имущества. Но 18 июня победители получили разрешение на мародерство в течение двенадцати часов — до ночи. Говорили, что Федерико да Монтефельтро взял там богатую добычу.

Портрет Федерико да Монтефельтро работы Пьеро делла Франческа

Не щадили ничего: ни монастыри, ни церкви, ни дома бедняков. И конечно, не обошлось без насилия над жителями. Когда Лоренцо уведомили об этом, он выразил сожаление о чрезмерной жестокости, которой он, по его словам, не желал. Несомненно, он лицемерил. Монтефельтро получил приказ преподать пример жестокого наказания, как прежде было в Прато. По завершении похода сорок именитых граждан Вольтерры были казнены, а шестидесяти семьям пришлось покинуть город. Лоренцо же добился своего: Вольтерра и прилегающие к ней земли были включены в состав Флорентийского государства, коммунальные вольности упразднены, а квасцовый карьер перешел в полную собственность республики. Правда, 29 июля город передал его цеху Лана, одному из старших цехов Флоренции. Но уже полгода спустя, 23 декабря, цех вернул права добычи квасцов все той же компании — Лоренцо и его друзьям. Таким образом, дело Вольтерры закончилось к полному удовольствию Лоренцо. Отныне он играл на рынке квасцов такую же роль, как папа и неаполитанский король. Эти государи помогали ему в организации карательной экспедиции. Они позволили Федерико да Монтефельтро использовать не только флорентийские, но и их войска. Ведь они, так же как и Медичи, были не заинтересованы в появлении независимого производителя квасцов, который мог бы нанести им ущерб.

Покоренная Вольтерра стала источником дохода, которым Флорентийская республика могла распоряжаться чисто теоретически,

поскольку на практике государство и наследственное достояние семьи Медичи различались все меньше. Государственные прерогативы, внешняя политика и общественные финансы находились в руках Лоренцо и его партии.

Визит миланского герцога Галеаццо Марии Сфорцы

С самых юных лет молодой Медичи принимал участие в гонких играх флорентийской дипломатии. Ему это очень нравилось. Сношения с разными государями позволяли ему соперничать с ними в великолепии. Честолюбие Лоренцо торжествовало, когда он появлялся перед толпой флорентийцев во время дипломатических визитов. С этой точки зрения очень показателен приезд герцога Миланского, одного из главных должников Медичи.

Пьеро дель Поллайоло "Портрет Галеаццо Марии Сфорца"

В марте 1471 года Галеаццо Мария прибыл во Флоренцию с женой, Бонной Савойской, и своими братьями, герцогом Бари и графом Мортара, позднее прозванным Лодовико Моро. Герцога сопровождала огромная свита: две тысячи роскошно одетых дворян на конях, обоз из двух тысяч мулов и десяти повозок с пожитками герцогини, одетой в золото, серебро и шелка. Шествие открывал оркестр флейтистов и трубачей. Синьоров и дам окружали шуты и карлики, своры охотничьих собак, лакеи в дорогих ливреях. Торжества в честь высокого гостя длились несколько дней. Лоренцо с братом, не желая отставать, встретили миланскую роскошь еще более кричащей роскошью. Герцог Миланский, по его словам, потратил на

визит 2 тысячи флоринов — в основном, конечно, одолженных у тех самых банкиров, что его принимали. Это был не напрасный расход. Благодаря ему укрепился союз Милана с Флоренцией, в котором Галеаццо Мария крайне нуждался. Герцог, жестокий тиран, начинал двойную игру между Людовиком XI и его врагом, герцогом Бургундским. Но у Лоренцо были превосходные отношения с королем, который 13 августа 1470 года пожаловал ему чин советника и канцлера. В ноябре 1470 года Людовик даже стал крестным отцом новорожденной дочери Лоренцо Лукреции.

Льстя Медичи, герцог Миланский хотел понравиться Франции. Но в то же самое время он оказывал покровительство герцогине Иоланде Савойской, которая в политике следовала за герцогом Бургундским. Лоренцо знал о двуличии Сфорцы, но нуждался в его поддержке не меньше, чем в поддержке Франции. Сразу же после визита Галеаццо Марии он отправил своего брата Джулиано в Ломбардию и стал, как обещал еще при жизни отца, крестным, когда в семействе герцога появился второй сын, а потом дочь. По любому поводу Лоренцо дарил ему роскошные подарки.

Флоренция между Неаполем и Венецией

Союз с Миланом был небескорыстным. В 1471 году Лоренцо попытался, было использовать его, чтобы получить для себя Пьомбино. Однако это вызвало возмущение короля Неаполя. В 1470 году король Фердинанд перешел от тайной враждебности к Медичи к явному противостоянию, и такой замысел конкурента вызывал у него неприятие. Поэтому Лоренцо, не отказываясь от дружбы со Сфорцей, был вынужден поддерживать отношения и с новой союзницей Неаполя — Венецией. В 1472 году он отправил туда с визитом своего брата Джулиано. Эта миссия была не просто дипломатической: ее целью являлось решение экономических вопросов, а возможно, и переговоры о женитьбе на какой-либо знатной венецианке.

В разгар торговой войны за монополию на квасцы Медичи всячески старались укрепить свое положение на мировом рынке. Напомним: в тот год именно благодаря соглашению Лоренцо с папой и неаполитанским королем решилась судьба Вольтерры.

Поиски прибыли были путеводной нитью политики в Италии. С изменением интересов менялись и политические союзы: в конце 1473 года Неаполь порвал с Венецией, в ноябре 1474 года возникла лига Милана,

Флоренции и Неаполя, в начале 1475 года Неаполь заключил союз с папой. В это бурное время Святой престол вовсе не был посредником и миротворцем. В итальянских делах его обладатели вели себя не как главы Вселенской церкви, а как мирские государи.

Лоренцо и папа Сикст IV: угроза папского nepотизма

25 августа 1471 года папу Павла II сменил священнослужитель из Савоны Франческо делла Ровере, взявший имя Сикста IV. От нового папы Лоренцо ожидал многого: подтверждения монополии на квасцы и привилегий папского банкира, а также кардинальской шапки для своего «дражайшего и любезнейшего» брата Джулиано. Лоренцо видел в этом двойную выгоду: возвышение своего дома и устранение возможного соперника. Поэтому он решил отправиться 23 сентября вместе с пятью именитыми флорентийцами на поклон к святейшему. Сикст принял его ласково и подарил античные мраморные бюсты Августа и Агриппы. Кроме того, Лоренцо приобрел еще много произведений искусства, драгоценный кубок резного камня, камеи и медали из сокровищницы Павла II, которую его преемник решил распродать. Именно тогда Медичи осмотрел римские руины под руководством прославленного Альберти. Но если для его личного образования и его коллекции этот визит прошел плодотворно, то никаких гарантий на будущее он не дал.

Сикст IV сразу же после избрания решил окружить себя близкими родственниками, а курию составить из соотечественников — генуэзцев. 16

декабря 1471 года при первом производстве в кардиналы сан получили два папских племянника: Пьетро Риарио и Джулиано делла Ровере (будущий Юлий II). Ходатайства за Джулиано Медичи, с которыми еще прежде обращались Джованни Торнабуони и Джентиле Бекки, не принесли результата, хотя при Сиксте IV состоялось восемь кардинальских производств и появились тридцать четыре новых кардинала. Папа, несомненно, не доверял Медичи, хотя и не враждовал с ними: как известно, в 1472 году он помог Лоренцо подавить восстание в Вольтерре. Правда, он сделал это ради сохранения монополии на квасцы.

В отношениях с Неаполитанским королевством Святой престол руководствовался теми же соображениями. Племянника папы по имени Леонардо, мирянина, получившего пост префекта города Рима, женили на незаконной дочери короля, в приданое за которой дали город Сора. Взамен святейший освободил Фердинанда от дани, которую тот должен был выплачивать Риму за свое королевство.

С этого времени союз папы с Неаполем стал известен всей Италии. Когда другая незаконная дочь Фердинанда, Леонора, направляясь в Феррару на свою свадьбу с герцогом Эрколе д'Эсте, проезжала через Рим, праздники в ее честь длились несколько дней. Кардинал Риарио закатил у себя во дворце близ церкви Санти-Апостоли такой щедрый пир, что гости, насытившись изысканными яствами, стали кидать их из окна толпе, собравшейся на площади. После этого Риарио, которого дядя поставил патриархом Константинопольским, архиепископом Флорентийским и папским легатом всей Италии, отправился в путешествие. Он посетил Флоренцию, Болонью, Феррару, Милан и Венецию. Повсюду его встречали государи, придворные и поэты. Повсюду он желал вкусить наслаждений. Это его сгубило. Он умер 5 января 1474 года, двадцати восьми лет от роду, как говорили, от венерической болезни, которой заразился в Венеции.

К счастью для его родственников, благоденствие рода Риарио зависело не только от него. Одним из любимых племянников папы был Джироламо Риарио. Понтифик купил для него графство Имола у Таддео Манфреды, женил на Катарине Сфорца, побочной дочери Галеаццо Марии. Так семейство Риарио породнилось с государями Италии: миланскими Сфорца и арагонскими королями Неаполя. Для Флоренции эти браки представляли угрозу. Они создавали систему мелких княжеств, над которыми она не имела никакой власти, и это ущемляло ее интересы. Особенно задела Лоренцо Медичи покупка папой Имолы, отнимавшая у него всякую надежду завладеть территорией, которая и ему самому приглянулась. Имола стоила 40 тысяч дукатов. Папа искал кредиторов и нашел —

флорентийских банкиров Пацци, конкурентов Медичи. Лоренцо тайком просил соотечественников не давать деньги. Они не послушались и тем явно обнаружили свою неугасающую зависть к Медичи.

А Сикст IV по-прежнему был озабочен расширением семейных владений. В 1474 году он дал титул герцога Урбинского кондотьеру Федерико да Монтефельтро. Тот в благодарность выдал дочь замуж за другого папского племянника, Джованни делла Ровере, получившего во владение Сенигалию и Мондовию. Тем самым клан Риарио делла Ровере получил сильные позиции в центре Италии. Их поддерживал король Неаполитанский, которому, как говорили, папа обещал титул короля Италии.

Начало вражды с Римом. Папские привилегии дому Пацци

Весной 1474 года напряженная ситуация в Центральной Италии взорвалась: кардинал Джулиано делла Ровере начал военный поход в Умбрию — область, всегда бывшую сферой влияния Флоренции. Подавив восстания в Тоди, Форли и Сполето и разграбив их, кардинал осадил Читта ди Кастелло, где ему оказывал сопротивление местный деспот Никколо Вителли. Рядом с этим городком находился Борго Сан-Сеполькро, подаренный Евгением IV флорентийцам. Тогда осторожный Лоренцо решил сбросить маску. Для устрашения папы он отправил к Борго Сан-Сеполькро шеститысячную армию. Кроме того, он надавил на Святой престол при помощи дипломатического маневра через Галеаццо Марию Сфорцу. Наконец Рим, пославший войска против мятежного Федерико да Монтефельтро, согласился дать Вителли почетный мир. Все спасли свою честь, но отношения Лоренцо с папой испортились навсегда. 2 ноября 1474 года Флоренция заключила оборонительный союз с Миланом и Венецией. В январе Сикст IV сделал ответный ход, заключив официальный союз с Фердинандом Неаполитанским. Враждебные коалиции стояли лицом к лицу. Папа не замедлил наказать Лоренцо, которого считал главным виновником создавшегося положения. Во-первых, вместо Медичи он сделал депозитариями Апостолической палаты Пацци. Это привело к краху самого надежного римского филиала фирмы. Под угрозой оказалась и монополия на квасцы. 27 декабря 1474 года в связи с ней была проведена ревизия. Сиксту IV пришлось уменьшить пошлину с сырья, продававшегося Медичи, с двух до одного дуката с кантара, поскольку действительно продажи стали падать из-за перепроизводства товара и из-за

смут в крупнейших государствах Европы. Раздраженный папа в июне 1476 года разорвал соглашения с Медичи. Добычу и сбыт квасцов он на шесть лет передал компании Пацци.

Разумеется, Святой престол не упускал случая напомнить Медичи, что он оставался хозяином церковных должностей и доходов. В конце февраля 1474 года папа согласился сделать флорентийским архиепископом вместо Пьетро Риарио Ринальдо Орсини. Тем самым он хотел угодить древнему римскому роду, а не Лоренцо Медичи — союзнику Орсини. Вскоре он дал понять, что время уступок кончилось: 14 октября 1474 года, вопреки воле Лоренцо поставил архиепископом Пизы Франческо Сальвиати, протеже Пацци, а в январе 1476 года открыто объявил, что ни одного флорентийца не сделает кардиналом.

Этим недружественным жестом закончился долгий период плодотворных дружественных отношений между Медичи и Римом. За экономическими неприятностями последовала политическая катастрофа. Хотя Медичи были связаны с французским королем, они в том же самом году сильно пострадали от поражения Карла Смелого. Потрясло их и еще одно событие, поставившее под угрозу прочность союза с Миланом. 26 декабря 1476 года Галеаццо Мария Сфорца был убит тремя молодыми заговорщиками-тираноборцами. Наследником герцога был восьмилетний Джангалеаццо. Вдове Бонне Савойской пришлось передать управление государством герцогскому канцлеру Чикко Симонетте. Это регентство, вскоре превратившееся в диктатуру, не признали братья покойного герцога. Они подняли бунт, который очень скоро был подавлен. В результате их, как некогда флорентийских изгнанников, разослали по разным городам Италии. Тем самым государства-конкуренты получили предлог вмешаться во внутренние дела герцогства. Венеция и Неаполь не упустили случая.

Итак, в начале 1477 года Миланскому государству и Медичи, пользовавшимся его поддержкой, грозила большая опасность.

<p><i>Расстройство государственных финансов. Экономический упадок во Флоренции. Финансовые меры Лоренцо Медичи</i></p>

Между тем события последних лет сильно подорвали финансовое положение Флоренции. Сигналом тревоги послужили события в Вольтерре. Поход 1472 года обошелся республике дорого, в 200 тысяч флоринов. Ради этого ей пришлось влезть в долги, на погашение которых требовалось много лет. К тому же у Флоренции было немало других расходов: на

государственное управление, на посольства, военные нужды и различные миссии. В общем, дефицит бюджета стал на долгие годы привычной проблемой.

В 1409 году флорентийцы потратили на войну 400 тысяч флоринов и на 200 тысяч потеряли товаров в море. Но тогда государственная казна насчитывала 4—5 миллионов флоринов, государи не были должниками банкиров, а покупали государственные облигации. Например, король Жуан Португальский приобрел их на 20 тысяч флоринов. В 1422 году недвижимое имущество частных лиц во Флоренции оценивалось в 20 миллионов флоринов, а движимое — в 2 миллиона. Сухопутные и морские торговые пути постоянно умножали это богатство. Во всех городах христианского мира были флорентийские конторы. Заработанное за рубежом золото потоком текло во Флоренцию.

С тех пор положение радикально изменилось. Правда, крупные негоцианты по-прежнему держались на плаву. Но если в 1422 году таковых насчитывалось 72, то в 1472-м — только 33, притом что общий объем коммерческих операций не сократился. Просто осуществлять их могло весьма небольшое число предпринимателей, между тем как ремесленники нищали. В 1460 году в городе было 273 мастерских, производивших предметы роскоши: тонкие сукна, золотую и серебряную парчу, шелка, бархат и ювелирные изделия. Только экспорт в Венецию ежегодно приносил 392 тысячи дукатов. Но в 1474 году во Флоренции осталось всего 84 таких мастерских. Регламенты, сдерживавшие конкуренцию, становились все жестче. Ремесленник, которому удавалось стать мастером, попадал в капкан. Ему нельзя было открывать мастерскую ни рядом с мастерской своего прежнего хозяина, ни за городскими стенами. Он не имел права экспортировать сырье, нужное ему для работы, использовать для производства сукна чесаную и крашеную овечью шерсть, красить сукна, кроме английских и французских, индиго и пурпуром. В лавке разрешалось продавать только один сорт товаров. Те, кто производил разные товары, должны были открывать несколько лавок, то есть быть очень богатыми. В 1477 году суконщикам запретили продавать, отдавать в окраску и даже аппретировать сукно, не ими самими произведенное. Те же запреты распространялись и на шелковые мануфактуры.

Все эти ограничения, имевшие целью обеспечить единообразное качество товаров, все больше тормозили развитие торговли, а в конечном счете падала конкурентоспособность на внешнем рынке.

Внутри города это привело к снижению заработной платы рабочих. Во внешней торговле продукция, производство которой уже и без того

ограничивалось регламентами, облагалась множеством пошлин. Существовали пошлины на импорт некоторых видов сырья, например, иностранных сукон: с конца XIV века с каждой штуки сукна длиной 34 метра брался налог в 5 золотых флоринов.

В 1426 году к импортной пошлине прибавилась протекционистская пошлина на местные товары, в среднем 15 золотых флоринов с каждой партии стоимостью в 100 ливров. За некоторые виды товаров иностранного происхождения, провозившиеся через флорентийскую территорию, приходилось сверх этих пошлин платить налог от 3,5 до 11,5 процента от их стоимости. Так с флорентийского рынка пропали ломбардские ситцы и бумазея, перпиньянские сукна. Понятно, что пострадали и конторы флорентийцев, в том числе конторы Медичи, находившиеся в Милане, Лангедоке и Руссильоне. Это не осталось незамеченным. Государственный акт 1466 года признал, что горожанам для пошива одежды не хватает дешевых тканей иностранного производства. Импорт был временно восстановлен, с тем чтобы впоследствии, когда Флоренция займет свое место на рынке с конкурентоспособными товарами, его вновь закрыть. Увы, все было напрасно! В 1478 году флорентийские мастерские поразил глубокий кризис. Синьория констатировала, что высокие экспортные пошлины на флорентийские сукна и шелка привели к краху внешнего рынка, на котором место флорентийцев заняли генуэзцы. Ремесленники-простолюдины пошли с сумой. Вследствие этого было решено, что в течение пяти лет не будут взиматься пошлины у ворот Флоренции, Пизы и всех прочих укрепленных городов флорентийской округи. Вынужденно провозглашенная свобода торговли окончилась очень скоро — в 1480 году, ведь пошлины были необходимы для пополнения государственной казны, без них невозможны огромные государственные расходы.

Очень велики были акцизы на продукты питания — другой необходимый источник финансирования. Соляной сбор приносил государству до 20 процентов доходов. Каждый дом был обязан приобретать установленное количество соли. Однако земледельческая продукция также облагалась налогом. Большинство богатых флорентийцев, в том числе и Медичи, значительную часть своих капиталов вкладывали в земельные угодья. Обработка земли производилась по арендным договорам. Арендаторы получали часть урожая, но находились в большой зависимости от хозяина, на земле которого работали. Землевладельцам запрещалось принимать издольщика, ушедшего от прежнего хозяина, без его согласия. Но и сам землевладелец нес тяжелый груз повинностей: налоги на недвижимость, содержание дорог и мостов, садов, огородов и тутовых

плантаций. Эти меры всем казались необходимыми: гористая, во многих местах бесплодная тосканская земля обеспечивала столицу продовольствием только на пять месяцев. Между тем импортное продовольствие облагалось огромными пошлинами. Например, пошлина на вино достигала 50 процентов от стоимости товара, и в 1477 году народ чуть не взбунтовался против нее.

От пошлин и сборов страдали все жители Флоренции, но до крайней нищеты доходили только простолюдины. Зато с них нечего было взять в виде прямых налогов, которые также стали очень обременительными. Вновь была введена система *catasto*, кадастра, впервые примененная в 1427 году. С тех пор, при всех модификациях, ее сутью был расчет вмененного капитала на основании действительно получаемых каждым фискальным хозяйством доходов. Считалось, что каждые 100 флоринов движимого и недвижимого имущества приносят 7 флоринов дохода. Из этого капитала вычиталась стоимость жилища, расходы на прислугу и орудия труда, а также долги. Базовый налог по кадастру доходил до 0,5 процента вмененного капитала. По мере необходимости государство повышало эту базовую ставку столько раз, сколько требовалось, иногда до пятнадцати раз в год.

Когда Лоренцо взял власть в свои руки, кадастровая служба чрезвычайно усложнилась. Комитет государственных финансов закрепил за собой право оценивать состояния граждан. Налоговая ставка в зависимости от дохода варьировалась от 8 процентов для лиц с доходом ниже 50 флоринов до 50 процентов для тех, чьи доходы превышали 1500 флоринов. В 1471 году прерогатива оценки вмененного капитала перешла к политическим ведомствам. Желая поощрить или наказать гражданина, комитет записывал его в число богатых или нуждающихся. Более высокими налогами облагались банкиры, не принадлежавшие к клиентеле Медичи.

При всем том государство продолжало страдать от хронического дефицита. Выручали займы, добровольные или принудительные; подписавшимся богачам они приносили проценты, которые выплачивало казначейство. Рынок долговых обязательств процветал. Но с течением времени обслуживание долга стало затруднительным: доходы значительно отставали от расходов, которые возрастали из-за амбициозной политики Лоренцо. В 1477 году государственное казначейство задолжало держателям долговых обязательств 60 тысяч флоринов — проценты за два года.

Тогда Лоренцо и его друзья, чтобы избежать банкротства, конфисковали часть капитала *Monte delle doti*. Это была общественная касса, состоявшая из вкладов родителей, копивших на приданое дочерям

или капитал сыновьям. Вклад замораживался на пятнадцать лет, а по истечении этого срока выплачивался в пятикратном размере. Если ребенок умирал раньше, отец получал половину своего вклада. Поскольку детская смертность была очень велика, такая касса была очень выгодна для государства. Но теперь было решено, что она дает слишком мало. Уже в 1475 году власть стала подумывать, как бы урезать капитал, предназначенный для приданого. В 1478 году вышло официальное постановление о том, что касса будет выплачивать лишь его пятую часть; все остальное замораживалось, и получить можно было лишь 7 процентов годовых.

Почтенное учреждение, обеспечивавшее будущее флорентийских девушек, оказалось под угрозой в тот самый момент, когда исчезли остатки древних республиканских вольностей. Функции старых советов свелись к чистому представительству. В 1471 году имущество партии гвельфов и купеческого трибунала было конфисковано, чтобы платить губернаторам и гарнизону. Число младших цехов уменьшили с четырнадцати до пяти, что облегчило надзор за соблюдением регламентов. Подеста теперь лишь утверждал решения Восьми стражей — всемогущего полицейского комитета, находившегося в руках партии Медичи. Должность капитана народа, который в течение многих поколений защищал интересы низших слоев, в 1477 году вообще была заменена должностью судьи.

Но даже столь заметная деградация древнего государственного строя не вызвала никакого протеста. Заботясь в первую очередь о физическом выживании, флорентийцы искали спасения в корпорациях и покровительстве грандов. Они старались забыть о тяготах жизни, участвуя в официальных торжествах и праздниках. Они подражали самому Лоренцо Медичи, который скрывал озабоченность государственными и финансовыми проблемами под маской благодушного юмора.

Глава 4. ТОСКАНСКИЕ ЛАВРЫ И ВИНОГРАДНАЯ ЛОЗА

Лоренцо в кругу семьи. Полициано и другие близкие друзья

Двадцать лет Лоренцо вел кочевую жизнь, переезжая из Пизы в монастырь Валломброза, с виллы Кареджи в поместья Муджелло. Нигде он надолго не задерживался. Ему надоедала даже Флоренция. Между тем она была не только экономическим и политическим центром, но и уникальной театральной площадкой, в чем, в частности, мог убедиться Галеаццо Мария Сфорца во время своего визита в марте 1471 года. За торжественным приемом, данным в его честь синьорией и Лоренцо, последовали зрелища, затмившие сам прием. В церквях устраивались священные действа (своего рода мистерии). В Сан-Феличе показывали Деву Марию и архангела Гавриила. В Кармине хитроумные машины представляли Вознесение Христово. В Санто-Спирито из-под сводов вырывались огненные языки, изображая сошествие Святого Духа на апостолов. Но несмотря на все предосторожности, церковь загорелась и случился сильный пожар.

Флорентийские анналы хранят свидетельства о грандиозных церемониях. Наиболее торжественные дипломатические приемы происходили главным образом летом. В 1471 году принимали кардинала Франческо Гонзага, в 1473-м — Элеонору Арагонскую, невесту Эрколе д'Эсте, и кардинала Пьетро Риарио. Турниры устраивались зимой, в январе и феврале, после карнавала. Члены семьи Медичи, окруженные родичами и самыми именитыми людьми города, появлялись там под восторженные крики толпы.

Жена Лоренцо Клариче Орсини посещала турниры с большой неохотой. У нее был угрюмый нрав. Частые роды подорвали ее хрупкое здоровье. За 1470—1479 годы донна Клариче родила семерых детей: четырех дочерей (Лукрецию, Маддалену, Луизу и Контессину) и трех сыновей. Пьеро родился в 1472 году, Джованни в 1475-м, Джулиано в 1479-м. Все свое время Клариче посвящала домашним заботам и церкви. Она была по-прежнему очень привязана к своим родителям, могущественным Орсини. В мае — июне 1472 года Клариче гостила у них в Риме и оказалась свидетельницей необычайного события: совершившегося в Ватикане

заочного бракосочетания русского царя Ивана III (строителя Кремля) с византийской принцессой Зоей^[4] Палеолог. Клариче сопровождал Луиджи Пульчи. Чтобы позабавить Лоренцо, остававшегося во Флоренции, он сочинил шутовской отчет о визите к будущей царице:

«Мы вошли в комнату, где на высоком помосте сидела в кресле раскрашенная кукла. На груди у нее были две огромные турецкие жемчужины, подбородок двойной, щеки толстые, все лицо блестело от жира, глаза распахнуты, как плошки, а вокруг глаз такие гряды жира и мяса, словно высокие дамбы на По. Ноги тоже далеко не худенькие, таковы же и все прочие части тела — я никогда не видел такой смешной и отвратительной особы, как эта ярмарочная шутиха. Целый день она беспрерывно болтала через переводчика—на сей раз им был ее братец, такая же толстоногая дубина. Твоя жена, будто заколдованная, увидела в этом чудище в женском обличье красавицу, а речи переводчика явно доставляли ей удовольствие. Один из наших спутников даже залюбовался накрашенными губами этой куклы и счел, что она изумительно изящно плюется. Целый день, до самого вечера, она болтала по-гречески, но есть и пить нам не давали ни по-гречески, ни по-латыни, ни по-итальянски. Впрочем, ей как-то удалось объяснить донне Клариче, что на ней узкое и дурное платье, хотя платье это было из богатого шелка и сковано по меньшей мере из шести кусков материи, так что ими можно было накрыть купол Санта-Мария Ротонда. С тех пор мне каждую ночь снятся горы масла, жира, сала, тряпок и прочая подобная гадость».

Клариче, надо сказать, нравился стиль Пульчи и его шутовские рассказы, позволявшие ей отдохнуть от плоских комплиментов придворных и просителей, которых она ежедневно принимала. Отказывать докучливым посетителям она так и не научилась и что ни день за кого-то просила у мужа. Благодаря Клариче ее наглый и бездарный брат Ринальдо в 1474 году стал архиепископом Флоренции. Лоренцо раздражали и ее неуклюжие просьбы, и ее угрюмо-высокомерный нрав.

Несомненно, характер Клариче объяснялся ее плохим здоровьем. Она болела чахоткой, от которой и умерла тридцати семи лет от роду в июле 1488 года. От мужа ее отдаляли не только болезнь и вздорный характер, но и умственная лень, равнодушие к искусству и культуре. Он любил

развлечения на свежем воздухе, праздники и пиры. Она всего этого избегала. Ее краткие скучные письма, столь непохожие на веселые, живые послания, которые Лоренцо получал от своей матери Лукреции, показывают, что она была привязана к супругу, несмотря на то что он часто ей изменял. Оба супруга нежно любили своих детей, тревожились за их здоровье, отмечали их первые шаги и первые слова. Лоренцо играл с детьми «как мещанин», отмечает Макиавелли, которому в хозяйне Флоренции не нравилась такая фамильярность. Воспитание детей было одной из главных забот родителей.

В 1475 году для старшего сына Пьеро, которому было всего три года, был приглашен наставник — молодой гуманист Анджело Полициано. Его легкомыслие и вольные манеры так не понравились донне Клариче, что она вскоре прогнала его. Но Полициано был близким другом Лоренцо: в 1480 году его вернули, и он стал единственным учителем Пьеро. Он же учил читать маленького Джованни, будущего папу Льва X. Младшего, Джулиано, не так пичкали наукой, зато он был самый балованный из мальчиков, а из девочек самой балованной была вторая дочь, красавица и умница Маддалена. Когда ей исполнилось пятнадцать лет, отец нашел ей выгодную партию — племянника папы Иннокентия VIII Франческетто Чибо. В обмен на этот брак Джованни должен был стать кардиналом. Маддалена дорого заплатила за эту сделку: муж, бывший на двадцать пять лет старше ее, оказался развратником и принес ей много горя. Третья дочь, Луиза, умерла одиннадцати лет от роду. Другие две, старшая Лукреция и младшая Контессина, вышли замуж за богатых купцов: Якопо Сальвиати и Пьетро Ридольфи.

Уезжая куда-нибудь, Лоренцо поручал друзьям писать ему о детях. К старым членам бригады прибавились новые. Среди них был Анджело Амброджини, прозванный Полициано от названия города Монтепульчано, где он родился в 1454 году. Анджело остался сиротой и воспитывался на деньги Медичи. Очень одаренный юноша превзошел своих учителей в знании античной литературы и поэтическими талантами, его сравнивали с величайшими гуманистами. В 1473 году Полициано стал личным секретарем Лоренцо, затем, невзирая на сопротивление донны Клариче, воспитателем его детей: он был очень предан покровителю. А о его заботе о детях свидетельствует письмо от 3 сентября 1477 года, в котором он утешает Лоренцо, обеспокоенного болезнью Джованни, будущего папы Льва X, которому было тогда год и восемь месяцев:

«Он не может сосать грудь, но прекрасно кушает супчик.

Мне кажется, у него немножко болит язык, а не горло, потому-то он и не сосет. Наверное, побаливает у него и шейка — вот отчего ему трудно поворачивать головку. Но в нем нисколько не заметно слабости, и почти никогда не заметно, что ему больно — только когда он сосет, как я уже писал Вам».

Доменико Гирландайо "Анджело Полициано с сыном Лоренцо Медичи Пьеро"

Другим близким другом Лоренцо был Никколо Микелоцци, сын архитектора. Лоренцо не имел от него секретов. Никколо был всего на два года старше хозяина Флоренции. Он и его брат Бернардо (гувернер маленького Джованни) росли в доме Медичи. Никколо стал начальником секретариата Лоренцо, потом его личным канцлером. Он читал курьерскую почту и отвечал на нее, если хозяин не желал делать это сам. Он же принимал важных гостей, исполнял деликатные дипломатические поручения. Никколо был тонким знатоком словесности, общался с философами и поэтами. Но несмотря на многочисленные обязанности, он тоже следил за здоровьем детей. 19 апреля 1476 года он писал Лоренцо:

«Дети в добром здравии и веселы, как никогда. Они играют без усталости. Малышка Маддалена все время хочет танцевать. Маленький Джованни тоже совершенно здоров».

А вот послание еще одного друга семьи, Кристофоро Беннини. 25 сентября 1473 года он писал Медичи:

«Маленькая Лукреция очень послушная — такая умница!

Пьеро выглядит хорошо, слава Богу, очень веселый и довольный. Часто подходит к двери, выходящей в Тердзоллу, и всех зовет: "Няня, тятя, мама!" — так мило, что Вы бы очень посмеялись. Маддалена тоже хорошо себя чувствует. Я каждый день вижу ее, возвращаясь от Торнабуони, а ее кормилицу посылаю каждый день совершить моцион, чтобы всегда была здорова и молоко было еще лучше».

Но, пожалуй, самой колоритной фигурой был бедный священник Маттео Франко, нашедший приют в доме Лоренцо в 1474 году. Его талант остряка покорила даже угрюмую Клариче. Маттео бесстрашно нападал на Луиджи Пульчи, высмеивал его в эпиграммах, и вскоре заставил соперника бежать. Он писал бурлески, воспевая тощую клячу, разрушенный дом, дурной ужин и прочее. Франко умел рассмешить любого. Он был абсолютно предан интересам своих благодетелей. Некоторое время Франко управлял делами Клариче. Потом он поехал с Маддаленой в Рим к ее мужу, а став ее духовником, к великому удовольствию Лоренцо утешал ее в супружеских несчастьях и заботился о ней.

Баччо Уголини, которому Лоренцо также полностью доверял, был, как и Франко, духовным лицом и, как и Франко, любил высмеивать в стихах ближних. Но кроме того, он сочинял музыку и играл на лире. Своими талантами он заслужил милость Лоренцо и всех дворов, к которым его посылали: благодаря своему обаянию Уголини успешно отстаивал интересы хозяина в Риме, во Франции, в Германии, и Неаполитанском королевстве.

Рядом с такими личностями в окружении Лоренцо Бартоломмео Скала — с 1464 года канцлер республики, то есть секретарь правительства — казался почтенным ментором. Возраст (он был на двадцать один год старше Лоренцо) и манера поведения отдаляли его от веселой компании, не упускавшей случая посмеяться над ним. При всем том он был советником, к которому Лоренцо всегда прислушивался: Скала информировал его о дебатах в синьории и прочих собраниях. Благодаря ему партия Медичи всегда была представлена в высших государственных инстанциях.

Преданность Скалы и немногих близких людей позволяла Лоренцо не очень обременять себя семейными и государственными обязанностями. Он мог не в ущерб своей власти предаваться удовольствиям, используя официальные поводы.

Турнир Джулиано Медичи и прекрасная Симонетта Веспуччи

Воспоминания о великолепном турнире 1469 года как о своем личном триумфе побудили Лоренцо устроить зрелище в том же духе, но еще более торжественное. Официальным поводом для этого турнира, как и прежде, послужил дипломатический успех: на сей раз заключение союза между Миланом, Венецией и Флоренцией 2 ноября 1474 года.

В связи с этими событиями традиционные зимние игры проходили с особым размахом. Лоренцо надеялся, что и ему достанутся почести и самолюбие его младшего брата будет польщено. Джулиано только что исполнилось двадцать лет. Он был умен, любезен, красив, высокого роста, с иссиня-черными волосами. Он любил танцы, охоту и состязания. В общем, был одним из самых обворожительных молодых людей высшего флорентийского общества. Ему никак не удавалось стать кардиналом, что, впрочем, очень устраивало молодых дам. Джулиано имел множество любовниц. От одной из них у него позже родился незаконный сын, будущий папа Климент VII.

Итак, для молодого человека ничего не могло быть приятнее турнира, на котором он мог блистать на глазах первых красавиц Флоренции. Одна из них, согласно обычаю, должна была стать королевой турнира. Выбор пал на прелестную Симонетту, урожденную Каттанео, жену Марко Веспуччи.

Этого было достаточно для слухов, будто она любовница младшего Медичи. Симонетта и Джулиано были ровесниками. Она родилась в Генуе в патрицианской семье, а в 1468 году замужество ввело ее в круг приближенных Медичи.

[Пьеро ди Козимо. «Портрет Симонетты Веспуччи» \(фрагмент\).](#)

Пьетро Веспуччи, отец Марко, был приором. Сам Марко, заурядный и тщеславный человек, занимал второстепенные должности, а известен был тем, что тратил свой капитал на общественные празднества. Один из его родственников, Америго, прославился, дав свое имя Новому Свету.

Красоту Симонетты воспевали все поэты того времени. Она воплощала женский идеал. Судя по описаниям, она была стройной высокой блондинкой с маленькой упругой грудью и округлым животом. Изящная, веселая, Симонетта стала очаровательной королевой Двора Любви, оттеснив всех прочих красавиц, включая Лукрецию Донати.

Судьба была к ней невероятно жестока: Симонетта, едва ей исполнилось двадцать три года, умерла от анемии или от туберкулеза в ночь с 26 на 27 апреля 1476 года. Она так недолго ходила по флорентийской земле, что художники толком не успели запечатлеть ее черты для потомства. До сих пор не утихают споры о том, она ли изображена на картине Пьеро ди Козимо, хранящейся в музее Конде в Шантийи, на фреске Гирландайо в капелле Веспуччи во флорентийской церкви Оньисанти, на портрете кисти Боттичелли в Берлинском музее. Но точно известно, что все поэты Флоренции были в глубочайшем трауре, и особенно — Лоренцо Медичи.

Из его «Комментариев», в которых автор объясняет предметы своих сонетов, мы узнаем, что четыре сонета посвящены смерти дамы,

«наделенной такой красотой и благородством, какими не обладала ни одна из живших прежде нее».

Для него эта дама была звездой, промелькнувшей на небосводе и на миг затмившей сияющее солнце, то есть Лукрецию Донати. Тайная память о ней навсегда сохранилась в сердце Лоренцо.

«Была ночь, и мы с моим дражайшим другом шли вдвоем, беседуя о поразившем нас несчастье. Погода была ясная, и мы, беседуя, увидели на западе сверкающую звезду, столь яркую, что она своим сиянием затмила не только другие звезды, но и прочие светила, померкшие в ее свете. Любуясь той звездой, я обернулся к другу своему и сказал: "Не удивимся мы, если душа этой дивной дамы превратилась в новую звезду или же, вознесясь, соединилась с ней"».

Трогателен рассказ о похоронах Симонетты:

«С непокрытым лицом несли ее из дома до склепа, и много слез она заставила пролить тех, кто видел ее... Она внушала сострадание, но также и восхищение, ибо в смерти превосходила ту красоту, которую при жизни ее считали непревзойденной. В ее облике явилась истина слов Петрарки: "Прекрасна смерть на лице сем прекрасном"».

Правда, Лоренцо постарался скрыть свое чувство:

«В своих стихах я писал многое, что, казалось бы, свидетельствует о сильном личном чувстве, но дело в том, что... я старался представить себе, будто сам потерял кого-то очень дорогого. Я наполнил воображение всеми чувствами, способными взволновать меня, чтобы вернее взволновать других».

Если поверить этим словам, можно прийти к выводу, что Лоренцо был мало знаком с Симонеттой. Но его частная переписка свидетельствует о его привязанности к этой даме. Он послал к умирающей Симонетте одного из лучших врачей того времени и велел держать себя в курсе протекания болезни. Скорбь его, что бы он ни говорил, тоже была глубокой и искренней.

По непонятным для нас причинам эта связь Лоренцо скрывалась, но в 1475 году при помощи тонкой уловки удалось устроить праздник в честь Симонетты. Перед всей Флоренцией она была объявлена дамой Джулиано Медичи и королевой турнира. Настало время общего ликования. Полициано описал красавицу, встречающую своего героя, в стихах, явно напоминающих просветленные аллегории Боттичелли, тогда еще не созданные:

Она чиста, одежды белоснежны,
Хоть розы и цветы на них пестреют.
Ее чело, смиренно-горделиво.
Окружено потоками златыми.
Кругом листва смеется прихотливо,
А очи светят безмятежным миром.
Но в них огонь, припрятанный Амуром.

Подготовка к турниру растянулась на много недель. Коней доставляли со всей Италии — из конюшен правителей Мантуи, Милана, Римини, Урбино и Неаполя отбирали лучших. В назначенный день 29 января участники состязания проследовали по улицам Флоренции, украшенным флагами и гобеленами. Все эти рыцари прославили свои имена. Среди них были Сан-Северино, Гонзага, Содерини, Питти, Альберти.

Перед Джулиано Медичи ехал оруженосец со штандартом, на котором Боттичелли изобразил Минерву и Амура. Стихи Полициано описывают эту картину и дают ключ к ней.

Дама Джулиано, прекрасная Симонетта, изображенная в виде Минервы, стоит на пылающих оливковых ветвях. В одной руке у нее щит с головой Медузы, в другой копье. Она смотрит на солнце. Амур, стоящий рядом с ней, привязан к стволу оливы, его лук и стрелы сломаны. Солнце олицетворяло славу, которой Джулиано покроеет себя на турнире и которая воспламенит сердце красавицы.

За штандартом следовали двенадцать молодых людей в роскошных одеждах. Они ехали на великолепных белых конях колонной по двое с копьями наперевес. Убор Джулиано из золота и серебра со множеством драгоценных камней стоил несколько тысяч дукатов. Вслед за братом ехал Лоренцо, окруженный главными лицами города.

Победителями турнира стали Джулиано и Якопо Питти. Каждый из них получал в награду шлем. Празднество завершилось балами и пирами,

роскошь которых еще долго славили поэты и хронисты. Всех превзошел Полициано: его «Стансы на турнир Джулиано Медичи» обессмертили этот праздник.

Прогулки верхом в сельской местности. Пастораль «Ненча да Барберино»

Едва окончились торжества по случаю турнира, Лоренцо вновь покинул столицу. Полициано рассказывает, как в апреле 1476 года отряд из двадцати шести всадников отправился в Сан-Миниато: «Вчера вечером мы выехали из Флоренции и всю дорогу пели песни, а иногда, чтобы не забывать о посте, разговаривали о каком-либо благочестивом предмете. В Ластре отведали цапполино — это вино гораздо лучше, чем считают у нас... К ночи мы доехали до Сан-Миниато и начали было читать творения святого Августина, но вскоре оставили это дело и занялись музыкой. Вечер кончился тем, что мы перенимали па у местного танцора. Утром Лоренцо был на мессе».

Иногда канцлерам и секретарям, супруге и близким не без труда удавалось разыскать хозяина Флоренции. Зимой он обычно жил в Пизе в своем дворце близ церкви Сан-Маттео, но иногда в своих поместьях близ моря или в окрестностях Пизы, где было особенно много дичи. Бывая во Флоренции, он частенько вырывался на виллу Кареджи — до нее было от силы час пути. С наступлением весны Лоренцо отправлялся в Кафаджоло или земли Муджелло. Когда его одолевала жара, он затворялся у бенедиктинских монахов из Валломбросы в монастыре Сан-Джованни Валь д'Арно. Иногда он ездил в гости в Поджо а Кайяно — эта вилла принадлежала Джованни Ручеллаи, тестю сестры Лоренцо Наннины. В 1479 году Медичи купил ее, и она стала его любимым ломом.

В деревенской глуши Лоренцо предавался любовным утехам. Его друзья: Луиджи Пульчи, Браччо Мартелли, Полициано, отмечали, что музы, встречаемые в тех местах, весьма любвеобильны. Пульчи упоминает некую Бенедетту, которую Лоренцо совратил с пути истинного. Она жила километрах в тридцати от Флоренции, в Барберино ди Муджелло, где, по словам Пульчи, много прелестных нимф. В 1473 году Лоренцо часто бывал в Валь ди Сьеве. Он искал там не только развлечений. Ему очень нравилась простота местных жителей, и он решил рассказать об их повседневной жизни. Вопреки установившейся сатирической традиции, для которой «деревенщина» был вонючей скотиной, жадным дураком и лицемером, он

вернулся к традиции «Буколик» Вергилия, проложив путь эклогам и пасторалям, которые вслед за ним стали писать Ландино, Полициано, Альберти и многие другие. Он сочинил историю о простодушной деревенской любви «Ненча ди Барберино».

Это сочинение дошло до нас в трех редакциях и стало предметом бесконечных ученых споров. Большинство исследователей полагают, что первоначальным вариантом, действительно принадлежащим Лоренцо Медичи, был самый краткий, из двадцати строф по восемь стихов.

Все стихотворение представляет собой объяснение в любви пастуха Валлера юной селянке, пастушке Ненче. Написано оно на местном диалекте. Пастух, охваченный любовью, ни словом не упоминает о повседневных тяготах деревенской жизни. Но это не пасторальный персонаж. Его страдание подлинно. С самого начала он жалуется на сердечные муки, а затем безыскусно описывает прелести возлюбленной.

Валлера бывал на всех ярмарках Тосканы, но нигде не встречал такой красавицы. Лицо у нее нежное и белое, как жирная телячья почка. Зубы у Ненчи белее лошадиных. Танцуя, она скачет, как козочка, и вертится, как мельничное колесо. В общем, в ней нет никаких пороков. Кожа ее белорозовая. Ростом она ни высока, ни мала, а на подбородке у нее ямочка. Только одного желает Валлера: стать ее мужем. Страсть не дает ему спать по ночам. Он прячется под навесом деревенской пекарни и смотрит, как Ненча выгоняет своих овец. Наконец, он решается на смелое предложение:

Уйдем в долину,
Пускай у нас смешаются стада,
И будем двое мы, да заедино.

Но Ненча — кокетка. Ей нужны подарки, и влюбленный обещает подарить коралловое ожерелье. Ради нее он готов на любые жертвы: хоть дать отрезать ногу, хоть продать рубашку. Вдруг объяснение обрывается, а вместе с ним и стихотворение: стадо вернулось с лугов, Валлере надо посмотреть, не заблудилась ли какая корова в кустах. Да и хозяйка, Мона Маса, зовет домой. Он уходит с именем Ненчи на устах.

Эта пародийная, местами бурлескная, но добрая картинка, написанная весьма умелыми одиннадцатисложными октавами, положила начало новой манере письма в литературе. В ней соединились свежесть восприятия сельской жизни и симпатия автора к своему грубоватому герою. Лоренцо проявил здесь не только поэтический дар, но и способность понимать

людей, стоящих гораздо ниже его на социальной лестнице, и любить их.

«Ненча» имела такой успех, что породила в поэзии моду, просуществовавшую несколько столетий. Другие авторы добавляли к этому сочинению новые эпизоды. Рассказывали и о свадьбе, и о родах Ненчи, и даже о ее смерти. Имена влюбленных вошли в пословицу. Наконец, наряду с этим, такие знаменитые сочинители, как Луиджи Пульчи, Джамбуллари и Бальдовини поведали о других влюбленных парах, но у них добродушная ирония Лоренцо Медичи сменилась грубыми шутками с непристойным подтекстом.

Охотничьи потехи. Поэма «Охота на перепелок»

Природа питала поэтическое воображение Лоренцо, проводившего много времени под открытым небом. Борясь с угрозой наследственной подагры, Лоренцо стал страстным наездником. Он держал одну из лучших конюшен во всей Италии. Нам известны клички восемнадцати его лошадей: Ложный Друг, Милый Друг, Любезный, Сердечный, Молния и другие. В переписке его упоминаются также имена его конских маклеров, конюхов, кузнеца и слуг при конюшне. Все эти люди были всегда наготове, ведь хозяин мог в любой момент решить отправиться на рыбалку к устью Арно или на охоту. Свора охотничьих собак Медичи славилась повсюду. Лоренцо упомянул клички двадцати пяти любимых собак, из которых больше всего любил старого кобеля Ведро. У него были и гончие и легавые. Вместе с целым корпусом егерей и доезжачих он охотился в Муджелло и в окрестностях Пизы. Зверья там было множество: олени, кабаны, даже медведи. Иногда их ловили сетями. Но больше всего Лоренцо любил охоту с хищной птицей на цапель, журавлей, перепелок и зайцев. В его вольерах содержались ястребы, соколы и кречеты. Он сам занимался их дрессировкой. Его сокольничие, имена которых известны (самого лучшего звали Пилато), были важными персонами.

Одна чудесная поэма сохранила для потомков описание соколиной охоты. Она называется: «Охота на перепелок». Правда, поэма эта не была предназначена для широкой публики и оставалась неизвестной до 1795 года, когда ее впервые издал Роско. Эти сорок пять октав, напичканные бурлескными образами, не что иное, как воспоминание друзей из бригады Лоренцо о любимом развлечении. Вероятно, каждый из них привез с той охоты свой собственный анекдот. Лоренцо соединил и оформил их, опираясь, возможно, на традицию «охот» — стихотворений на случай,

которые пели, а иногда разыгрывали в лицах при средневековых дворах.

Рассказчик обращается к новому приятелю, вошедшему в бригаду; недавно его отождествили с Полициано. Как и в «Ненче», цель автора — просто потешить, насмешить. Описание рассвета, возможно, имеет отношение к окрестностям Пизы. Звуки рогов скликают собак, вся свора проходит перед читателем — так описывается отъезд. Потом появляются четыре всадника с ястребами на руке. Себя Лоренцо не упоминает: он только наблюдает за своими спутниками. Чего с ними только не случается! Диониджи Пуччи неохота было вылезать из постели. Задремав, он свалился с лошади, скатился в канаву и чуть не задавил собственного ястреба. Вzbешенный хищник жестоко его поцарапал. Тогда он, разъярившись, сел на птицу и раздавил ее, как пирожное. Джованфранческо Вентура спустился в долину, где собаки подняли куропаток, но, увы! забыл снять с ястреба колпачок. Когда он это наконец заметил, ошеломленная птица улетела и напала на старую перепелку. Но та оказалась смелее ястреба и вырвала у него перья из крыльев. Не повезло и двум другим охотникам. Фолье Амьери и Гильельмо Пацци: их ястребы, забыв про перепелок, передрались между собой. В общем, наградой всей компании стала не добыча, а приятная прогулка: за двух добытых перепелок расплатились одним погибшим ястребом и тремя покалеченными. Но вернулись все, как и положено, в хорошем настроении.

Любовь к шуткам. Сатирическая поэма «Пьяницы»

Охоты обычно чередовались с дружескими трапезами, сдобренными знаменитыми тосканскими винами. На столе у Лоренцо не переводились роскошные яства. Ему приносили много дичи, рыбу, много из Понтедеры, соленых угрей из Феррары, фиги и апельсины, варенья и даже трюфели, раздобыть которые было нелегко. Флорентийцы слыли гурманами. В ранней молодости (вероятно, около 1469 года) Лоренцо высмеял эту страсть в памфлете «Пьяницы». В 1474 году он сделал это в бурлескной пародии на «Божественную комедию» Данте и «Триумфы» Петрарки — в поэме «Пир» (Simposio). Само название пародировало серьезные собрания платоников, находившихся под влиянием Фичино. Произведение осталось неоконченным — оборвалось в начале девятой песни.

Сюжет несложен: возвращаясь из Кареджи, Лоренцо встречает нескольких пьяниц. Среди них он замечает важных персон. Все они спешат в таверну Джаннесе у моста Рифреды близ часовни Санта-Лючия.

Удивленный Лоренцо спрашивает некоего Бартолино, в чем причина этого собрания. Тот приводит его к пьяницам, представляет их и расписывает их качества, как Вергилий в «Божественной комедии», когда показывает Данте обитателей загробного мира, ведя его по аду и чистилищу. Цель «Пира», как и «Охоты» — позабавить на досуге друзей из бригады. Но в данном случае высмеиваются пороки легко узнаваемых людей, так что шутка получается небеззлойбой. Поэма вписывается в ряд многочисленных в древности морализаторских сатир.

Она не лишена изысканности. Выражения заимствуются у Данте и Петрарки, но употребляются в пародийном значении. Много намеренного кощунства: встречается каламбур "divino — di vino" (божественный — винный), обыгрывается предсмертное слово Христа на кресте «Жажду!». Лоренцо смеется над чудесами и над пристрастием своих современников к магии: один из пьяниц по имени Уливьери (в нем видят флорентийского священника Оливьери Ардуини) плюет на пол, и от этого плевок рождается жаба. Благодаря таланту автора читатель видит вещи искаженными — такими, какими они представляются пьяным.

Лоренцо сознательно рисует карикатуры на пьяниц, являющихся перед ним. Среди них много духовных лиц: епископ Фьезоле со своим викарием, настоятель коллегиальной церкви Санта-Мария де л'Антелла, священники церквей Они и Сан-Креси а Мачуоли, уже упомянутый Оливьери Ардуини. Есть здесь и именитые горожане: Карло Пандольфини был одним из почетных судей на турнире 1469 года, трехкратным гонфалоньером справедливости; негоциант Антонио Мартелли — дядя Браччо, друга Лоренцо; Бертольдо Корсини, Строццо Строцци, Бенедетто Альберти и многие другие люди, занимавшие высокие посты.

По ходу рассказа у Лоренцо появляется новый вожатый. Место Бартолино занимает Настаджо Веспуччи, нотариус синьории и нескольких корпорации, отец знаменитого Америго Веспуччи, свояк красавицы Симонетты. Другие участники попойки принадлежат к самым разным слоям общества. Среди них, возможно, и Полициано под кличкой Бас, и художник Сандро Филиппеи по прозвищу Боттичелли. Выведены также гардеробщик и почтмейстер Лоренцо.

Продолжается фарс с грубыми шутками насчет болезней пьяниц: парши и чуть ли не проказы, апоплексии, алкогольного идиотизма. Но все это очень смешно. Вот священник Арлотто, преклоняющий колени перед освященным вином, только если оно хорошее, иначе он не верит, что Бог обитает в нем. Вот лакомка Боттичелли, «бочонок», приходящий на трапезу пустым, а уходящий полным. Комичны и другие сцены: например,

Настаждо Веспуччи и священник из церкви Стиа хотят поцеловаться, да не могут — мешают толстые животы.

«Пир» Лоренцо Медичи воссоздает веселую атмосферу, царившую в бригаде. Он метил не только в пьяниц, но и в педантичных иных подражателей великим поэтам. И это была не пустая насмешка. Лоренцо, большой знаток литературы, вдохновлялся творениями великих поэтов, оставаясь в своем творчестве оригинальным, о чем, в частности, свидетельствуют его новеллы.

Талант рассказчика. Новеллы «Джакоппо» и «Джиневра»

Новеллы Лоренцо Медичи «Джакоппо» и «Джиневра» были обнаружены в 1864 году в Государственном архиве Флоренции. Рукопись — автограф самого Лоренцо. Специалисты приблизительно датируют ее 1470 годом. Первая новелла могла бы принадлежать Боккаччо: она совершенно в духе «Декамерона». Установлено, что один из ее героев Джакоппо Белланти жил в Сиене, был знаком с Лоренцо и в 1489 году был еще жив. Вот сюжет этой повести. Молодой флорентиец по имени Франческо, приехавший учиться в Сиену, влюбляется в Кассандру, двадцатипятилетнюю жену богатого купца Джакоппо, которому уже сорок. Франческо придумывает хитрый план, как стать любовником Кассандры с одобрения ее мужа. Он находит во Флоренции «честную куртизанку» Бартоломею и привозит ее в Сиену, где всем говорит, что она его жена. Куртизанка, по уговору с ним, соблазняет Джакоппо, но, изобразив раскаяние в измене мужу, просит любовника вместе с ней совершить покаяние. Джакоппо исповедуется францисканцу, подкупленному Франческо. Тот налагает на него епитимью — во искупление позволить Франческо совершить то же самое с Кассандрой. Новелла заканчивается тем, что молодой флорентиец, придя в дом к красоте, ужинает вместе с Джакоппо и затем с его благословения идет в спальню Кассандры, а кающийся супруг остается один в столовой.

Можно представить себе, как Лоренцо рассказывал эту прелестную новеллу вечером в кругу друзей. Вероятно, ее сюжет и позаимствовал Макиавелли для своей пьесы «Мандрагора», где под другими именами выведены те же персонажи и положения.

В новелле «Джиневра» Лоренцо пытался воспроизвести подлинные факты, оставаясь при этом верным духу Петрарки. Джиневре пятнадцать лет. Она живет в Пизе, во дворце Гриффи. Ее возлюбленный Луиджи из

старинной семьи Ланфранки попадает во дворец благодаря своему приятелю Маффио Гримальди. Но на моменте, когда юноша входит в комнату красавицы, рукопись обрывается. Того, что сохранилось, достаточно, чтобы судить о литературных достоинствах произведения и сопоставить его с поэзией Лоренцо, где большое место занимают любовные страдания, слезы, пламенные восклицания в манере «нового сладостного стиля», ценившегося в высшем флорентийском обществе.

Учреждение университета в Пизе

Как тонкий знаток словесности и как писатель, Лоренцо заботился о сохранении многовекового культурного престижа Тосканы. Ради этого он решился на радикальную меру: 22 декабря 1472 года древний Флорентийский университет (Studio) был переведен в Пизу.

Славный город Пиза, став портовым придатком Флоренции, в значительной мере утратил прежний блеск. Привлекая туда студентов, Лоренцо, несомненно, хотел вернуть второму городу своего государства некоторое влияние. Он стал одним из пяти человек попечительского комитета университета. Новое начинание было делом нелегким. Остро стояла проблема финансирования. На жалованье профессорам и обеспечение проживания студентов требовалось 8300 флоринов. Часть этой суммы Лоренцо получил от духовенства — он взял с него чрезвычайный налог в 5 тысяч флоринов, чем, естественно, вызвал недовольство. Наспех организованный учебный процесс принес городу массу неожиданных проблем. Студенты, прибывшие сюда из других университетов, вели себя как шайка хулиганов. Они дрались, задирали обывателей, крали у них кур, пили их вино, отрывали, как трофеи, дверные молотки. Начался такой разброд, что профессора раньше времени объявили каникулы. Во время карнавала у юнцов кончились карманные деньги и они принялись грабить профессорские квартиры: выносили оттуда книги и продавали.

Преподаватели ненавидели и оскорбляли друг друга. Впрочем, уровень их преподавания был вполне приемлемым. Здесь преподавали знаменитые юристы Бартолини и Бартоломмео Сочини, профессора медицины. Стефано делла Торре консультировал семью Медичи, и Пьеро Леони из Сполето, который был еще и талантливым философом и математиком, оставался личным врачом Лоренцо до самой смерти последнего. В отчаянии, что не смог предупредить роковой исход, Леони на другой день после смерти Лоренцо покончил с собой, бросившись в колодезь.

Что касается философии, поэтики, красноречия и других дисциплин, то лучшие специалисты оставались по-прежнему во Флоренции. Кристофоро Ландино продолжал преподавать классическую филологию. Кафедра греческого языка, которую до 1471 года занимал Аргиропулос, перешла от него к Андронику Каллисту, а затем к Димитрию Халкондилу. Традиция продолжалась.

Лоренцо — покровитель гуманистов. Его отношения с Марсилио Фичино

Флоренция по-прежнему оставалась приютом воинствующего гуманизма. Лоренцо продолжал собирать манускрипты для библиотек в своем дворце, в Сан-Марко и в аббатстве Фьезоле. Он взял под покровительство некоторых литераторов: автора бурлескных сонетов Бернардо Беллинчони, сентиментального поэта Нальдо Нальди, воспевавшего природу, и Уголино Верино, своего рода официального поэта, писавшего стихи в честь общественных и частных событий, важных для семейства Медичи. Нотариус Алессандро Браччези, яркий и плодовитый писатель, сочинивший более двухсот бурлескных сонетов, и гуманист Бенедетто Колуччи да Пистойя, автор речей, обращенных к итальянским державам, были вознаграждены скромными должностями в городе. Скандальный старик Франческо Филельфо, некогда рассорившийся с Козимо, помирился с Лоренцо и в конце концов получил место преподавателя греческого языка. Милости хозяина Флоренции в награду за льстивые произведения пытались добиться и многие другие сочинители, но Лоренцо без особого почтения относился к этим писакам. А вот философы его восхищали. Он стал покровителем Марсилио Фичино и членов его академии, как в свое время его дед и отец.

Материальных затруднений у Марсилио не было. Медичи подарили ему дом во Флоренции и виллу в Кареджи. Лоренцо лишь давал ему небольшие бенефиции. В 1473 году он посоветовал философу постричься в монахи и сделал его настоятелем маленького прихода Сан-Кристофано в Новоли.

Позднее, в 1487 году, Лоренцо велел отдать Фичино место каноника Флорентийского собора, освобожденное Джованни Медичи. А еще несколько лет спустя Марсилио получил место настоятеля монастыря в Мантуе. Фичино давал покровителю ценные книги и знакомил со своими философскими трудами. Их отношения напоминали отношения учителя и ученика. Лоренцо посещал пиры, устраивавшиеся Фичино в годовщины смерти Платона, но редко засиживался на собраниях академии и не участвовал в дискуссиях ее членов. Впрочем, в 1473 году одна из таких дискуссий дала ему тему для одного из главных его сочинений, поэмы, обычно именуемой «Спор», а иногда «О высшем благе».

Поэма «Спор»

«Спор» — поэма в шести песнях, это своего рода повествование о философских встречах, происходивших весной в Кареджи.

Начало поэмы — первая песнь в 169 стихах — довольно слабо связано с учением Фичино. Это буколика. Лоренцо, представленный здесь под именем Лауро (лавр), бежит от утомительной городской жизни и от политики, и среди цветущих лугов встречается пастуха Альфео. Они по очереди описывают друг другу достоинства и недостатки городской и сельской жизни. Эта часть поэмы вполне соответствует названию «Спор». Тема и композиция очень похожи на пререкания горожанина Лауро с пастухом Таиано в «Дриадее» Луки Пульчи. Каких-либо оригинальных мыслей в этом симпатичном диалоге не содержится.

Но затем тон поэмы меняется. Следующие четыре песни — 652 стиха — настоящий философский трактат, соответствующий другому заглавию, которое иногда дают поэме: «О высшем благе». Лоренцо и пастух встречаются Марсилио Фичино и спрашивают его, как, по его мнению, можно обрести истинное блаженство, и он излагает свою теорию. Прежде всего он доказывает, что в жизни телесной истинного блага нет. Богатство и телесные блага (сила, здоровье, красота) — блага лишь временные и преходящие. Среди духовных благ суетны блага чувственной души, а истинны лишь блага души разумной, а среди них — те, которые приносят

приобретенные, а не врожденные добродетели. Приобретенные добродетели делятся на деятельные и созерцательные — истинное блаженство дают лишь последние. Но чтобы достигнуть его, необходимо отделить душу от тела.

Нет иного блаженства, кроме созерцания Бога. Чтобы подготовиться к этому созерцанию, необходимо упражнять не только ум, но также волю и любовь. Итак, нет смысла спорить о том, что лучше: городская жизнь или сельская. Спасает лишь возвышение собственной души.

Этот трактат — не что иное, как пересказ послания Фичино, озаглавленного *De felicitate* («О счастье»). Песнь шестая (208 стихов), завершающая поэму, — почти дословный перевод «Богословской молитвы» (*Oratio ad Deum theologica*) Фичино.

Основатель Платоновской академии написал эту необычную молитву для своих учеников и сам читал ее каждое утро. Но если в латинском тексте Фичино порыв сдерживается философским стремлением к точности, то стихи Лоренцо пронизаны лиризмом, страстью и нежностью, особенно обращенные к Богу просьбы о милости и вечном блаженстве.

«Спор» — произведение, интересное не только яркими поэтическими образами. Искренность поэта позволила ему достичь поразительных высот, из сухого философского трактата ему удалось извлечь подлинную страсть.

Лоренцо и «платоническая любовь»

Какое чувство выражал Лоренцо, воспевая платоновские мотивы: уважение к Фичино или более нежную привязанность? Вопрос не нов. Фичино и Лоренцо в это время обменивались почти любовными посланиями. Как известно, философ возродил в академии Кареджи традиции «платонической» любви, связывавшей Сократа и его молодых учеников. Согласно этой теории, дружеские отношения служили возвышению духа. Наставник созерцал красоту Бога в его творениях. Ученик — предмет любви — обретал свое место на иерархической лестнице творений и учился чтить свое тело как творение Божие.

Эта теория не обязательно приводила к настоящему гомосексуализму. Правда, сам Фичино в 1467 году вступил в связь с девятнадцатилетним юношей Джованни Кавальканти. Но что касается Лоренцо, то его, по-видимому, целиком поглощала любовь к женскому полу. Кое-какие сомнения рождали следующие строки — подражание «Любовным элегиям» Овидия:

Феб златокудрый! коль ты не забыл
Про первую любовь свою, и жалость
Когда еще в душе твоей осталась —
Молю, чтоб мне блаженство подарил.

Однако изыскания Андре Ронсона показали, что все сонеты, в которых Лоренцо Великолепный говорит от имени нимфы Дафны, молящей Аполлона, основаны на игре слов с переменной пола: Лоренцо представляет себя Дафной, превращенной в лавр, а бог солнца здесь — не кто иной, как Лукреция, в имени которой звучит корень *lucē* — солнечный свет.

Подобного рода сочинения, продиктованные ощущением целостности космоса и в то же время весьма двусмысленные, отвечали потребностям эпохи. Лоренцо вместе со своими современниками вновь открывал давно забытые ценности. Ощущение присутствия божества на всех ступенях творения рушило вековые запреты. Телесную гармонию уже не рассматривали как искушение дьявола. Понятие греха сменилось представлением о несовершенстве, которое можно исправить. По-новому воспринятые идеи произведений античной литературы и искусства указывали путь к спасению, то есть к общению с Богом в разуме и красоте, а не в страхе и сокрушении.

Именно в это время, в 1475 году, влияние Фичино вышло за пределы узкого кружка. Философ завершил исследования и переводы древних и начал создавать сочинения в духе неоязыческого синкретизма. Эти опыты Фичино, которые должны были отнюдь не отменить христианское учение, а вывести его на новый уровень, усиленно поддерживал Лоренцо. Одновременно на литературном небосклоне Флоренции восходило новое светило — Полициано, также проникшийся духом «возрождения» ценностей и образов Античности. Со временем постулаты Фичино стали своего рода официальной идеологией.

Свидетельств перемен было немало. Пародийная и бурлескная литература, появившаяся вслед за «Ненчей», «Охотой на перепелок» и «Пиром», скатилась на весьма средний уровень, а ее представители, и прежде всего Пульчи, покинули Флоренцию. Склонность Лоренцо к морализаторству проявилась в серии интереснейших законов, ограничивавших роскошь для нарядов горожан, церемоний, поминок, каравших нечестную азартную игру. Вот к чему привел литературно-мистический труд Фичино, благодаря которому двадцатипятилетний хозяин Флоренции написал тысячу строк о высшем благе.

Перемены сказались и на продолжении «Книги песен» — собрания баллад, сонетов и песен, которые Лоренцо писал по разным случаям. Сборник избранных стихотворений для неаполитанского двора (*Raccolta Aragonesa*) свидетельствует, что автор отходит от шаблонов описания плотской любви в манере Петрарки и внедряет в любовную тематику своих стихов философские мотивы и рассуждения в духе Фичино.

Это коснулось всей литературной продукции Флоренции. Лоренцо задал тон: воспеваемая в сонетах Дама превратилась в символ. Теперь не важно, кто это: Симонетта или Лукреция, жива она или умерла. Дама — лишь повод: страстный влюбленный ищет приюта в философской сверхреальности.

Но не стоит думать, будто «обращение» Лоренцо убило в нем радость жизни и стремление к земным удовольствиям. Конные прогулки, песни, стихи занимали все время, которое хозяину Флоренции удавалось урывать у финансовых дел, у политики и даже у философии. Она нимало не сковывала творческой и жизненной энергии Лоренцо, а как бы оправдывала их: именно так и следует смотреть на дело. Фичино доказал, что природу и разум можно примирить: в тварном мире все дозволено. Душа отражает космос. Иерархия ценностей, установленная Божьей волей, — то же, что лестница к высшему блаженству, естественным образом ведущая через созерцание. Ее нижние ступени могут быть использованы для духовного восхождения. Годятся и любые эстетические, нравственные и мистические учения, как Гомера и Платона, так и Христа.

Лоренцо с восторгом принимал это «откровение» как раз в то время, когда его ближайшим другом стал молодой Полициано, страстный поклонник античных мифов, создатель ярких чувственных произведений, выражающих жизнерадостное мироощущение. Полициано терпеть не мог ни умозрительных абстракций, ни скучных нравоучений. Философия Фичино как раз избавляла его от необходимости размышлять о высоких материях. Он ее принял и тут же забыл: так он мог посвящать собственное творчество воспеванию мимолетных радостей.

То же самое делал и Лоренцо: форма его произведений изменилась, но он ни от чего не отрекся. Он написал пять поэтических «молитв», перелавших герметические тексты, «Асклепия» и «Поймандра» в переводе Фичино, «Утешение философией» Боэция, но в то же время беспрестанно переделывал и совершенствовал свои реалистические малые стихотворения. Он оставался эстетом, и этот эстет прекрасно уживался в нем с учеником Фичино.

Лоренцо-собиратель

Лоренцо всегда любил красивые вещи. Его отношение к искусству — прежде всего отношение искушенного собирателя. Он больше любил произведения искусства, чем художников. Легенда о Лоренцо-меценате была сочинена в XVI веке, когда Козимо I Медичи к вящей славе своих предков стал великим герцогом Тосканским. Эта легенда запечатлена в росписи герцогских апартаментов в палаццо Веккио, выполненной Вазари в 1556—1558 годах, а также в трех больших фресках, украсивших первый этаж дворца Питти в 1635 году. На них Лоренцо окружен гуманистами, философами и художниками. Художники собраны в «саду Сан-Марко», где, как считали, находилась Академия изящных искусств под руководством скульптора Бертольдо, якобы воспитавшего и ней многих гениев, включая Микеланджело. На самом деле все было совсем не так. У Лоренцо во дворце на Виа Ларга был кабинет, где он хранил геммы, драгоценные сосуды, монеты, медали и камеи, значительную часть которых унаследовал от отца. В течение жизни он удвоил это собрание. К его кончине оно насчитывало более 200 золотых медалей, 1000 серебряных, 60 резных камней, много ваз и сосудов. Напомним, что он купил редкие изделия из сокровищницы папы Павла II. Среди них был драгоценный кубок, известный как «чаша Фарнезе», и гемма, изображавшая похищение Палладия.

В саду, выходявшем к церкви Сан-Лоренцо, и в саду близ Сан-Марко, принадлежавшем донне Клариче, Лоренцо разместил античные статуи. В его собрании находились, в частности, бюсты Августа и Агриппы, подаренные Сикстом IV, и некоторые новые находки, также полученные в дар. Эти сады, являвшиеся местом для прогулок, были своего рода музеем под открытым небом. Лоренцо имел немало произведений искусства и в других резиденциях, но нигде, в том числе и в саду Сан-Марко, не устраивал никаких школ для молодых художников. Скульптор Бертольдо занимался только материальной консервацией и реставрацией статуй.

Лоренцо и мастерские художников

Только после заговора Пацци Лоренцо стал заказчиком больших построек: в Поджо а Кайано и в Спедалетто. В начале же своей публичной деятельности он ограничивался лишь скромным меценатством. Конечно, он

поощрял работу некоторых мастеров. Мастерская Андреа Чоне, прозванного Верроккьо, выполняла произведения всех жанров. В 1469 году ее хозяин сделал для виллы Кареджи скульптур) «Мальчика верхом на дельфине», ныне украшающую фонтан во дворе палаццо Веккио. Кроме того, Верроккьо делал для городских праздников карнавальные маски, штандарты, например, штандарт Лоренцо для турнира 1469 года, оформлял здания к приезду иностранных государей, в частности, к визиту Галеаццо Марии Сфорцы в марте 1471 года. Все это были публичные заказы. В частном порядке Лоренцо заказал Верроккьо надгробие для своих отца и дяди, Пьеро и Джованни Медичи, — изящный саркофаг под аркой, украшенной гирляндой цветов, за золотой решеткой, в 1472 году установленный в церкви Сан-Лоренцо.

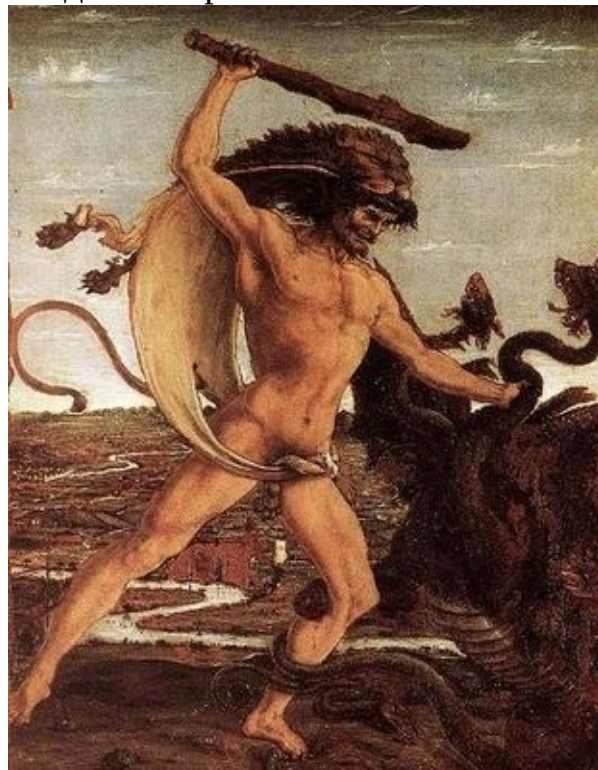

Заказал он ему и бронзового «Давида» (ныне хранящегося в музее Барджелло). Лоренцо и Джулиано велели изобразить юного воина в античной одежде, указывающего мечом на отрубленную голову Голиафа. В 1476 году они продали эту статую синьории за 150 флоринов.

Для Джулиано Верроккьо делал чеканку на шлеме, который он носил на турнире 1475 года. Лоренцо поручил ему реставрацию античного торса из красного мрамора. Позднее Верроккьо сделал бюсты обоих братьев, ныне хранящиеся в Вашингтонской национальной галерее. Джулиано Медичи (около 1478 года) изображен в античном одеянии. Более поздний бюст Лоренцо выполнен в раскрашенной терракоте. Он изображен в торжественном одеянии флорентийских должностных лиц — длинной тунике и шапочке, с сосредоточенным взглядом и строгим лицом. Эти

бюсты сделаны после заговора Пацци, но, возможно, были заказаны ранее. Однако доказательств того, что именно Лоренцо был заказчиком других известных произведений, выполненных в то же время, таких как «Мадонна» и «Дама с букетом», нет.

Покровительствовали Медичи и братьям Поллайоло, и братьям да Майяно. Лоренцо добивался для Антонио Поллайоло официальных заказов синьории — это скульптура на большом серебряном бассейне, чеканный шлем, врученный в 1472 году Федерико да Монтефельтро в благодарность за усмирение Вольтерры. Заказывались ему и картины на мифологические сюжеты, например «Подвиги Геракла».

Антонио дель Поллайоло. "Геракл и гидра", 1475г.

Джулиано да Майяно по рекомендации Лоренцо поручали работы в присутственных местах республики, замке Монтеподжоло, капитанском дворце в Сарцане, соборе в Фаэнце. Но в основном Джулиано и его брат скульптор Бенедетто работали на Лоренцо после 1478 года.

Боттичелли и Леонардо да Винчи

Двадцатилетний Сандро Филипепи по прозвищу Боттичелли, воспитанник мастерской Верроккьо, в 1470 году по ходатайству Томмазо

Содерини (возможно, действовавшего от имени Медичи) получил заказ на аллерию Силы для зала суда Торговой палаты. Он же писал штандарт Джулиано для турнира 1475 года. Затем по заказу купца Гаспаре ди Дзаноби дель Лама Боттичелли написал в его погребальной капелле в Санта-Мария Новелла «Поклонение волхвов», подобное литургической процессии. Первый из волхвов — Козимо Медичи, возвышающийся над всеми присутствующими. Он склонился перед Богородицей и благоговейно прикасается к обнаженной ножке Младенца. Ниже, справа от Богородицы, преклонил колени второй царь в длинном пурпурном плаще — Пьеро Подагрик. Справа от него — третий царь, его брат Джованни в серо-зеленой тунике. За Джованни зритель видит красивый задумчивый профиль стоящего Джулиано Медичи.

Лоренцо здесь изображен на первом плане слева как молодой рыцарь в короткой красно-голубой тунике, горделиво опирающийся на меч. Два персонажа смотрят прямо на зрителя: рядом с Джулиано — заказчик, указывающий на самого себя пальцем, а на переднем плане справа сам белокурый Боттичелли в коричневатом-красном плаще.

Сандро Боттичелли. «Поклонение волхвов»

Все персонажи поражали зрителей большим сходством с реальными людьми. Эта картина демонстрировала всем входящим в храм нерушимую власть династии, правившей во Флоренции.

Другой художник, явивший в эти годы Флоренции свой талант, был ровесником Лоренцо: Леонардо, незаконный сын нотариуса Пьеро да Винчи. Отец отдал его в мастерскую Верроккьо, где мальчик сначала упражнялся в научной реставрации антиков, выставленных в саду Сан-Марко. Молодой художник прославился, написав сперва «Иоанна Крестителя», а затем фигуру ангела на картине «Крещение Христово». За ними последовали «Благовещение» (ныне в Лувре), «Мадонна с цветами» (Мюнхен), неоконченное «Поклонение волхвов» и «Мадонна в скалах», где художник впервые изобразил крылатых юношей с красивыми женскими локонами. Но сам Лоренцо никогда ничего не заказывал Леонардо: в январе 1478 года он только попросил его написать алтарный образ для капеллы Сан-Бернардо во дворце синьории. Такое невнимание, возможно, объясняет, почему Леонардо так рано предложил свои услуги герцогу Миланскому. Впрочем, вскоре большинство флорентийских художников сделают то же: поступят на службу к иностранным государям.

Таким образом, заказы Лоренцо художникам были довольно скромными, а если сравнить их с заказами других государей того времени — Борсо д'Эсте или Сикста IV — совершенно ничтожными. Но тогда Лоренцо был еще молодым человеком, искавшим сиюминутных удовольствий, и не был обременен великими замыслами, которые могут увековечить человека в грядущих поколениях.

Лоренцо и музыка

Среди искусств, в которых упражнялся Лоренцо, была и музыка: он играл на лире и пел (правда, не безупречно), расширил хор и купил лучший орган для баптистерия Сан Джованни. Он осыпал милостями не только знаменитого органиста Скварчалуппи, но и заезжих музыкантов, выписал из Нидерландов теноров — Антверпена и Камбре. При нем всегда находился оркестр флейтистов и трубачей.

Это пристрастие Лоренцо к музыке, сопровождавшей все церковные и светские церемонии, а также выражавшей «священное исступление» поэта, было типично флорентийским, впрочем, как и весь его образ жизни, в котором повседневность сочеталась с возвышенными размышлениями и творчеством. Но время творчества было и временем политики, финансовых дел и интриг. А когда Лоренцо забывал о делах, другие, пользуясь этим, ставили капканы для правителя Флоренции.

Глава 5. ОСТРИЕ КИНЖАЛА

Убийство Галеаццо Марии Сфорцы

«Смелее! Смерть страшна, но слава бессмертна! Не померкнет память о моем деянье!»

Этот клич стоявшего на эшафоте юноши Ольджати разлетелся по всей Италии. Приговоренный к растерзанию живьем, глядя в лицо палачу, он встречал смерть с гордостью: ведь 26 декабря 1476 года он убил тирана Галеаццо Марию Сфорцу. В заговоре с ним была горстка молодых аристократов. Они ставили целью восстановить древние вольности и надеялись, что эту благородную цель с восторгом поддержит население. Надежда их оказалась тщетной.

Покушение не привело в мятежу. Наоборот: двоих убийц народ задушил на месте. Люди без всякого ропота смотрели на страшную казнь Ольджати. Привыкшие к нужде и лишениям, они равнодушно наблюдали, как грызутся сильные мира сего.

В то время случалось много подобных бунтов и все они терпели крах: восстания Джироламо Джентиле в Генуе в июне 1476 года, Никколо д'Эсте в Ферраре в сентябре, Лодовико Моро и его братьев в Милане в 1477 году. Усиление личной власти, ее узурпация одним кланом или одной политической партией, деспотизм, возведенный в систему, оставляли оппозиции единственный путь к государственным постам: кровавое преступление.

Вражда Медичи и Пацци

Во Флоренции тирания правящей партии по отношению к противникам выражалась в многочисленных притеснениях, отстранении от публичных должностей, а главное — в разорении благодаря дополнительному налоговому обложению. Чтобы уберечься от них, было необходимо вступить в союз со всевластными Медичи. Такую игру уже много десятилетий вели и Пацци. Это был древний дворянский род, а торговлей его представители занялись после принятия Установлений справедливости. В 1434 году они стали союзниками Козимо и влились в

«народную» партию.

Глава рода Андреа Пацци в 1439 году являлся членом синьории. Это был богатейший банкир и меценат. На его деньги Брунеллески в 1429—1442 году построил капеллу Санта-Кроче, с тех пор известную под названием капеллы Пацци. Он принимал в своем доме короля Рене Анжуйского и стал его другом. Двое из пяти его сыновей были гонфалоньерами справедливости: Пьеро в мае 1462 года (после возвращения из Франции, куда он ездил в качестве посла с поздравлениями Людовику XI), а Якопо в январе 1469-го. Якопо был старшим сыном и после смерти отца стал главой семьи. Поскольку детей, кроме одной незаконной дочери, у него не было, состояние его переходило к детям братьев Пьеро и Антонио. Козимо Медичи считал союз с этими банкирами почетным и выгодным, хотя они часто конкурировали с ним. Свою внучку Бьянку, сестру Лоренцо, он выдал замуж за Гильельмо Пацци, сына Антонио. Другой сын Антонио, Франческо, прозванный за малый рост Франческино, был главой римского филиала банка Пацци. Он дал Сиксту IV ссуду в 30 тысяч дукатов на покупку графства Имола для Джироламо Риарио, в которой отказали Медичи. Папа не остался в долгу: Медичи лишились своих привилегий в Риме. Монополия на импорт квасцов и депозитарий папской казны перешли к Папам. Нечто подобное случалось и раньше, но тогда папа оказывал покровительство банкирам своего родного города, что считалось обычным и нормальным: ведь банкир был как бы членом семьи святейшего в широком смысле слова.

Медичи не могли смириться с тем, что привилегии получила семья, находившаяся под их политической властью. Это означало, что папа считал Пацци первым из именитых семейств Флоренции. Тогда логично было бы, чтобы и в самом городе при поддержке папы они захватили политическую власть. Лоренцо почувствовал опасность и принял меры. Франческо Пацци вызвали во Флоренцию, чтобы предъявить обвинение в государственной измене: ему ставили в вину, что он позволил Имоле выйти из-под власти Флоренции, а Джироламо Риарио — создать там государство, представлявшее определенную опасность для Тосканы. Франческо благоразумно скрылся.

Тогда Медичи нанесли удар по его брату Джованни, женатому на Беатриче, единственной дочери очень богатого горожанина Джованни Борромео. После смерти отца Беатриче унаследовала все его имущество. Лоренцо решил его отобрать. Он провел закон, по которому в случае смерти без завещания имущество отходило к ближайшим родственникам мужского пола, а дочери исключались из наследования. В 1474 году было

объявлено, что закон о наследовании имеет обратную силу. Поскольку Борromeо завещания не писал, его состояние было отобрано у его дочери и передано племяннику Карло — креатуре Медичи.

Подготовка заговора Риарио и Пацци

Пацци жаждали мщения, но не могли сами составить заговор против своих могущественных врагов. Семья папы Сикста была к ним благосклонна, но, чтобы побудить Риарио действовать, требовались важные причины, и вскоре они появились. Гибель Галеаццо Марии Сфорцы лишила Джироламо Риарио поддержки, необходимой для становления нового герцогства в Имоле. Смуты из-за миланского наследства рано или поздно привели бы к тому, что Флоренция лишила бы Риарио их государства.

Инцидент, случившийся летом 1477 года, сделал намерения Флорентийской республики явными. По тайному совету Лоренцо кондотьер Карло Фортебраччо, нанятый Венецией, напал на Сиенскую республику. Расчет был прост: Сиена будет вынуждена обратиться за помощью к Флоренции, а та установит в Сиене свой протекторат. Тогда Тоскана, наконец-то объединившись, превратится в очень сильное государство, которое без труда возвратит земли, отнятые у него Риарио.

Разгадав этот маневр, Сиена обратилась к Риму и Неаполю, и те прислали ей войска. Фортебраччо был отбит, и результат получился противоположный тому, которого ожидал Лоренцо: возникла лига Сиены, Рима и Неаполя против Флоренции. Мышка стала кошкой. Риарио стал подумывать о том, что неплохо было бы иметь такую столицу, как Флоренция: он собирался превратить Тосканское государство в собственное королевство.

Тогда-то он и прислушался к доводам Франческо Пацци: физическое устранение Лоренцо и его брата Джулиано становилось первым шагом в осуществлении этого замысла. Риарио решил прибегнуть к услугам Пацци. В случае успеха он рассчитывал избавиться от товарищей, которым был бы слишком многим обязан.

Франческо Пацци и Джироламо Риарио заключили соглашение, не раскрывая своих планов папе. Они нашли превосходного помощника — архиепископа Пизы Франческо Сальвиати. Прелат враждовал с Лоренцо, который ставил препоны его карьере, и ненавидел весь род Медичи: он не простил им того, что Козимо отправил его семью в изгнание. Все трое

решили прежде всего заручиться согласием Якопо Пацци — главы семьи, жившего во Флоренции. Тогда было бы легче убедить папу и его союзника, неаполитанского короля, в том, что покушение отвечает желаниям флорентийских магнатов и всего народа. Первая попытка Франческо уговорить дядю оказалась неудачной: старый банкир осторожничал. Он не хотел рисковать, пока Святой престол оставался в стороне. К тому же один из его племянников, Ренато, славившийся здравым смыслом, убеждал его, что Лоренцо своей беспечностью запутал все дела и вскоре обанкротится. Надо было только немного подождать: с богатством и кредитом Медичи потеряли бы и власть в государстве.

Но заговорщики ждать не собирались. Когда Франческо привез ответ Якопо, они решились посвятить в дело Сикста IV.

Папа уже был настроен против Лоренцо. Не составило большого труда убедить его, что Медичи — узурпатор Флоренции. Он одобрил низвержение Лоренцо, но с условием, что переворот обойдется без кровопролития. Его племянник Джироламо потребовал полной гарантии, что если и случится человекоубийство, святейший дарует убийцам прощение.

«Ты зверь, — ответил ему Сикст. — Еще раз говорю тебе, что не желаю ничьей смерти». Но на прощание он благословил заговорщиков и пообещал им помочь «вооруженной силой или любыми другими средствами, если понадобится».

Вместе с заговорщиками на папской аудиенции, присутствовал кондотьер Святого престола Джанбаттиста де Монтесекко, свойственник Джироламо Риарио. Вначале Монтесекко не желал участвовать в этом деле, но его удалось убедить, когда он увидел, что папа одобряет замысел. Он решил, что успеха можно добиться легко: папской и неаполитанской армиям помогут сами флорентийцы. В их ненависти к Лоренцо, которого ему расписали страшным тираном, кондотьер не сомневался. Теперь следовало установить связь с недовольными, прежде всего с Якопо I Киши. Решили, что с этим никто не справится лучше Монтесекко: он был в курсе намерений папы и точно знал, какими силами тот располагает. Вскоре ему представился предлог явиться во Флоренцию. Синьор Фаэнцы Карло Манфреди тяжело заболел и пожелал уладить все споры с соседями. Он владел землей Вальдесено, на которую претендовал и Джироламо Риарио. Святой престол послал Монтесекко разобраться в деле на месте и разрешить спор. Он должен был остановиться во Флоренции и посоветоваться с Лоренцо — такова была его официальная миссия. На самом деле ему было поручено подготовить покушение на братьев Медичи,

установив контакт с нужными людьми.

Лоренцо радушно встретил кондотьера, разговаривал с ним приветливо и учтиво. Его любезность произвела впечатление на Монтесекко. Он задумался, как можно поднять руку на столь приятного человека, так непохожего на отвратительное чудовище, о котором он был наслышан и который к тому же выказывал дружеские чувства к графу Риарио. Но, как дисциплинированный солдат, Монтесекко отогнал от себя эти мысли и из дворца Медичи направился напрямик к Якопо Пацци. Старый банкир был один: его племянник Франческо уехал по делам в Лукку. Возможно, старик отослал его, чтобы легче было отклонить предложения заговорщиков. Он отказался принять кондотьера у себя, но согласился прийти к нему в гостиницу, что не так его компрометировало.

При встрече Монтесекко передал ему папское благословение и рекомендательные письма от Франческо Сальвиати и Джироламо Риарио. Старик прочел их, но остался непреклонен: «Навязались эти молодчики на мою голову! Они хотят хозяйничать во Флоренции, да я и без них знаю, как мне быть. Ничего не хочу слышать об этих делах».

Монтесекко перешел в атаку. Он подробно рассказал об аудиенции, во время которой Сикст IV поддержал смену власти во Флоренции. Он доказывал, что вернейший способ добиться этого — убить Лоренцо и Джулиано: именно так решили папский племянник с архиепископом Пизанским после аудиенции.

Пацци задумался и пообещал сообщить Монтесекко свое решение, когда тот, исполнив свою миссию в Романье, возвратится во Флоренцию. Кондотьер вернулся в город через несколько дней. Его радушно приняли Лоренцо и даже Джулиано, после чего он отдохнул на вилле Кафаджоло. Однажды ночью он отправился к Якопо Пацци, у которого застал и Франческо. Старый банкир все обдумал и решил, что достаточно будет убить одного из братьев Медичи. Это убийство, считал он, разбудит оппозицию. Противники режима совершат переворот и выгонят из городских советов и государственных органов сторонников партии Медичи. Случай для исполнения задуманного обязательно представится. Один из братьев должен будет поехать в Пьомбино для переговоров о женитьбе Джулиано на дочери местного синьора — можно будет воспользоваться этой поездкой. Или же можно вызвать Лоренцо в Рим и убить его по дороге. Но Франческо Пацци считал, что надо избавиться от обоих братьев во Флоренции, когда они отправятся на свадьбу, на турнир или в церковь, куда обычно ходили без оружия и охраны. На том и порешили. Монтесекко поехал в Рим уведомить графа Риарио.

Чтобы подавить сопротивление сторонников Медичи и не дать им бежать, надо было загодя окружить флорентийскую территорию. Этот план в основном был составлен в Риме. Войска неаполитанского короля, стоявшие в Сиенской области, должны были выдвинуться к флорентийской границе. Папское войско сосредоточивалось у Перуджи под предлогом осады Монтоне — замка Карло Фортебраччо. Один из папских кондотьеров Джанфранческо де Толентино собирал подкрепление в Имоле, а другой, Лоренцо Джустини — в Читта ди Кастелло. Войска начинали действовать лишь по сигналу архиепископа Сальвиати и Франческо Пацци, которые занимались подготовкой убийства двух Медичи. Тем временем Якопо Пацци, прожженный плут, игрок и богохульник, приводил в порядок свои дела. Каждый день он помогал бедным, отдавал долги, возвращал товары, отданные ему на хранение, и об этом знал весь город. Свое имущество он под видом вкладов передал в монастыри, убивая тем двух зайцев: заботился о спасении души в случае гибели и гарантировал сохранность состояния в случае изгнания. Большинство его родственников было уведомлено о заговоре и согласилось в нем участвовать. Только Ренато, самый благоразумный из племянников Якопо, и Гильельмо, зять Лоренцо Медичи, держались в стороне. Первый, испугавшись, уехал в деревню, а второй уже давно старался не иметь дел со своими родственниками.

Устроив все дела, Монтесекко вернулся во Флоренцию. Лоренцо, проявляя к нему дружелюбие, был уверен, что кондотьер поможет восстановить нормальные отношения с Риарио и папой Сикстом. Сердечно приняв кондотьера и ничего не подозревая, он даже допустил в город солдат Монтесекко, набранных якобы для взятия Монтоне. Архиепископ Сальвиати и Франческо Пацци втайне собирали головорезов с помощью надежных людей: брата и кузена архиепископа; Якопо Браччолини — запутавшегося в долгах сына гуманиста Поджо Браччолини; авантюриста Бернардо Бандини Барончелли; Наполеоне Францези — клиента Гильельмо Пацци; наконец, двоих священников — Антонио Маффеи, уроженца Вольтерры, и Стефано де Баньоне, капеллана Якопо Пацци, преподававшего латынь его незаконной дочери.

Покушение в соборе

Убийц нашли — оставалось только поставить капкан. Семнадцатилетний Рафаэле Сансони, внучатый племянник Сикста IV, учился каноническому праву в Пизе. В декабре 1477 году двоюродный дед

специально для него учредил титул кардинала Риарио. В 1478 году юный кардинал решил отправиться к месту своего назначения в Перуджу. Архиепископ Сальвиати вызвался проводить его до Флоренции, где сам монсеньор намеревался навестить больную мать. Франческо Пацци, банкир папы, попросил своего дядю принять кардинала в Монтуги, на своей вилле близ Флоренции. Медичи, чтобы не остаться в долгу, пригласили юного прелата к себе на виллу Фьезоле. В составе многочисленной кардинальской свиты в город проникли и заговорщики.

Проще всего было убить обоих братьев во время пира. Но Джулиано на охоте повредил ногу и остался во Флоренции. Поэтому исполнение замысла откладывалось. Дело было в субботу 25 апреля.

Пацци и архиепископ Сальвиати предложили кардиналу попроситься в гости во дворец на Виа Ларга. Лоренцо с удовольствием согласился его принять. Было условлено, что кардинал отслужит воскресную мессу в соборе, а потом придет со свитой на пир к Медичи. Ночью заговорщики распределяли роли. Однако утром все карты спутала новость: Джулиано послал к кардиналу сказать, что все еще нездоров и не будет на пиру, однако пойдет в собор. Итак, оставалась единственная возможность убить обоих братьев сразу — во время мессы. Собрался новый тайный совет, на котором было решено сделать это в тот момент, когда священник объявит окончание мессы.

Франческо Пацци и Бернардо Бандини должны были заколоть Джулиано, а Джанбаттиста де Монтесекко — Лоренцо. Но кондотьер был человек совестливый (хорошее отношение Лоренцо к нему уже заставило его дрогнуть) и к тому же глубоко верующий. Он отказался проливать кровь перед Богом на алтаре. Заменить его вызвались два священника. Антонио Маффеи и Стефано де Баньоне, которых кощунство нисколько не смущало.

Это было в воскресенье перед Вознесением. В собор Санта-Мария дель Фьоре пришло много народа. Монтесекко с тридцатью арбалетчиками и пятьюдесятью копейщиками расчистил юному кардиналу проход на хоры, куда вскоре подошел и Лоренцо. Заговорщики оторопели: Джулиано не было. Франческо Пацци и Бандини отравились за ним во дворец, находящийся неподалеку. Шутками и лестью они уговорили его пойти в собор. Молодой Медичи был легко одет и не носил шпаги, чтобы не тревожить больную ногу. Франческо как бы в шутку ощупал его и убедился, что на нем нет кольчуги. Джулиано немного удивился (он знал, что Пацци ему враги), но решил, что приезд кардинала Риарио — знак скорого мира, и доверчиво дал отвести себя на хоры.

И вот над толпой прозвучало настоятельное «С миром изыдем». Братья Медичи направились к выходу. Когда Джулиано оказался против капеллы Санта-Кроче, кинжал Бандини, блеснув как молния, вонзился ему в грудь. Тот зашатался и рухнул. Франческо Пацци яростно набросился на лежащую жертву и нанес Джулиано такое количество ударов и с такой силой, что сам себя серьезно ранил в ногу. Джулиано был уже мертв. В это время с другой стороны от хоров Лоренцо оказался зажатым между двумя священниками — своими убийцами. Антонио Маффеи, прежде чем нанести удар, положил ему руку на плечо. От этого Лоренцо моментально обернулся. Кинжал порезал ему шею, но не поранил всерьез. Вырвавшись из рук клириков, Лоренцо накинул на левую руку плащ, чтобы отбивать удары, вытащил шпагу, вскочил на решетку хоров, пробежал мимо главного алтаря и вместе с двумя родственниками, Антонио и Лоренцо Кавальканти, укрылся в новой ризнице. Полициано с друзьями закрыли за ним тяжелую бронзовую дверь.

Взбешенные Франческо Пацци и Бернардо Бандини тщетно пытались догнать Лоренцо. Бандини заколол Франческо Нори, который бросился ему наперерез. Но Лоренцо наглухо заперся в ризнице. Поскольку кинжал священника мог быть отравлен, Антонио Ридольфи вызвался высосать кровь из раны и принять смерть. Легкой повязки из первых попавшихся тряпок хватило, чтобы остановить кровь.

Люди разбегались из собора во все стороны. Брошенный на полу труп Джулиано истекал кровью. Юный кардинал Риарио, бледный от страха, убежал с хоров к алтарю. Соборные клирики укрыли его в одной из капелл. Позже два члена Совета восьми вывели его оттуда и взяли под арест. Убийцы бросились наутек. Двух священников сразу поймали, и толпа расправилась с ними на месте. Прочим удалось на время скрыться. Бандини, поняв, что дело провалилось, до смерти перепугался, вскочил на коня и во весь опор помчал к границам Тосканы. Он добрался до Константинополя и нашел там убежище, но ненадолго: год спустя Лоренцо добился у Мехмеда II его выдачи, и 29 декабря 1479 года он был повешен на оконной решетке Барджелло. Там его видел и зарисовал Леонардо да Винчи.

Франческо Пацци, серьезно раненный, отправился перевязать рану в родовой дворец, послав узнать, что делают другие заговорщики во дворце синьории.

Попытка захвата Дворца синьории

Архиепископ Сальвиати и Якопо Браччолини во время совершения покушения в соборе должны были захватить синьорию, прогнать приоров и создать повстанческое правительство. Сначала все шло по плану. Старый дворец охранялся маленьким гарнизоном. Архиепископ оставил внизу Браччолини с частью спутников, собственными родственниками и примерно тремя десятками жителей Перуджи, изгнанных из города, которым Пацци пообещали возвращение на родину, а сам поднялся по лестнице в бельэтаж, сказав, что должен передать синьории послание от папы. Было еще очень рано. Приоры и гонфалоньер справедливости Чезаре Петруччи (тот самый, что восемь лет назад, занимая должность подесты в

Прато, подавил заговор Нарди) завтракали. Архиепископа с группой спутников впустили в канцелярию. Там прелат оставил сопровождающих и прошел в комнату, где его должен был встретить гонфалоньер. Выходя из канцелярии, он неосторожно толкнул дверь, и та захлопнулась автоматически, так что свита оказалась запертой. Встретившись с Петруччи, архиепископ растерялся и лишь пробормотал что-то невнятное. Он все время поглядывал на дверь, из-за которой должны были появиться вооруженные люди. Гонфалоньер сразу понял, что дело нечисто. Выйдя в коридор, он крикнул коллегам и слугам, чтобы те не зевали. Тут он столкнулся с Якопо Браччолини, который забеспокоился, почему нет сигнала от архиепископа, и поднялся сам разведать обстановку. Его появление подтвердило подозрения гонфалоньера; он накинулся на злоумышленника, не дав тому вытащить из ножен шпагу, схватил его за волосы и закружил. Подбежали слуги и приоры, вооруженные тем, что нашлось на кухне: ножами и вертелами. Браччолини связали, а вместе с ним и прелата. Гонфалоньер велел забаррикадировать двери верхнего этажа. Перуджинцев, запертых в канцелярии, и горстку людей, пробивавшихся с первого этажа, тотчас зарезали и выбросили из окон, а архиепископа, его брата, кузена и Браччолини повесили на оконных рамах. Однако остальные заговорщики удерживали первый этаж. Тогда гонфалоньер и приоры позвали на помощь народ, ударив в набат на дозорной башне и подняв большое знамя Флоренции (Гонфалон справедливости). Слуги синьории тем временем кидали из окон верхнего этажа все, что попадалось под руку, отгоняя сторонников Пацци, решивших взять приступом старый дворец.

Крах заговора и репрессии

Франческо Пацци, находившийся во дворце дяди, узнав о непредвиденном развитии событий, не мог оставаться в бездействии. Как он ни был слаб, как ни истекал кровью, но велел посадить себя на коня, надеясь поднять бунт и в последний раз попытаться овладеть ситуацией. Но Франческо совсем не мог держаться на ногах, и его снова уложили в постель. Тогда он стал умолять дядю Якопо действовать вместо него. Старый банкир знал, что все уже напрасно. Но, желая показать, что не трус, он вскочил на коня и во главе сотни всадников поскакал к синьорин с традиционным кличем «Народ и свобода!». Однако горожане уже поняли, что мятеж провалился. Лоренцо живым и здоровым вышел из ризницы и

вернулся к себе во дворец. Синьория была за Медичи. Раздались крики: «Palle, Palle!» — «Шары, Шары!» Со всех сторон люди сбегались под герб Медичи. Вскоре под всеобщий вопль «Смерть предателям!» началась кровавая расправа над заговорщиками. Двух священников, покушавшихся на убийство Лоренцо, толпа уже давно растерзала. Масса народа хлынула во дворец Пацци. Франческо вытащили с окровавленного ложа, голым приволокли к синьории и повесили на одном окне с архиепископом Сальвиати.

Всех, на кого указывали как на друзей Пацци, перебили без разбора. Их трупы волокли по улицам, головы насаживали на пики.

Это было лишь началом репрессий. Их не избежал ни один член семьи Пацци. Самый умеренный из всех, Ренато, не чувствуя себя в безопасности на вилле, бежал в деревню, переодевшись крестьянином. Встречные опознали его; Ренато схватили, отправили во Флоренцию и бросили в темницу. Там он встретился со стариком Якопо, с которым случилось то же самое: он бежал, но был узнан крестьянами в Апеннинах. Через четыре дня после заговора оба они были осуждены на смерть и немедленно повешены. Тело Якопо после смерти претерпело еще много надругательств. Его похоронили в семейном склепе, но месяц спустя извлекли оттуда и в знак презрения зарыли под городской стеной. На другой день дети выкопали его и оттуда; расчлененное тело проволокли на веревке, подвесили на заборе и, наконец, бросили в Арно. В нескольких милях от города другие ребяташки выловили останки, повесили на иве, поколотили палками и опять бросили в воду. Позднее фрагменты тела находили под мостами в Пизе.

Даже те из Пацци, кто не участвовал в заговоре, были осуждены на изгнание или заключение в тюрьме Стинке либо в крепости Вольтерра. Галеотто Пацци, переодевшись женщиной, укрылся в Санта-Кроче. Но его обнаружили, как и Джованни Пацци, спрятавшегося в монастыре дельи Анджели. Лоренцо пощадил только своего зятя Гильельмо, попросившего убежища во дворце Медичи. Разлучив с женой и детьми, его выслали в окрестности Флоренции, где ему было велено жить не ближе пяти и не дальше двадцати миль от города, чтобы в случае чего без труда арестовать и судить. Затем ему дали возможность незаметно бежать, и Гильельмо удалось добраться до Рима в надежде, что супруга выхлопочет ему прощение.

Все подозреваемые в помощи заговорщикам были наказаны: братьев Якопо Браччолини отправили в изгнание, а Пьеро Веспуччи, обвиненного в том, что помогал бежать Наполеоне Францези, посадили в Станке.

В течение месяца было вынесено множество приговоров, в том числе

около ста смертных. Проявив жестокость, Лоренцо и его друзья восстановили спокойствие. Кондотьеру Монтесекко, после того как его признательные показания были записаны, отрубили голову. Немногочисленные солдаты, сопровождавшие его, разбежались. Другие папские кондотьеры, Лоренцо ди Кастелло, находившийся в Валь ди Тевере, и Джанфранческо де Толентино в Романье, готовились вторгнуться во Флоренцию, чтобы утвердить власть Пацци. Узнав о провале заговора, они немедленно от этого намерения отказались. Но папа и король Неаполя решили не отступать. Неаполитанская армия вторглась в Тронто, а папская расположилась в окрестностях Перуджи.

Угроза окружения флорентийской территории привела к возобновлению террора. Началась долгая война между Сикстом IV и королем Фердинандом, с одной стороны, и Лоренцо — с другой, ставшая воплощением флорентийского сопротивления.

Лоренцо устроил любимому брату пышные похороны при большом стечении народа. В церкви Сан-Лоренцо на всеобщее обозрение в открытом гробу было выставлено тело, пронзенное двадцатью одним ударом кинжала, как тело Цезаря. Незадолго до убийства молодой Медичи зачал незаконного ребенка от женщины из семьи Горини, соседки архитектора Сангалло. Через несколько месяцев после смерти отца родился мальчик, получивший имя Джулио. Лоренцо воспитал его вместе со своими детьми не как племянника, а как сына. Пацци же после всех казней были наказаны публичным бесчестьем. 22 мая было постановлено, что их славный герб, полученный в первом Крестовом походе — пять крестов и два дельфина, — будет сбит со всех зданий, где он до тех пор красовался.

Перекресток, с давних пор именовавшийся Канто деи Пацци, утратил

это название. Переименовали и древний, весьма популярный обычай «тележка Пацци». С тех пор как предок этого рода, некий Паццо, в 1099 году участвовал во взятии Иерусалима, в ночь на Светлое воскресенье по городу возили телегу с тремя камнями, привезенными им от Гроба Господня. Из этих камней высекали искру, от которой зажигались огни для иллюминации храмов. Обычай не упразднили, но запретили любые упоминания о проклятом семействе.

Тем, кто остался в живых, пришлось сменить фамилию и герб. Всякий, взявший в жены кого-либо из потомства Андреа Пацци, навечно лишался права занимать государственные и почетные должности. Наконец, преступников заклеили еще одним обычным в то время знаком позора: синьория поручила Сандро Боттичелли за 40 флоринов изобразить их повешенными на окнах Дворца синьории. Беглый Бернардо Бандини, до времени избежавший наказания, на картине удостоился подписи:

Иуда новый именем Бандини,
В храме святом убийца вероломный —
Я бунтовщик и жду позорной казни.

Памфлетисты упражнялись в поношениях осужденного семейства. Оппозиция благоразумно молчала. Только Аламанно Ринуччини в начале 1479 года посмел тайно сочинить трактат «О вольности», где объявил Пацци мучениками свободы наравне с убийцами герцога Миланского. Их бунт он представил как восстание против тирана — Лоренцо Медичи. Но в действительности Пацци, как и убийцы Сфорцы, тщательно подготовив внешнеполитическую почву своего переворота, ничего не сделали, чтобы заинтересовать в нем народ. Во Флоренции, как и в Милане, простые люди быстро поняли, что заговорщики хотят лишь занять место существующей власти, заменить одну диктатуру другой, а обездоленные слои населения от этого ничего не получают. Поэтому они решили остаться верными Медичи и, в частности, Лоренцо, которого хотя бы уважали за внешний блеск.

После всеобщего траура по Джулиано было предписано принести благодарственные обеты небесам за чудесное спасение старшего брата. Синьория приказала выставить в церквях его изображения. Три таких портрета были заказаны Андреа Верроккьо. При помощи модельщика Орсино скульптор выполнил три восковые фигуры в натуральную величину на деревянном каркасе, скрепленном тростинками и склеенном навощенной тканью. Голова, руки и ноги кукол были окрашены масляной

краской в телесный цвет. Сходство получилось поразительное. Одну из этих фигур в той самой одежде, что была на Лоренцо в соборе во время покушения, выставили у августинцев на улице Сан-Галло, другую, в «лукко», длинном плаще высокопоставленных флорентийцев, — в церкви Благовещения, третью — в Санта-Мария дельи Анджели.

Оборотная сторона медали с профилем Джулиано Медичи, где изображено убийство

Кроме того, дабы оставить память о событии и дать знать о нем в дальних краях, Лоренцо велел скульптору Бертольдо выбить медаль со своим профилем на одной стороне и профилем Джулиано на другой. Над портретом Джулиано была надпись "Luctus publicus" («Всеобщая скорбь»). Ниже изображены соборные хоры в тот момент, когда священник оканчивал мессу, а убийцы пронзали юношу кинжалом. На другой стороне над портретом Лоренцо было выбито: "Salus publicus" — «Общественное благо». Здесь изображено неудачное покушение злоумышленников на Лоренцо. Таким образом, медаль свидетельствовала о продолжении правления Медичи на благо государства. Спасшись от смерти, Лоренцо получил легитимность, которой ему прежде не доставало. Народ встал на его сторону, защитил и приветствовал так, словно он был законным государем Флоренции, а Пацци — цареубийцами. Именно так толковал случившееся и французский король Людовик XI в соболезновании, посланном синьории 12 мая 1478 года. В этом послании король извещал также о прибытии во Флоренцию своего ближайшего советника и канцлера Филиппа де Коммина, владельца Аржантона и сенешаля Пуату, для обсуждения того, как лучше наказать ответственных за злодеяние - пришла пора нанести удар по тем, кто из Рима и Неаполя направлял кинжалы

убийц.

Глава 6. МЫС БУРЬ

Сикст IV объявляет войну Лоренцо и Флоренции

В Риме неудачу Пацци сочли катастрофой. Узнав о ней, разъяренный Джироламо Риарио с тремя сотнями алебардщиков отправился в дом флорентийского посла Лонаго Аччайуоли. Он схватил дипломата, отвел его в Ватикан и чуть было не бросил в замок Святого Ангела. Аччайуоли потребовал аудиенции у папы. Он заверил Сикста IV, что его внучатого племянника кардинала Сансони Риарио отпустят, и выразил сожаление по поводу гибели архиепископа Сальвиати. Его коллеги, послы Венеции и Милана, проявили с ним солидарность. Папа уступил и отпустил Аччайуоли, но зато арестовал и некоторое время держал в заключении флорентийских купцов, добиваясь у них обещания не покидать город: он брал заложников.

Но Лоренцо не было дела до недовольства Рима. Он так возненавидел Риарио, которых наравне с Пацци считал виновными в смерти брата, что не сделал ни одного шага к примирению. Папа послал к нему епископа Перуджи для переговоров о немедленном освобождении юного кардинала. Лоренцо отказал наотрез. Не послушал он и советов проявить умеренность и отпустить племянника Сикста IV, следовавших со стороны Святой коллегии, члены которой послали ему соболезнования, ни словом не упомянув о повешенном архиепископе.

Папский престол не мог терпеть такое упрямство. Была создана комиссия из пяти кардиналов для «процесса по делу о Флоренции». 1 июня папа огласил приговор: он отлучил от Церкви Лоренцо, синьорию, Восьмерых стражей и всех их сообщников.

В папской булле, опубликованной утром 4 июня, перечислялись все претензии Святого престола к Флоренции: война за Читта ди Кастелло, оказание поддержки Карло Фортебраччо, предоставление убежища недругам папы, создание препятствий для интронизации архиепископа Сальвиати в Пизе, казнь архиепископа и, наконец, арест кардинала.

При этом ни слова не говорилось об убийстве Джулиано Медичи и о попытке двоих священнослужителей заколоть Лоренцо. Клевретов хозяина Флоренции отлучили от Церкви, булла объявила их окаянными и злочестивыми; они лишались права занимать любые должности, завешать и

вступать в наследство, выступать в суде. Их имущество передавалось Церкви, дома предписывалось скрыть до основания и никогда не отстраивать вновь. Кроме того, булла объявляла интердикт Флоренции, если в течение месяца, то есть до 1 июля, город не выдаст преступников папскому трибуналу. В этом случае в пределах диоцезов Флоренции, Фьезоле и Пистон никто не мог быть крещен, венчан или похоронен по церковному обряду, а также не могла совершаться литургия. Кроме того, Флоренция теряла статус архиепископства.

Синьория была солидарна с Лоренцо. Заботясь о его безопасности, она наделила его княжеской привилегией иметь личную охрану — так сильно опасались какого-нибудь отчаянного мстителя. Но, столкнувшись со всеобъемлющим папским осуждением, приоры сочли уместным дать доказательство мирных намерений. Юный кардинал Сансони Риарио, находившийся под арестом в палаццо Медичи, 5 июня был переведен в монастырь Благовещения, принадлежавший ордену сервитов. Неделью спустя ему позволили выйти из монастырских стен и он вернулся в Рим. Кардинал на всю жизнь запомнил это унижение: жажда мести проявилась в нем даже много лет спустя, когда папский престол занял сын Лоренцо Медичи Джованни: Риарио составил заговор против него.

Теперь следовало ждать объявления войны. 10 июня во Флоренции собрали Комитет десяти для подготовки и проведения грядущих операций. Лоренцо был его членом. Надо было еще как можно скорее уведомить союзников в Милане и Венеции.

Томмазо Содерини находился в Милане. Ему было поручено убедить юного герцога и его мать послать войско в тысячу солдат и 8 тысяч дукатов для подкрепления тех миланских отрядов, которые уже находились в Романы; Джованни Ланфредини, управляющий филиалом Медичи в Венеции, было поручено обратиться с аналогичным предложением к Светлейшей республике: Лоренцо объявил, что собирается напасть на Имолу — город кардинала Риарио.

Флорентийская синьория стремилась перетянуть на свою сторону синьоров Романы, традиционно поступавших кондотьерами на службу Святому престолу. Галеотто Манфреди, владетель Фаэнцы, действительно в начале июня заключил с Флоренцией соглашение. Но владетель Пезаро Костанцо Сфорца и владетель Форли Пино Орделаффи колебались. Первый желал получить защиту для своих земель, вклинившихся между владениями папы и герцога Урбинского. Второму, чтобы перейти к флорентийцам, надо было разорвать договор, связывавший его с папой. От Святого престола он получал 8 тысяч дукатов, а Флоренция, за то чтобы он

поступил к ней кондотьером, давала 12 тысяч. После долгих проволочек Орделаффи отказал. Папа бросил на весы весь свой авторитет: буллой от 22 июня он отлучал от Церкви всех владетельных синьоров Романьи, которые окажут помощь Медичи.

Республика нуждалась по меньшей мере в двух тысячах солдат, а имела всего несколько сотен, жалование которым частично платили союзники — Милан и Венеция.

Дипломатическое наступление против папы: вмешательство Людовика XI

Если в военном отношении Флоренции нечем было ответить, то дипломатический ответ получился очень резким. Синьория немедленно отвергла буллу об отлучении. Она желала, чтобы ее аргументы были известны всем. Канцлеру Бартоломмео Скале было поручено составить послание для всех государей христианского мира. Этот пространный документ, куда были включены и показания Монтесекко, был закончен лишь 11 августа. Его подписали семь аббатов и монахов, семь нотариусов и архиепископ Флоренции Ринальдо Орсини.

В июне флорентийский клир составил заключение о том, что папское осуждение не имело юридической силы и, следовательно, в диоцезах, попавших под интердикт, дозволялось звонить в колокола, служить мессу и совершать таинства. День Иоанна Крестителя отпраздновали с некоторым опозданием. Джентиле Бекки, епископ Аретинский, и Ринальдо Орсини, архиепископ Флорентийский, поддерживали непокорство духовенства. Заключение известных богословов, датированное 23 июля, было отправлено не только папе, но также императору Фридриху III, королям Франции, Венгрии, Кастилии и Арагона и всем не участвующим в конфликте государям. В нем обличались пристрастность и немилосердие Святого престола. Содержался там и призыв о помощи к христианнейшему монарху, королю Людовику XI, «давнему покровителю и заступнику Флорентийского государства». Впрочем, в таком призыве нужды не было: Людовик и без того дал знать Сиксту IV, что полностью разделяет дело Лоренцо и ожидает от папы наказания виновных. Во Флоренцию король послал Коммина. Сир д'Аржантон прибыл туда в июле, перед тем побывав в Милане, где подтвердил союзнические обязательства Франции и продленные права Милана на Савону и Геную. С Коммином прибыл эскорт из 600 человек. Король Франции ничем не мог помочь флорентийцам на

поле боя. Зато он мог подорвать доверие к Сиксту IV в христианском мире. С этой целью Людовик, за невозможностью созвать Вселенский собор, которого тщетно добивался от папы, чтобы объединить христиан против турок, в сентябре созвал в Орлеане Собор французских епископов. Правда, решения этого Собора были выгодными не столько для Флоренции, сколько для Франции: до тех пор, пока папа будет продолжать войну с христианскими государствами, запрещалось вывозить из королевства деньги для Апостолической палаты, чтобы эти средства не пошли на войну Святого престола в Италии.

«Война Пацци». Наступление войск папы и Неаполитанского королевства

Время шло. В начале лета действиям неаполитанских и папских войск помешало стихийное бедствие: тучи саранчи погубили почти весь урожай от Венеции до Флоренции. За этим Божьим наказанием последовали голод и чума. Венеция с Миланом не решались отправлять войска, а Лоренцо никак не мог найти кондотьера на пост главнокомандующего. Между тем папе и королю Неаполитанскому удалось заключить договор со знаменитым Федерико да Монтефельтро — самым прославленным военачальником того времени. 3 июля Монтефельтро соединился с Альфонсом Калабрийским, сыном короля Фердинанда, на границе флорентийских земель. 11-го числа они встали лагерем возле Монтепульчано и послали во Флоренцию герольда с папским бреве в форме ультиматума: война немедленно прекращается, если синьория изгонит Лоренцо и согласится участвовать в Крестовом походе против турок. Синьория, разумеется, не откликнулась. Таким образом, война стала неизбежной. Постепенно подходили миланские войска под командованием Альберто Висконти и Джан Якопо Тривульцио — дворянина, воевавшего на стороне Людовика XI против Лиги общего блага, а позднее, во время Итальянских войн, ставшего маршалом Франции. С большим трудом флорентийская сторона нашла наконец и себе главнокомандующего — герцога Феррарского Эрколе д'Эсте. Но ни у кого из союзников не было причин драться с войсками неаполитанского короля и папы. Юный герцог Джан Галеаццо приходился шурином Джироламо Риарио, женатому на его незаконной сестре. Многие миланские воины служили семье Риарио и получали от нес жалованье. А Венеция, союзница Флоренции, опасалась Эрколе д'Эсте, который был ее довольно бесцеремонным соседом и к тому

же зятем неаполитанского короля; его брат служил в неаполитанском войске, а брат жены, герцог Калабрийский, его возглавлял. Флоренция дорого платила Эрколе д'Эсте за гарантии верности: 60 тысяч флоринов в год во время военных действий и 40 тысяч, если будет заключен мир. Но чтобы надзирать за службой ненадежного главнокомандующего, к нему был приставлен гражданский комиссар Якопо Гвиччардини.

Герцог Феррарский прибыл в лагерь при Поджо Империаале 13 сентября, но жезл командующего получил только 27-го — в день, указанный астрологами как благоприятный. Это время не было бы потеряно зря, если бы его использовали для приведения армии в боевую готовность, но войска, набранные с бору по сосенке, были недисциплинированы, разные части перемешаны, снабжение провиантом было организовано плохо: мародерствовать на флорентийских землях не разрешалось, а купцы, пользуясь этим, брали за продукты втридорога. Тривульцио полагал, что во всем войске было сотни полторы человек, имевших надлежащее вооружение. Пока флорентийская армия бездействовала, папские солдаты и неаполитанцы под водительством Монтефельтро разоряли окрестности Кьянти, Валь д'Эльса и господствующие высоты над Арно. Сожгли, между прочим, замки семьи Риказоли, которую флорентийская синьория за стойкость наградила различными привилегиями и допустила к государственным должностям. Наконец, когда герцог Феррарский перегруппировал свою армию, противники, чтобы приманить его, осадили Монте-Сан-Савино — крепость на флорентийской границе, закрывавшую путь на равнины Ареццо и Коритоне, в речные долины Амбры и Арно. Эрколе д'Эсте продолжал терять драгоценное время в непонятных маневрах. Некоторые подозревали его в измене: ведь он принял у себя в лагере своего брата Альберто, друга неаполитанского короля. События, казалось, подтверждали это: 8 ноября 1478 года Монте-Сан-Савино пала на глазах флорентийского главнокомандующего, который позволил неприятелю спокойно отойти на зимние квартиры в Кьянти.

Флоренция в опасности. Дипломатические маневры

Лоренцо и не подумал инспектировать свои войска. Он полагал, что комиссаров республики там вполне достаточно. Сам он предпочитал оставаться во Флоренции, где легче было общаться с послами дружественных держав, и в первую очередь с Коммином, чрезвычайным

представителем Людовика XI. Сразу после заговора Пацци он отослал Клариче с детьми в Пистойю, хорошо укрепленный город, где их приютила семья Панчатики. Полициано часто присылал весточки о них. Поэт сочинял повесть о заговоре Пацци, прославляющую Медичи, и собирая суждения богословов по поводу интердикта, наложенного на Флоренцию. Наряду с этим он продолжал выполнять обязанности педагога: учил детей, водил их гулять в один из городских садов, ходил с ними в библиотеку маэстро Дзамбино, где хранились латинские и греческие рукописи. «Джованни целый день катается на своей лошадке. — писал он в августе 1478 года, — а весь город бежит за ним следом. Каждый предлагает нам подарки, но мы ничего не берем, кроме салата, фигов и бутылки-другой вина... Мы остерегаемся: у дверей выставили охрану». В начале сентября маленький Пьеро от имени города встречал Эрколе д'Эсте. Позже он написал отцу, что выучил много стихов Вергилия и знает почти всю первую книгу греческой грамматики Феодора Газы. «Мне кажется, я ее понимаю, — писал шестилетний малыш. — Мой учитель заставляет меня учить склонения и каждый день проверяет меня. Джованни иногда ходит с ним в церковь».

Но оживление военных действий положило конец этой спокойной жизни: в Пистое стало небезопасно. Осенью Лоренцо решил отправить жену и детей на виллу Кафаджоло: она была укреплена и находилась в отдаленной области Муджелло. Там им пришлось провести много месяцев у камелька. Из-за холодов и непрерывных дождей ни гулять, ни охотиться было нельзя. Полициано с детьми коротали время за игрой в большой мяч.

Весточки из Муджелло успокаивали Лоренцо. Сам же он во Флоренции не сидел сложа руки. Он отправил посла на имперский сейм, чтобы оправдаться перед императором Фридрихом III. 12 ноября он принял посланника венгерского короля Матвея Корвина, бывшего, как и герцог Феррарский, зятем короля Неаполитанского. Император и король заступались за Лоренцо перед Римом, но безуспешно. В декабре восемь послов в Италию отправил Людовик XI — по два в Милан, Флоренцию, Рим и Неаполь. Им было поручено сообщить о желании короля созвать Вселенский собор (возможно, в Лионе) под председательством папы или его легата, где можно было бы рассмотреть, как лучше вести Крестовый поход против турок. Но прежде следовало прекратить войну, которая на деньги Святого престола велась против христиан.

Людовик считал, что Риарио, «неизвестный прежде человек низкого рода и подлого состояния», оказывал на папу пагубное влияние, от которого следовало освободить Рим. Французское вмешательство состояло в дипломатическом маневре в пользу Флоренции. Поскольку обещанная

военная помощь (пятьсот копейщиков) не поступила, приходилось довольствоваться этим.

В Милане и Венеции инициативу христианнейшего короля поддержали с восторгом и потребовали созыва Собора. Светлейшая республика, только что, 26 января 1479 года, заключившая мир с турками, осмелилась даже говорить со Святым престолом в резком тоне. Она обвинила Сикста IV в агрессии против Флоренции. Невинным в предъявленных обвинениях объявлялся не только Лоренцо, но и все Флорентийское государство. Разгневанный первосвященник отказался снять свои санкции.

В дело решил вмешаться и король Эдуард IV Английский, задолжавший огромную сумму банку Медичи. Он предложил уладить споры между Римом и Флоренцией через комитет в составе французского и английского королей, императора, его сына эрцгерцога Максимилиана, женатого на наследнице Бургундского герцогства, и папы или его легата. Но невозможно было собрать вместе всех этих людей, которые были друг с другом на ножах. Так и ответили королю Эдуарду, а в середине апреля папа объявил, на каких условиях готов простить флорентийцев. Они должны были принести покаяние: дать милостыню бедным, отслужить покаянные мессы и во искупление убийства священнослужителей, произошедшего во время подавления заговора, построить капеллу. Требовалось смыть изображение на стене дворца, позорящее архиепископа. Флоренции предлагалось вернуть Святому престолу Борго Сан-Сеполькро, а также отдать Модильяну и Кастрокаро и никогда впредь не посягать на территорию Папского государства. Взамен, в знак доброй воли, папа обещал, не дожидаясь принятия его условий, снять с Флоренции церковное отлучение, которое, впрочем, и так не исполнялось.

Условия покаяния были слишком тяжелыми и потому неприемлемыми. Не добившись их облегчения, послы Венеции, Милана и Флоренции выразили протест и 2 июня спешно покинули Рим.

В военном отношении перевес был на стороне папско-неаполитанского войска. Его военачальники пользовались поддержкой независимых городов Тосканы — Сиены и Лукки. В Лукке нашел приют Кола Монтано, наставник и подстрекатель убийц Галеаццо Марии Сфорцы. Его пламенные речи указывали на Лоренцо Медичи как на нового тирана, которого должно постичь народное мщение.

Союзники Флоренции были настроены не столь воинственно, как противники. Венеция не желала разжигать новую войну в Романье и отговаривала болонского правителя Бентивольо и правителя Фаэнцы

Манфреди от нападения на Имолу. Юный герцог Миланский и его мать как раз утратили Геную, в ноябре 1478 года объявившую себя независимой. Под угрозой потери четырех галер с товаром на 300 тысяч флоринов Лоренцо пришлось признать независимость Генуи, что испортило его отношения с миланскими правителями. Впрочем, Милан и сам с трудом отбивался на севере от атак швейцарцев кантона Ури, призванных папой Сикстом IV.

Вступление в войну Лодовико Моро

В тот самый момент, когда возникли разногласия между союзниками Флоренции, появилась новая опасность. Освобождению Генуи помогала армия Роберто Сан-Северино, кондотьера на службе Лодовико Моро. Это четырехтысячное войско теперь могло отправиться и новый поход. Лодовико послал его в Тоскану и отдал под начало папы и неаполитанского короля. Взамен он надеялся получить признание своих прав на Миланское герцогство и реальную помощь, чтобы овладеть им.

Лодовико Мария Сфорца (Моро). Алтарь Сфорца, 1494. Брера, Милан

Чтобы успешно сразаться с войском Лодовико Моро, флорентийцам нужен был выдающийся полководец. Но такого не было. Эрколе д'Эсте тратил силы в бесплодных переходах. Ему подчинялись кондотьеры, предоставленные Венецией: Карло, сын знаменитого Фортебраччо, и Деифобо де л'Ангвилара, а также князьки из Романьи, Костанцо Сфорца, Антонелло Манфреди и Роберто Малатеста из Римини. Последнему удалось одолеть папское войско в битве у Тразименского озера, но герцог Феррарский и маркиз Мантуанский (который сам был кондотьером у юного миланского герцога), занявшись дележом добычи и позабыв обо всем,

позволили неприятельскому главнокомандующему Монтефельтро отрезать их друг от друга, перекрыв выход из долины Кьяны. Неаполитанцы наступали по долине Эльсы. Дорогу им преграждала крепость Поджо Имперiale. Ее занимали флорентийцы, чтобы не пустить противника к своему городу. Но при виде наступающего врага они запаниковали и, увлекая за собой перепуганных крестьян, бежали к стенам Флоренции. Это было 7 сентября 1479 года. В тот же день в Милане состоялась драматическая встреча Лодовико Моро с его снохой герцогиней Бонной. Моро удалось взять власть. Он самодержавно правил городом, номинально прикрываясь именем племянника, юного герцога Галеаццо Марии.

Осенью 1479 года в окружении Лоренцо царило уныние. Правда, после позорного бегства из Поджо Имперiale маленький замок Колле на два месяца задержал победоносное неаполитанское войско под предводительством герцога Калабрийского. Осада длилась так долго, что герцогу пришлось уйти на зимние квартиры. Но партия была лишь отложена, а между тем у флорентийцев не было средств продолжать войну. Граждане роптали на непомерные военные расходы и бездарные действия полководцев. Купцы, за счет которых наполнялась государственная казна, были недовольны спадом торговли. Нескончаемый раздор с палой смущал души верующих. Но хуже недовольств и опасений был общий страх всех горожан, что весной Лодовико Моро, опираясь на союз с папой и Неаполем, нарушит равновесие, разорвав лигу Флоренции с Миланом. Если он пойдет войной на республику, Флоренция уже не сможет сопротивляться. Финансовая помощь Венеции, дипломатическая поддержка европейских монархов, пара кондотьерских отрядов станут совершенно пустячной обороной и тотчас будут сметены. Союз с Лодовико был жизненно необходим. Лоренцо сразу это понял, узнав о капитуляции вдовствующей герцогини перед деверем. 11 сентября 1479 года он отправил своему послу в Милане Джироламо Морелли письмо следующего содержания:

«Я не думаю, что синьор Лодовико, став всемогущим и полновластным, пожелает действовать нам во вред: это было бы ему невыгодно. Он по природе не зол и, полагаю, никогда не видел от нас обид, ни публичных, ни частных. Правда, он получил власть благодаря содействию короля Неаполитанского, но мне кажется, что больше тому способствовала помощь других лиц и его собственные достоинства. Немного зная его милость, я думаю, что он вполне способен понимать свою пользу и действовать согласно пониманию. Вот почему было бы

желательно, чтобы Вы при первой возможности повидались с его милостью и довели до его сведения, употребив все доводы, какие сможете, что мы во имя нашей старой дружбы ожидаем от него только добра, поскольку нас не разделяют никакие споры и поскольку это в его же интересах. Уверьте его, что наш город желает идти рука об руку с герцогством Миланским, то есть с его милостью, а потому просите его не колеблясь уведомлять Вас о своих намерениях, дабы и мы могли действовать сообразно его пожеланиям. Объясните ему, в какой мы ныне находимся опасности, какое значение это имеет для его государства и что в его власти найти выход».

Лоренцо также просил Морелли передать Лодовико его личное послание и сообщал, что посылает в Милан Никколо Мартелли, через которого раньше вел все важные дела с Моро. Мартелли с новым властителем Милана просто дружил.

Благодаря всему этому между Лоренцо и Лодовико завязались хорошие отношения.

Дипломатия Лодовико Моро

Первое, что сделал Лодовико, взяв власть, — отправил послов в Рим и Неаполь, а также к неприятельским военачальникам, герцогам Урбинскому и Калабрийскому, с предложением изучить условия мира. Лоренцо с нетерпением ждал результатов этой миссии. Сам страдая от тяжелого приступа лихорадки, он отправил в Милан на разведку начальника своей личной канцелярии Никколо Микелоцци. Поводом для визита была просьба об освобождении Орфео Ченни да Рикава, флорентийца, члена Тайного совета покойного герцога, заключенного в темницу из-за гонений на сторонников Чикко Симонетты, всемогущего советника герцогини Бонны.

Впрочем, Лоренцо и Комитет десяти, занимавшийся военными делами, уповали не только на дипломатические переговоры. После поражения при Поджо Имперiale они попытались соединить два войска: отряд Костанцо Сфорцы и отряд Роберто Малатесты. Но, после того как отошел от дел Эрколе д'Эсте, которого весьма неудачно заменил его брат Сиджисмондо, кондотьеры оказались предоставлены сами себе и не собирались поступаться независимостью в действиях. Между тем, чтобы собрать

серьезные силы, единая тактика была необходима. Венеция уже оплатила тысячу пехотинцев и соглашалась перечислить жалование еще тысяче. Болонский правитель Джованни Бентивольо также мог прислать тысячу солдат. Отважное сопротивление маленькой крепости Колле показало, что на поле боя не все потеряно, если сохранить живую силу и решить проблему командования. Лоренцо изменил привычке держаться вдали от войск и 29—30 октября 1479 года проинспектировал флорентийскую армию возле Сан-Кашьяно. Сравнив свои силы с неприятельскими, кондотьеры пришли в уныние. Противник имел двойное превосходство: 100 звеньев конницы и 5 тысяч всадников. Полководцы отказались объединиться в лагере под Сан-Джиминьяно. Венецианский военный комиссар поддержал их.

Этот разлад был не к добру. Если бы Милан вышел из союза, флорентийские войска, предоставленные самим себе, не могли бы оказать сопротивление. А такая перспектива была вполне возможна. Послов, отправленных Лодовико Моро в Рим, приняли хорошо. Папа поручил кардиналу Иоанну Арагонскому, сыну короля Неаполитанского, сообщить Милану о своем благорасположении. Лоренцо даже не уведомили о позициях сторон на аудиенции, состоявшейся 12 октября, и его это сильно беспокоило.

Что касается Неаполя, там оснований для беспокойства было меньше. Миланские дипломаты, прибывшие к королю, пунктуально сообщали во Флоренцию, как идут их переговоры. Фердинанд согласился рассматривать условия мирного договора вместе с Миланом и Флоренцией. 3 ноября Лоренцо через миланских послов получил предложение указать конкретно, на какие уступки он готов, чтобы удовлетворить папского племянника Джироламо Риарио.

Переговоры Лоренцо в Неаполе

5 ноября Лоренцо передал свои условия мира купцу Филиппо Строцци, долго жившему в Неаполе в изгнании и сохранившему добрые отношения с королем. Строцци с отрядом из семнадцати всадников тотчас отправился в путь. Вскоре Лодовико Моро в письме к Лоренцо от 12 ноября уведомил, что король Фердинанд согласился начать мирные переговоры. Лодовико посоветовал ковать железо, пока горячо.

Время действительно было как нельзя более благоприятное. Слабая и павшая духом Флоренция больше не желала воевать, но не желал этого и

Фердинанд: сила, которую в Центральной Италии приобрел Риарио, была для него уже в тягость. Риарио владел обширной областью, отрезавшей Неаполь от его друзей на севере полуострова, и не давал королю, как он того желал, закрепиться в Сиене. Флоренция, несомненно, была бы сговорчивей папского племянника.

Когда почва была подготовлена, французский посол в Неаполе Пьер Пальмье известил Флорентийское государство, что для заключения мира необходимо послать кого-либо, «обладающего большей властью», чем купец Строщи.

Тогда Лоренцо решил сам поехать к неаполитанскому двору. Для согласования предварительных условий он отправил герцогу Калабрийскому тайное послание: «Великолепный Лоренцо по доброй воле решил встретиться с королем, в связи с чем просит Его Величество прислать в Пизу галеры». Получив это послание, герцог 4 декабря отправил две королевские галеры из Таламоны в Пизу и уведомил об этом Лоренцо. Уже 5 декабря Лоренцо созвал на ужин около сорока горожан. Там, в присутствии всех членов Комитета десяти, он торжественно объявил, что раз войну, как заявлено, ведут с ним одним, то он и должен, даже рискуя жизнью, ехать заключать мир.

Этот пафос ему ничего не стоил — ведь Лоренцо знал, что в Неаполе его ждут, — а популярности прибавил. Его сторонники тотчас напомнили, что случилось с кондотьером Пиччинино, которого король Фердинанд в 1465 году, пригласив в Неаполь, казнил. Объявив о своем решении, Лоренцо оставил за себя в городе Томмазо Содерини. Утром 6 декабря он выехал в Пизу, 7-го остановился в Сан-Миниато, откуда официально сообщил синьории об отъезде. Членам Комитета десяти он поручил огласить свое послание на площади и раздать его дипломатам, прежде всего Филиппе Сакроморо, представлявшему во Флоренции Лодовико Моро.

Послание было проникнуто пафосом. Лоренцо писал, как он рад положить душу ради того, чтобы вернуть Флоренции мир. Причин тому две. Раз врагом объявили его, он явится к недругам проверить, достаточно ли этой жертвы, чтобы остановить войну. С другой стороны, поскольку во Флоренции он больше всякого другого отмечен почестями, он и больше всякого другого обязан принести жизнь на алтарь отечества.

«Уезжаю с этой твердой решимостью, мысля, что, может быть, Господь Бог пожелал взять в руки Свои окончание этой войны, начавшейся через кровь мою и моего брата. Пламенно

желаю, чтобы жизнь и смерть моя, все, что мне в убыток или к выгоде, всегда служило благу нашего города».

10 декабря Лоренцо был уже в Пизе, но неаполитанские галеры запаздывали из-за встречного ветра. Отплыть можно было только 14-го. Пользуясь этой задержкой, Комитет десяти отправил послов к королю Неаполитанскому и от своего имени, чтобы придать миссии официальный характер.

18 декабря Лоренцо сошел на берег в Неаполе. Его приняли чрезвычайно пышно. В гавани ждали младший сын и внук короля. На другой день сам Фердинанд явился к нему, любезнейшим образом приветствовал и проводил к себе во дворец. 20 декабря начались переговоры с четырьмя королевскими советниками, среди которых были могущественный секретарь Антонелло Петруччи и Антонио Чичинелло, специальный уполномоченный по сношениям с Римом. Споры шли жаркие: добиться мира оказалось гораздо сложнее, чем думал Лоренцо, основываясь на сведениях из Милана.

Фернандо I (Фердинанд I)Неаполитанский

Выяснилось, что король Фердинанд вовсе не собирался отдавать укрепленные пункты, занятые им в Тоскане, а также гарантировать безопасность правителям Романьи (Римини, Пезаро и Форли), посылавшим войска в помощь Флоренции. У миланских послов Лоренцо находил деятельную поддержку, но его старые недруги, сиенский представитель Якопо Пикколомини и Диотисальви Нерони, добившийся назначения посланником папы в Неаполе, изощрялись в интригах, поддерживая несговорчивость неаполитанцев.

Переговоры длились три месяца. С первых же дней стало ясно, что Лоренцо вернется во Флоренцию нескоро. Противники его режима, присмирившие после подавления заговора, решили этим воспользоваться.

Они сплотились вокруг Джироламо Морелли, бывшего посла в Милане, а ныне члена военного Комитета десяти, отличавшегося критическим складом ума.

Переговоры Лоренцо, говорили они, создавали реальную опасность: надеясь на будущий мир, государство уже не заботилось об обороне. Граница с Сиеной осталась открытой; крепость Сарцану, которую продал флорентийцам Людовико Фрегозо, отобрал, невзирая на перемирие, его сын. Сам ход переговоров Лоренцо и предложения, сделанные им Неаполю, в советах сурово критиковали, распределение налогов оспаривали. Сторонники Лоренцо, в панике от растущего сопротивления, просили его вернуться как можно скорее. Но ускорить ход переговоров между Лоренцо и неаполитанцами не было никакой возможности. Всякий раз они спотыкались на вопросе о возвращении оккупированных флорентийских городков и гарантии безопасности правителям, использованным республикой в качестве кондотьеров. Король Фердинанд известил папу Сикста о твердой позиции Лоренцо по этим вопросам. Сперва папа, под влиянием Джироламо Риарио, впал в гнев и потребовал, чтобы соглашение по этим статьям не подписывалось, пока Медичи сам не явится в Рим. Фердинанд отсоветовал Лоренцо соваться в пасть к волку. Остыв, папа в начале января согласился на то, чтобы Фердинанд сам решил вопрос о крепостях, приняв во внимание интересы сиенцев, но потребовал, чтобы недавно занятые города вокруг Имолы отошли к Джироламо Риарио. Что касается правителей городов Романы, Сикст IV желал, чтобы они были переданы его власти для наказания. Зато по отношению к Флоренции он смягчился: хотя от Лоренцо по-прежнему ждали публичного покаяния, от синьории уже не требовали его изгнания.

Это было слабое утешение, а переговоры шли до отчаяния медленно. Курьеры и дипломаты так и сновали от одного двора к другому. В тяжких испытаниях Лоренцо поддерживали мудрые члены Комитета десяти, который действовал как тайный правительственный совет. Не меньшей опорой служила ему и горячая любовь родных и близких, от которых он часто получал письма. Девятилетняя Лукреция сообщала, как ведет себя ее брат, будущий Лев X:

«Малыш Джованни ложится рано и не капризничает, говорит: "Я ночью никогда не просыпаюсь!" Он толстенький и румяный».

Полициано приписывал:

«Джованни всегда спрашивает, какие у нас от Вас новости, и по любому поводу говорит "Когда же приедет Лоренцо?"»

Никто не знал, когда закончатся препирательства. Миланские послы, помогавшие Лоренцо, теряли терпение. Им надо было заключить не только мир, но и союз с Неаполем: Лодовико Моро, благодарный Фердинанду за помощь, желал, чтобы вражда сменилась прочной дружбой. Но его представители не могли принять все условия бывших неприятелей, например, упомянуть в договоре Геную как независимую державу. Кроме того, естественно, надо было учитывать и мнение Венеции, другого союзника Флоренции. Но Венеция сама уже начала переговоры о мире с папой. Эта новость дошла до Неаполя в конце февраля вместе с известием, что Рене Лотарингский, наследник Анжуйского дома, отправился из Марселя в поход против Фердинанда. Все это, разумеется, побудило неаполитанского короля поскорее заключить мир с Лоренцо.

Надо сказать, что положение всех действующих лиц этого дипломатического балета было по-своему ненадежным и неустойчивым. Лодовико Моро номинально не был властителем Милана, так что племянник в любой момент мог от него избавиться. Папа мог внезапно умереть, а его преемник полностью поменять политику. Венецианская республика становилась тем опаснее для соседей, чем меньше на нее напирала турки. В этой ситуации Флоренция, где оппозиция казалась обезвреженной, выглядела, напротив, очень надежным партнером. Она пользовалась поддержкой Людовика XI, а король представлял угрозу Неаполю, потому что Франция всегда могла вновь натравить на него анжуйцев. Кроме того, Флоренция дружила с Турцией (напомним, что Мехмед II выдал Бандини, убийцу Джулиано). Наконец, Лоренцо, хотя и ходили слухи о его финансовых затруднениях, вел себя в Неаполе как щедрый вельможа, много тратил на пиры и праздники, даже снабжал приданым бедных девиц и освободил от каторги сотню узников, выдав каждому по десять золотых флоринов и одежду.

Такой человек, щедрый и храбрый на людях, осторожный и дотошный в тайных переговорах, не мог не вызвать симпатии неаполитанского монарха, который умел подмечать и использовать качества окружавших его людей.

Подписание мира между Флоренцией и Неаполем

Фердинанд решил перешагнуть через многочисленные затруднения и заключить мир сразу, как только 27 февраля пришло принципиальное согласие из Рима, о чем он известил Лоренцо Медичи. Той же ночью, не дожидаясь письменного составления договора, Лоренцо сел на королевскую галеру и отплыл в Гаэту.

Его неожиданный отъезд походил на бегство. На самом деле это была часть хитроумного спектакля, согласованного с Фердинандом. Сикст IV действительно согласился на мир, но требовал, чтобы прежде его подписания Лоренцо явился в Рим с покаянием. В случае же отказа королю Фердинанду предписывалось взять Медичи пол стражу и отправить в Рим под конвоем. В порыве гнева папа объявил, что не сложит оружия, пока Лоренцо не покинет Италию — Антонин Чичинелло, посланник Фердинанда при папском дворе, слышал это собственными ушами.

Позволив Медичи отъехать, неаполитанский король избавился от необходимости послушаться папу и в то же время мог оформить трактат по своему усмотрению. Достаточно было того, чтобы Лоренцо передал свои права и полномочия доверенным лицам. Так он и сделал 6 марта в присутствии судьи по договорам Анджело Бонтемпо и государственного нотариуса в Гаэте Никколо Кастаньола: назначил своими представителями для подписания договора с Неаполем герцогиню Калабрийскую Ипполиту Арагонскую и начальника своей канцелярии Никколо Микелоцци. 13 марта они с неаполитанским королем и представителями других воюющих сторон, в том числе папского посланника Лоренцо Джустини, парафировали мирный договор. В тот же день Лоренцо после опасного плавания сошел на берег в Ливорно. Буря, писал он Микелоцци, была такая, что он не на шутку испугался. Но триумфальное возвращение вознаградило его за все. Прием, оказанный ему, был достоин перенесенных испытаний. Его приветствовали у ворот Пизы и в самом городе, где он остановился по пути. С ликованием встретили Лоренцо и во Флоренции. Все горожане бросились ему навстречу, обнимали его и протягивали свои руки для рукопожатия.

Подлинные ратификационные грамоты доставили во Флоренцию 20 марта. 25-го числа, в день Благовещения, считавшийся во Флоренции первым днем нового года, мирный договор был торжественно оглашен.

Договор был оформлен как новый оборонительный союз на двадцать пять лет, заключенный между папой, королем Неаполитанским, Миланом, Флоренцией и Сиеной. Было предусмотрено, что к нему могут присоединиться Венеция и Феррара. Мир оказался выгоднее для Милана, чем для Флоренции. Возвращение оккупированных городов было

предоставлено доброй воле Фердинанда. О Сарцане не упоминалось вовсе. Защита синьоров Романьи не гарантировалась. Лоренцо должен был лично предстать перед папой с просьбой о прощении себе и всему городу.

Когда флорентийцы познакомились с документом, их восторги сильно поутихли. Народ, писал Ринуччини,

«заподозрил, нет ли в договоре многих тайных статей, не приносящих ни пользы, ни чести сему несчастному граду».

И действительно, мир не был ни славным, ни надежным. Он дорого обошелся: с герцогом Калабрийским, сыном короля Неаполитанского, пришлось заключить небывалый кондотьерский контракт на 60 тысяч флоринов в год.

Герцог поселился в Сиене и, благодаря раздорам местных жителей, стал ее полновластным хозяином. Опасность, что с этой базы солдаты, содержащиеся на флорентийские деньги, под каким-либо предлогом нападут на флорентийские земли, была велика и очевидна. Лоренцо был вынужден отпустить Пацци, содержавшихся под стражей в крепости Вольтерра, то есть дать свободу людям, вне всякого сомнения, жаждавшим мщения. Рано или поздно они могли вновь стать опасными.

Но опасность исходила и извне. Пока Лоренцо не принес публичного покаяния, папа Сикст IV не распускал войска. Более того, он сблизился с Венецией. Недавняя союзница Флоренции и, следовательно, противница Святого престола в апреле заключила с ним союз. Риарио стал главнокомандующим Светлейшей республики, а Рене II Анжуйский — его заместителем с жалованьем 2 тысячи дукатов в месяц. Намек был ясен: Флоренция больше не могла рассчитывать на помощь Венеции в борьбе с кланом Риарио. Кроме того, союз с Миланом тоже грозил стать ненадежным из-за сближения Лодовико Моро с Фердинандом, подкрепленного браком дочери герцога Калабрийского с молодым герцогом Джан Галеаццо, племянником Лодовико.

Укрепление власти: Совет семидесяти

Таким образом, новая политическая география международных союзов складывалась не к выгоде Флоренции: она становилась мишенью всех честолюбивых помыслов в Италии. Значит, как никогда насущным становилось укрепление исполнительной власти. Но как раз в момент

оглашения мира заканчивались полномочия могущественного Комитета десяти, который был надежной опорой военным и дипломатическим действиям Лоренцо. Не желая оставаться безоружным перед новыми испытаниями, Лоренцо прибег к старому способу, который часто использовали его дед и отец: создал всевластный Комитет по реформе.

8 апреля 1480 года Лоренцо собрал группу своих сторонников по образцу старинных флорентийских народных собраний. В набат не звонили, так что большинство горожан об этом не знало. От собрания ждали утверждения принципов назначения балии. Резолюции предложили трем городским советам, одоббившим все в течение двух дней. Членам синьории предстояло квалифицированным большинством — шесть голосов из девяти — избрать тридцать граждан, уполномоченных вместе с синьорией и коллегиями назначить 210 человек в возрасте менее тридцати лет, то есть никогда не живших при республиканском строе. Члены синьории и коллегий, тридцать выборных и эти 210 молодых людей составляли балию, действовавшую до 30 июня. Она заменяла собой три городских совета и затем имела право передать свои полномочия другой инстанции. Между тем, чтобы привести в порядок городскую власть после мятежа и войны, первым делом нужно было составить списки лиц, пригодных к исполнению государственных должностей, чтобы уполномоченные путем жеребьевки могли призывать их на периодически освобождавшиеся посты.

Балия в ходе дебатов постановила, что назначением кандидатов займутся тридцать граждан, избранных синьорией, и еще сорок восемь — по двенадцать от каждого квартала. 19 апреля Лоренцо решил сделать этот комитет постоянным, создав на его основе новый государственный орган. Позже к нему и перешли полномочия балии. Так появился Совет семидесяти.

Новый совет стал настоящим сенатом. Он затмил и Совет ста, и старинные советы народа и коммуны. Совет семидесяти был и законодательным, и исполнительным органом. В нем заседали пожизненно назначенные члены, представлявшие цехи в тех же пропорциях, что и в других государственных учреждениях. Совет имел право сам кооптировать новых членов взамен умерших или неспособных исполнять обязанности. Ни одно семейство, за исключением Медичи и еще одной малоизвестной фамилии, не имело права иметь в нем более одного члена. Уверенный в устойчивости и покорности такого собрания, Лоренцо разделил его на две секции, поочередно заседавшие по полгода.

Прерогативы Совета семидесяти были громадны. Он назначал

гонфалоньера, приоров и членов всех комитетов: восемь человек, сведущих в иностранных делах, восемь стражей, ведавших расследованием гражданских и уголовных дел, военный Комитет десяти, двенадцать прокураторов, устанавливавших налоги и надзиравших за торговым судом, морских консулов.

Все законопроекты по предложению синьории рассматривал Совет семидесяти. Остальные советы стали чисто символическими и лишь эпизодически подавали голос. Теперь Лоренцо с этой преданной ему регистрационной палатой имел такую же власть, как Совет десяти, управлявший Венецией. Говорят, именно в память об этом событии он велел отчеканить медаль, где на одной стороне был изображен его профиль с надписью «Великий Лоренцо Медичи», а на другой фигура республики с лилией в руке, сидящая на пальмовой ветви, и надпись: «Попечение об отечестве».

Мир с Сикстом IV

Лоренцо Великолепный достиг высшей власти. Он воплощал государство в его внешних сношениях. А это не позволяло ему униженно отправиться в Рим к папе, продолжавшему грозить Медичи. Но папа ждал этого жеста, не желая снять свои претензии к Флоренции и интердикт против неё. Упрямство старика сломило чрезвычайное происшествие. 28 июля перед городом Отранто, принадлежавшим Неаполитанскому королевству, появился турецкий флот из ста кораблей с армией великого визиря Кедук Ахмеда: турки хотели наказать Фердинанда за помощь их врагам — мальтийским рыцарям. 11 августа город пал. Резонанс события был огромный. Неаполитанский король потребовал от папы прекратить все раздоры внутри Италии и вместе отвоевать Отранто у неверных.

Увещание помогло. Папа Сикст IV согласился принять вместо Лоренцо двенадцать послов и даровать им свое прощение. 25 ноября флорентийцев, накануне ночью прибывших в Рим, приняли в тайной консистории. 3 декабря, в первое воскресенье Рождественского поста, они пришли к портику собора Святого Петра. Их заставили ждать перед запертой дверью, потом наконец впустили, и они пали ниц перед папой. Обряд свершился. «Не возвращайтесь, яко псы, на свою блевотину», — с этими словами понтифик ударил каждого из послов по плечу покаянной плетью, а послы пели «Помилуй мя, Боже». Затем папа допустил их к целованию туфли, благословил и примирил с Церковью. Позже он счел должным потребовать

от Флоренции снарядить против турок пятнадцать галер: это была своего рода цена покаяния.

Турецкое нашествие и оккупация Отранто продлились почти год. Они чудесным образом разрешили кризис и вынудили папу пойти на уступки, а отца герцога Калабрийского отозвать сына к себе. Тот покинул Сиену и занятые им города, и у владельцев Романьи вновь оказались развязаны руки. Они образовали кордон, прикрывавший флорентийскую территорию от вторжения.

Удача наконец-то улыбнулась Лоренцо. Флоренция, писал Макиавелли, вознесла его до небес, говоря, что «счастье вернуло ему через мир все, что несчастье отняло через войну». Но на самом деле только благодаря умелой политике Лоренцо обогнул мыс бурь без большого ущерба. Он избавил свой город от разорения и унижения, воспользовался опасностью, чтобы получить эффективные инструменты власти. Теперь он мог не отделять своей судьбы от судьбы Флоренции.

Часть третья. ХОЗЯИН ФЛОРЕНЦИИ

Глава 1. РАСПРИ КНЯЗЕЙ

Консолидация владений Джироламо Риарио

Оттягивая прошение, Сикст IV на много месяцев нейтрализовал Флоренцию. Ловко пользуясь этим, папа постарался добиться территориальных приобретений для герцогства Имола. 4 сентября 1480 года в результате спора за наследство он отобрал Форли у семьи Орделаффи и передал любимому племяннику.

Флорентийская синьория никак не отреагировала: она была занята совсем другим. Пользуясь отъездом герцога Калабрийского на осаду Отранто, Флоренция, не дожидаясь положенного арбитража, отобрала себе Колле, Поджибонси, Поджо Имперiale, Монте-Сан-Савино. К марту 1481 года дело было сделано. Все неаполитанские войска были отозваны на юг. Впрочем, исход осады решило не их скопление, а одно непредвиденное событие: скоропостижная смерть Мехмеда II (3 марта 1481 года) и разгоревшаяся затем междоусобная война его сыновей Баязида и Джема. Гарнизон Отранто лишился поддержки и 10 сентября 1481 года капитулировал. Герцог Калабрийский принял отважных защитников крепости к себе на службу. С ними он мог готовить поход даже на Константинополь. Герцог обратился с таким предложением к папе и христианским государям, но его никто не поддержал. Все думали о своих интересах, а не о христианском мире.

Джироламо Риарио, с которым заодно был Сикст IV, продолжал устраивать свои дела в Романье. Он собирался утвердиться в Фаэнце. В январе 1481 года венецианский Совет десяти дал знать, что не будет против. Убедившись в благорасположении совета, Риарио предложил ему выгодную сделку. Он просил у Венеции кораблей для похода против Неаполитанского королевства: герцог Имола собирался отвоевать графства Альба Фучензе и Тальякоццо, которые король Фердинанд отобрал у Орсини. За это Риарио обещал Светлейшей республике, что папа закроет глаза, если она решится выступить против Эрколе д' Эсте. Феррара перестала платить Святому престолу ежегодную вассальную дань и заслуживала наказания.

Война Венеции против Феррары

Венеция из всех сил хотела сломить растущее могущество герцога Феррарского, ставшего, по ее мнению, особенно опасным после его женитьбы на дочери Неаполитанского короля. Предложение папского племянника пришлось как раз кстати. В сентябре 1481 года республика и Риарио заключили соглашение, герцог по этому случаю получил статус благородного венецианца.

Казалось, предлогом к войне могло стать отлучение, наложенное епископом Феррарским на наместника, представлявшего в Ферраре интересы Венеции. Но герцог вовремя принял меры и заставил епископа снять интердикт. Светлейшая республика тотчас нашла новый повод. Феррара добывала соль в лагунах Комаккьо, прилегавших к ее территории. Венеция объявила, что лагуны и монополия на добычу принадлежат ей. Она не расстанется с ними, пока Феррара не вернет Полезину (окрестности Ровиго), которую республика считает своим владением. Не получив, как и ожидалось, положительного ответа, Венеция 3 мая 1482 года объявила войну Ферраре. Союзниками Светлейшей республики стали Папское государство с Джироламо Риарио, а также Сиена, Генуя и маркиз Монферрато. Эрколе д'Эсте мог рассчитывать на помощь Неаполя, Флоренции, Милана, Мантуи и Болоньи.

Военачальников обе стороны нашли быстро. Венеция наняла Роберто Сан-Северино, взбунтовавшегося против Лодовико Моро, папа — владельца Римини Роберто Малатесту, зятя герцога Урбинского Федерико да Монтефельтро; Эрколе д'Эсте вверил свою оборону герцогу Урбинскому и герцогу Альфонсу Калабрийскому.

Военные действия завязались на трех театрах. В центре Флоренция взяла атаку папских позиций на себя. Под начальством Костанцо Сфорцы, владельца Пезаро, она осадила и взяла Читта ди Кастелло. Крепость Форли сдалась Антонио да Монтефельтро, сыну Федерико. Вместе с восстановленным военным Комитетом десяти Лоренцо старался разрушить государство герцога Риарио.

На севере сражения разворачивались в долине По с множеством болот, застойных вод, каналов, рек, запруженных зыбучими песками. Привычные к этой местности венецианцы с победами шли вперед: взяли Адрию, Комаккьо, замок Фикароло, Ровиго и Лендинару. Гарнизоны Монтефельтро были взяты в плен. Множество солдат погубила малярия: говорят, что в тот год она унесла в долине По 20 тысяч жизней. Не пощадила она и самого великого кондотьера Монтефельтро: 10 сентября он умер в Ферраре.

Третий очаг столкновения находился на юге, близ Рима. Папа опирался на поддержку Орсини, а другие феодальные роды, Савелли и Колонна,

оказывали помощь неаполитанским захватчикам. Альфонс Калабрийский взял Террачину и наступал в Римской Кампанье, без сопротивления захватив Альбано и Кастель Гандольфо. Наконец, 21 августа 1482 года он встретился при Кампо Мурто в болотах Неттуно со своим противником Роберто Малатестой. Бой был жаркий. Победа досталась Малатесте, который 24 августа с триумфом вступил в Рим, но в болотах подхватил малярию и умер 10 сентября — в тот самый день, когда на севере скончался его тесть, кондотьер Монтефельтро.

Между тем Риарио был на грани разрыва с Орсини. Вдруг выяснилось, что папу практически никто не поддерживает. Он потерял голову, ему показалось, что надо срочно заключать мир. 29 августа Сикст IV отправил два послания: всем христианским государям с изложением своих миролюбивых намерений и императору Фридриху III с просьбой о посредничестве. Тем самым он желал обезвредить маневр, который готовили Лоренцо Медичи и король Фердинанд: созыв Вселенского собора.

Обходной маневр: Собор против Сикста IV

Главным действующим лицом интриги, задуманной против папы, был прелат-авантюрист архиепископ Каринтийский Андрей Замометич. Этого доминиканца в 1478 году прислал в Рим император. Папа отказал ему в кардинальском сане. Архиепископ взбесился и наговорил Сиксту оскорбительных слов. Его посадили в замок Святого Ангела, но в сентябре 1481 года в угоду императору выпустили. Он отправился во Флоренцию к Лоренцо и, как говорили, всячески поощрял его непокорность Святому престолу. Затем архиепископ отправился в Базель, где 25 марта 1482 года объявил себя представителем императора и возвестил о возобновлении Базельского собора, который формально так и не был закрыт. Свою агитационную кампанию прелат продолжил в Берне. Император подтвердил, что покровительствует ему. В июле Замометич опубликовал обличительные прокламации против папы, а тот отлучил его от Церкви. В конце лета 1482 года Милан и Флоренция отправили в Базель к Замометичу своих советников. Среди них был Баччо Уголини — друг и наперсник Лоренцо. Во второй половине сентября Уголини удалось заставить Городской совет Базеля стать на сторону прелата. Таким образом, Флоренции могла выдвинуть против Сикста IV антипапу. На самом деле опасность была не так велика, и вскоре это стало понятно: в октябре император отказал в покровительстве архиепископу, тот был арестован

Базельским советом и просидел в темнице до 13 ноября 1484 года, когда его нашли повешенным в камере.

Пока же, в начале осени 1482 года, этот маневр пригодился, чтобы принудить папу к мирным переговорам с герцогом Калабрийским, которые вскоре завершились перемирием. Впрочем, папу торопил и его племянник Риарио, которому не терпелось завладеть Римини: ведь наследником Роберто Малатесты, кондотьера, принесшего победу Риму, остался малолетний Пандольфо. Из любви к племяннику папа позволил ему ограбить вдову и сироту, но вдова, Изабелла да Монтефельтро, оказалась не робкого десятка. Перед лицом опасности она отреклась от обязательств своего супруга к Святому престолу, обратилась за помощью к Лоренцо, который с удовольствием помог ей, и отстояла Римини от посягательств Риарио.

Ссора Рима с Венецией и поворот в сторону Флоренции

Сикст IV спешил заключить мир. 12 декабря 1482 года он подписал договор с союзниками. Все крепости, занятые обеими сторонами, возвращались обратно; Святой престол вместе со всеми союзниками выступил на защиту Феррары. Он образовал с ними лигу сроком на двадцать лет. Было решено предложить и Венеции вступить в нее. Но папа, заключив мир без оглядки на венецианцев, отделился от них. В декабре его посланник Сиджисмондо де Конти, предложивший дожу и сенату заключить перемирие, получил однозначный отказ: Венеция скорее призовет на помощь турок, чем вступит в новый союз. Республика никак не могла примириться с тем, что от нее уплыла легкая победа над Феррарой.

Сикст IV, связанный новыми обязательствами, послал в Феррару племянника, а с ним кардинала Гонзаго в качестве своего легата. Венецианский посол поспешно покинул Рим. 5 февраля приказ отправиться в Феррару получил папский кондотьер Чезаре да Варано. Лоренцо Медичи сам себя назначил послом в Рим в знак того, что прежние обиды уничтожены новым союзом, а папа одобрил выбор духовной карьеры для маленького Джованни Медичи, которому тогда было семь лет. Лоренцо подыскивал для сына хорошие бенефиции и вскоре получил их от старых союзников. Людовик XI не смог дать архиепископство Эксское, слишком важное, чтобы поставить на него ребенка, но предоставил ему аббатство Фондус в Сентском диоцезе. Король Фердинанд передал мальчику аббатство Монте-Кассино — одно из богатейших во всем христианском

мире. При сложившихся обстоятельствах папа Сикст не мог препятствовать тому, чтобы маленький Джованни получил эти титулы, и приносящие доход, и чрезвычайно почетные.

Бронзино. Портрет Джованни Медичи

Папа решил провести с союзниками совещание для подготовки похода против Венеции, виновной в том, что она в одиночку продолжала войну с Феррарой.

Кремонский съезд. Военные действия против Венеции

28 февраля 1483 года в Кремоне собрался съезд государей-союзников. Папу представлял его легат кардинал Франческо Гонзаго. На съезде присутствовали Лоренцо Медичи, герцог Калабрийский, Лодовико Моро со своим братом Асканио, маркиз Мантуанский Фредерико Гонзага, Джованни Бентивольо из Болоньи и, конечно, Эрколе д'Эсте. Было решено перейти в наступление на венецианской территории за рекой По. Лодовико Моро скрепя сердце согласился в этом участвовать. Все наличные войска собрались в Ферраре. У союзников было 4 тысячи всадников и 8 тысяч пехотинцев. 7 марта они встретились на По с венецианской армией численностью в 2 тысячи всадников и 6 тысяч пехотинцев. Венецианцы были разбиты. Тогда Светлейшая республика наняла кондотьером Рене II Лотарингского (наследника Рене Анжуйского). Пока он сдерживал союзные

войска, другой венецианский кондотьер, Роберто Сан-Северино, должен был перейти Аду, взять Милан и попытаться поднять в городе восстание против Лодовико Моро в пользу юного герцога и вдовствующей герцогини. Наряду с этими операциями разворачивалась война на море. Союзники потратили на снаряжение флота 50 тысяч дукатов, но не могли помешать венецианцам разорить побережье у Апулии и взять у короля Фердинанда крепость Галлиполи. Наконец, папа решил прибегнуть к мечу духовному: 24 мая он издал буллу, налагавшую интердикт на Венецию, и разослал ее всем государям Европы. Во Франции этот шаг одобрили. Людовик XI боялся смерти и находился под влиянием отшельника Франсуа де Поля, поэтому срочно опубликовал папский приговор.

Военные действия вступили в активную фазу. Летом герцог Калабрийский, оставив в Ферраре для защиты 4 тысячи всадников и 2 тысячи пехотинцев, сам с 12 тысячами всадников и 5 тысячами пехотинцев вторгся в области Бергамо, Брешии и Вероны. Сан-Северино и Рене II Лотарингский с большим трудом сдерживали натиск, прикрывая путь на Венецию. В сентябре 1483 года контракт лотарингца закончился и он уехал. Казалось, близок час, когда все венецианские владения на материке попадут в руки союзников. Светлейшая республика тщетно взывала к Анне де Божё, в то время правившей Францией как регентша своего малолетнего брата Карла VIII. На краю гибели Венеция была спасена раздорами, вспыхнувшими в лагере победителей. В мае 1484 года Рим был предан огню и мечу из-за страшного столкновения Премии и Колонна. В июне смерть Фредерико Гонзага лишила союзников человека, способного улаживать распри между Лодовико Моро и герцогом Калабрийским: Альфонс желал, чтобы молодой герцог Джан Галеаццо, женатый на его дочери Изабелле, реально управлял государством. Жажда выставить неаполитанцев из Милана подтолкнула Лодовико подписать 7 августа 1484 года в Баньоло близ Брешии мир, который стал торжеством венецианцев: они сохраняли все свои владения, получали Ровиго с Полезиной и обязывали Феррару признать свое господство. Венеция вступила в лигу итальянских государств, но уже как главная: ее кондотьер Сан-Северино стал главнокомандующим союзными войсками с жалованьем 20 тысяч дукатов в год. Галлиполи венецианцы возвратили Неаполю. Если верить Коммину, они тайно заплатили Лодовико Моро 60 тысяч дукатов. Флоренция же и Рим не получили ничего.

Папа Сикст уже давно хворал, а узнав о заключении мира, слег в сильной горячке. Понтифика сразило предательство Лодовико и его брата, кардинала Асканио Сфорца. Терзаясь угрызениями совести, он чувствовал себя все хуже. В ночь на 12 августа Сикст IV в злобе скончался. Герцога Риарио тогда не было в Риме. Его жене Катарине Сфорца хватило хладнокровия запереться в замке Святого Ангела, куда вскоре к ней и приехал супруг.

В городе никто не мешал Колонна предаваться мщению. Их сторонники грабили дворцы Риарио и Орсини. Следом за ними беднота нагрянула на склады зерна и венецианские корабли с вином, стоявшие на причале у набережных Тибра. Чтобы собрать конклав, надо было навести порядок. Коллегия кардиналов уговорила Риарио освободить замок Святого Ангела — папскую крепость, защищавшую Ватикан. Герцог уступил ее за 4 тысячи дукатов и отбыл в Имолу. 29 августа конклав избрал папой генуэзского кардинала Джамбаттисту Чибо, взявшего имя Иннокентия VIII.

Вопрос о крепостях Сарцана и Пьетрасанта

Флоренция приветствовала нового понтифика. Она надеялась, что он поможет ей хоть что-то извлечь из мира в Баньоло. Во время его заключения флорентийцы были заняты осадой Сарцаны, в 1479 году перешедшей под власть Генуи. Поскольку Генуя в договоре упоминалась как союзница Венеции, она должна была вернуть захваченные крепости — так рассуждали флорентийцы. Агостино Фрегозо, защищавший Сарцану, думал, понятно, иначе, правительство Генуи — тоже. Впрочем, там тогда царила полная анархия: архиепископ города отобрал власть у дожа, своего родственника. Можно было надеяться, что новый папа, генуэзец, вразумит их. Вскоре оказалось, что эта надежда напрасна.

Лоренцо и его советники решили на время отказаться от дипломатических усилий в римской курии и посильнее нажать на Сарцану. В сентябре 1484 года флорентийские войска блокировали город. Агостино Фрегозо, из-за смуты в Генуе не получавший поддержки, не сдал город, а продал его банку Сан-Джорджо. Эта генуэзская компания была государством в государстве. Она владела несметными богатствами, получала большую часть городских доходов, обслуживая займы Генуэзской республики. Банк тотчас взял ситуацию в свои руки: вывел в море флот и усилил гарнизон Пьетрасанты — городка, занимавшего ключевое положение на пути из Флоренции в Сарцану. Флорентийцам ничего не

оставалось, как сбить этот засов.

Задача была нелегкой. Надо было одновременно продолжать осаду двух крепостей и обеспечивать безопасность флорентийской территории. Наглость генуэзцев не знала границ. Они сожгли укрепленный замок Вада. Флот банка Сан-Джорджо пустил на Ливорно брандеры. Но 5 ноября Пьетрасанта сдалась, а 8 ноября Лоренцо принял ее капитуляцию. Из-за этого чуть не разгорелся новый конфликт. На Пьетрасанту претендовали жители Лукки: некогда она принадлежала им, они просто отдали ее банку Сан-Джорджо в залог. Флоренция хитроумно отклонила их претензию: она соглашалась на передачу города, но в обмен на компенсацию огромных убытков и людских потерь во время осады.

Вырвав занозу, Лоренцо вновь потребовал от Иннокентия, чтобы тот вразумил своих соотечественников на предмет Сарцаны. Флорентийцы, сказал он, готовы, если не получают крепость, весной 1485 года возобновить войну. Риск для Флоренции был велик: в Тоскане Генуя могла надеяться на поддержку Сиены и Лукки. Но война так и не началась: не хватило политической воли.

Лоренцо очень страдал от подагры, а также от сильных болей в желудке. Он был вынужден отойти от дел, чтобы лечить недуги на горячих водах. В Генуе же серьезно вести войну не давала политическая нестабильность. Папа тоже заболел, и на время пламя вражды потухло, но вскоре оно еще сильнее разгорелось — теперь уже между Иннокентием VIII и союзником Флоренции, Фердинандом Неаполитанским.

Ссора Иннокентия VIII с королем Неаполитанским

До своего избрания папой Джамбаттиста Чибо, кардинал Санта-Чечилии, был тесно связан с неаполитанским двором. Как кандидата на тиару его поддерживали племянник Сикста IV Джулиано делла Ровере, венецианцы и Колонна, но избрали его только из-за того, что к ним присоединились Асканио Сфорца и Иоанн Арагонский, племянник короля Фердинанда.

Для неаполитанцев этот пятидесятидвухлетний генуэзец был почти земляком. Его отец, богатый генуэзский купец, вел дела в Неаполе. Там в атмосфере вольных нравов местного двора и воспитывался Джамбаттиста. Будучи молодым клириком, он безудержно предавался любовным утехам. От разных женщин он имел семерых детей; двое из них, Теодорина и Франческетто, родились еще до его посвящения в сан. Он признал их своими детьми и первым из первосвященников не называл их лицемерно «племянниками». В 1467 году Павел II доверил тридцатипятилетнему священнику епископство Савонское, а при Сиксте IV тот обменял его на Мольфетту — городок на берегу Адриатического моря, рядом с Бари, предоставленным ему королем Фердинандом. В 1473 году он стал кардиналом. Со времен своей молодости Иннокентий сохранил приятные светские манеры, был добродушен и приветлив, из-за чего прослыл слабохарактерным человеком. И действительно, он передал большую часть полномочий по управлению Церковью энергичному кардиналу Джулиано делла Ровере, будущему Юлию II. Джованни, брат кардинала, прежде был префектом Рима, а в декабре 1484 года стал командующим войском Святого престола с чином генерал-капитана.

Таким образом, власть Риарио закончилась, но эстафету у них приняли другие племянники папы Сикста — делла Ровере. Лоренцо Медичи на этот счет не заблуждался. «Отправьте любезное письмо кардиналу делла Ровере, — писал он своему послу. — Он тоже папа, и больше папы». Кардинал сообщал новому первосвященнику воинственный дух, которым тот от природы вовсе не обладал. Вскоре неаполитанцы смогли в этом убедиться. Находясь проездом в Риме, герцог Альфонс Калабрийский 20 октября 1485 года был принят папой. Иннокентий напомнил о необходимости послушания и о ежегодной дани, которую платил король Фердинанд. Но в ответ герцог предъявил довольно наглые претензии. Его отец-де вошел в

большие расходы, чтобы отобрать Отранто у неверных, а поскольку голос его сына-кардинала помог Иннокентию обрести тиару, Фердинанд желал получить за это округа Беневенто, Террачина и Понтекорво. Папа, как и следовало ожидать, посоветовавшись с кардиналом делла Ровере, отказал. Теперь, очевидно, должен был последовать резкий ответ короля. Чтобы не остаться в изоляции, Иннокентий VIII пошел навстречу Венеции. Уже 28 февраля 1485 года он снял санкции, наложенные Сикстом IV. Светлейшая Республика изъявила свое удовлетворение, отправив нижайшее посольство, а папа в ответ послал в Венецию Томмазо Катанеи, епископа Черкни, поручив ему попросить республику прислать своего кондотьера Роберто Сан-Северино на службу Святому престолу.

Столкновение с Неаполем представлялось неизбежным. Неаполитанские финансы под грузом непрерывных войн, тянувшихся долгие годы, пришли в полное расстройство. Фердинанду приходилось продавать и закладывать у флорентийских банкиров собственные драгоценности и даже книги из своей библиотеки. Он обложил священство принудительными податями и даже дошел до того, что стал продавать епископства недостойным.

Мятеж неаполитанских баронов

В поисках средств Фердинанд задумал отобрать наворованное у баронов своего королевства, занимавших высокие должности и запускавших руку в государственную казну. Этим он, естественно, вызвал у них ненависть. Адмирал Антонелло Сан-Северино князь Салерно, великий сенешаль Пьетро Гевара граф Арианно и маркиз дель Васто князь Альтамура составили заговор против короля. К ним присоединились феодалы самого разного калибра: Орсини и Пьетро Кампонески граф Монторио, правивший абруцским городом Л'Акуила, а также приближенные Фердинанда — нувориш Франческо Коппола граф Сарно, торговый компаньон короля, и личный секретарь Фердинанда Антонелло Петруччи с сыном.

Но оппозиция еще никак не проявила себя, когда в день Петра и Павла король признал себя вассалом Рима. Его посол преподнес папе белого иноходца — традиционный символ феодального оммажа. Однако дани, полагавшейся при этом, он не привез, объяснив это большими расходами на войну с турками. Иннокентий VIII еще больше разгневался. Он не принял коня и отослал посла. Для войны с Фердинандом не доставало лишь

предлога. И тот вскоре представился.

Узнав о готовящемся мятеже синьоров, герцог Калабрийский решил первым пойти в атаку. Одним из самых опасных заговорщиков был граф Монторио. У себя в Л'Акуиле, далеко от Неаполя, он был практически независим. В конце июня под каким-то предлогом герцог заманил графа в Къети и посадил в темницу.

Узнав об этом, жители Л'Акуилы тотчас взяли за оружие, убили комиссара Неаполитанского короля и некоторых горожан, обвинявшихся в сотрудничестве с неаполитанцами. Они подняли знамя Папского государства и отправили посольство к папе, чтобы сообщить, что хотят перейти под его юрисдикцию, и просить у него защиты от короля-тирана. Иннокентий VIII с радостью принял их посольство, равно как и обратившихся к нему как к своему сюзерену неаполитанских баронов, проявивших солидарность с Монторио. Сын короля Фердинанда кардинал Иоанн Арагонский приехал к папе с просьбой не становиться на сторону мятежников. Но кардиналу пришлось прервать переговоры, так как его сразила чума, свирепствовавшая в Риме с начала лета. В курии он столкнулся с упорнейшим противником в лице Джулиано делла Ровере. По инициативе этого кардинала, непримиримого врага короля Неаполитанского, папа 4 октября созвал всю коллегию и добился от нее согласия на войну с Фердинандом. Десять дней спустя, 14 октября, у врат собора Святого Петра об этом решении было объявлено всему христианскому миру, а через три дня, 17 октября, скончался кардинал Иоанн Арагонский.

Л'Акуильская война

Оба лагеря, римский и неаполитанский, готовились к войне. Фердинанд протрубил сбор союзникам. Он нуждался в действенной помощи государств, недавно вошедших в оборонительный союз с Неаполем.

Флоренция оказалась в щекотливом положении. Республика только что примирилась с Римом после тяжелой борьбы и не желала вновь испытывать на себе последствия папского интердикта. Кроме того, она вела переговоры с Иннокентием VIII, рассчитывая при его посредничестве получить Сарцану. Папа передал Лоренцо свои аргументы через его дядю архиепископа Ринальдо Орсини. Но Флоренции было невыгодно признавать расширение папских владений в области Абруцци или

способствовать созданию нового государства вроде Имолы, которое конечно же отошло бы к делла Ровере. Поэтому Лоренцо приказал графу Питильяно немедленно выступить на Рим с теми немногими силами, которыми располагала Флоренция. Вместе с тем он передал Орсини необходимую сумму денег на вооружение.

Лодовико Моро вел себя не так решительно. Он боялся, что папа призовет на помощь Рене Лотарингского и Милан неизбежно окажется завоеван. Не менее реальной была и венецианская угроза, и Генуя, родина папы, полностью поддержала бы это вторжение. Поэтому Милан принял лишь символическое участие, отправив в Неаполь сотню всадников для обороны.

Более существенной помощи король Фердинанд добился от своего зятя, венгерского короля Матвея Корвина. Но его экспедиционный корпус из тысячи всадников и семисот пехотинцев должен был прибыть в Неаполь не скоро — лишь весной 1486 года. Главная же услуга венгерского короля заключалась в том, что он угрожал новому союзнику Святого престола — Венеции.

Венецианское правительство согласилось предоставить своего кондотьера Роберто Сан-Северино в распоряжение Рима. Иннокентий VIII велел ему прибыть в Рим к 10 ноября, не дожидаясь подхода основных сил. Он свел кондотьера с главами феодальных фамилий Савелли и Колонна, уже мобилизовавшими собственные войска. 30 ноября Роберто был провозглашен гонфалоньером Церкви. Первый отряд папа отправил на помощь л'акуильским повстанцам. Но битве суждено было состояться при Виковаро в Римской Кампанье, где герцог Калабрийский соединился с союзниками, Орсини и флорентийцами. 24 декабря, когда войско Сан-Северино вступило в Рим, город был почти полностью окружен. Новые войска тотчас вступили в дело. Еще до Нового года они взяли приступом мост на Номентанской дороге, занятый герцогом Калабрийским. В январе 1486 года у Орсини отбили город Ментана. Перепуганный кардинал Орсини открыл ворота Монте-Ротондо, и Альфонс Калабрийский, увидев, что остался в одиночестве, бежал. Его войска, к великому негодованию флорентийцев, поспешно отступили к Виковаро. Папская дипломатия набирала очки, обличая короля Фердинанда перед императором, перед испанскими монархами Фердинандом Католиком и Изабеллой Католичкой, перед большинством христианских государей. Посол Карла VIII в Риме кардинал Балю и кардинал делла Ровере убедили папу Иннокентия в необходимости призвать на помощь и Францию. 23 марта Джулиано делла Ровере сел на корабль в Остии и отправился в Геную. Там он начал

активные переговоры с послом герцога Лотарингского и одновременно занялся вооружением флота для Святого престола. Но пока римляне накапливали мелкие преимущества, герцог Альфонс, вовсе не бежавший, как думали, а отступивший в стратегических целях, перешел в контрнаступление и разбил Роберто Сан-Северино у Монторио. В это же время флорентийские агенты спровоцировали мятежи против папских представителей в Перудже, Читта ди Кастелло, Витербо, Ассизи, Фолиньо, Монтефолько, Сполето, Тоди и Орвието. Во всем Папском государстве воцарилась анархия. Папа призвал на помощь Риму всех изгнанных и осужденных, пообещав взять их на службу. Большинство из них действительно получили высокие посты.

В апреле 1486 года главарь бандитов Бокколино Гоццони занял Озимо. Стало известно, что Матвей Корвин послал войска, чтобы занять Анкону. Вдоль побережья Адриатики крейсировали турецкие корабли. Папская казна, к которой слишком многие обращались для покрытия военных расходов, опустела. Вообще для папы наступили трудные времена.

Правда, 31 мая послы французского короля и герцога Лотарингского прибыли в Рим с предложением совместно действовать против Неаполя. Но представители короля Фердинанда Арагонского этому воспротивились. При поддержке кардиналов Борджа и Савелли они добивались примирения с королем Неаполя. В этих обстоятельствах Л'Акуила переметнулась на другую сторону и выступила против Святого престола. Альфонс Калабрийский подошел к стенам Рима.

***Заключение мира между Римом и Неаполем в 1486 году. Месть
Фердинанда своим баронам***

11 августа 1486 года Иннокентий VIII был принужден подписать мир. Гарантами стали католические короли Испании, Милан и Флоренция. Папа платил контрибуцию в виде расчета по невыплаченным процентам по займам. Он даровал амнистию всем баронам, объявившим о покорности, и примирился с Орсини, которые попросили у него прощения. Л'Акуила могла свободно выбирать между Римом и Неаполем. Папа получил право по своему усмотрению раздавать диоцезы и бенефиции в Неаполитанском королевстве.

Сразу после подписания мира кондотьер Сан-Северино, преследуемый герцогом Калабрийским и флорентийцами, бежал и укрылся в Равенне. Святой престол полностью лишился вооруженной защиты. Фердинанд

сразу понял, что к чему. В сентябре он разорвал только что заключенный мир, выгнал из Л'Акуилы папские войска, казнил губернатора и установил свою власть. В Неаполе же он жестоко отомстил своим баронам.

Через два дня после подписания мира Фердинанд пригласил Франческо Копполу, Антонелло Петруччи, графов Каринола, Поликастро и Борело с женами и детьми в Новый замок в Неаполе. Как только они туда прибыли, всех их арестовали. Пока они томились в казематах крепости, шел процесс по делу об измене. Король же, не дожидаясь его окончания, конфисковал и продал все их имущество, выручив за него 300 тысяч дукатов. Каринола и Поликастро были казнены в ноябре 1486 года, Сарно и Петруччи в мае 1487-го. Других заговорщиков, которых не было в Неаполе, князей Альтамура и Бизаньо, герцога Мельфи, графов Лауриа и Мелито уничтожили с помощью наемных убийц или бросили в море. На деньги, полученные от конфискации их имущества, король смог нанять лучших кондотьеров того времени: Вирджинио Орсини, Просперо Колонна, Фабрицио Колонна и Джанфранческо Тривульцио.

Сближение Лоренцо с Иннокентием VIII. Свадьба Маддалены и Франческетто Чибо, взятие Сарцаны, кардинальский сан Джованни Медичи

Кровавые события, укрепившие позиции неаполитанского короля, были на руку его союзнику Лоренцо Медичи. Папа, напутанный жестокостями Фердинанда, начал искать поддержки. В феврале 1487 года он подписал союзный договор с Венецией. Но Светлейшая республика, занятая войной с австрийским эрцгерцогом Сигизмундом (графом Тирольским), не могла быть ему полезна против Неаполя и Милана. Тогда понтифик сблизился с Флоренцией.

В марте 1487 года было решено женить сорокалетнего сына Иннокентия Франческетто Чибо на третьей дочери Лоренцо и Клариче Орсини Маддалене. В знак дружбы и согласия стороны обменялись услугами в интересующих их делах. Лоренцо предложил свое посредничество между папой и Бокколино Гоццони, который, захватив власть в Озимо (область Марке), грозился передать крепость Баязиду II. За 7 тысяч дукатов Гоццони согласился уехать во Флоренцию, а оттуда в Милан, где Лодовико Моро вскоре казнил его как опасного авантюриста.

Иннокентий VIII в обмен на это заступился за Флоренцию в деле о Сарцане перед Генуей и банком Сан-Джорджо. Но генуэзцы расценили это

заступничество как вызов и послали три тысячи пехотинцев осадить принадлежавший флорентийцам форт Сарцанелло близ Сарцаны. Беспрецедентное напряжение всех сил (Неаполь, Венеция и Милан оказали флорентийцам только моральную поддержку) привело, наконец, к победе Флоренции: в апреле 1487 года генуэзцы были разбиты армией во главе с Якопо Гвиччардини и Пьеро Веттори. Но Сарцана долго не сдавалась: только 22 июня она капитулировала перед самим Лоренцо, приехавшим в лагерь осаждавших.

Поддержка папы была чисто формальной. Да и вообще авторитет Иннокентия VIII в международных делах был как никогда мал. Агрессивные намерения короля Неаполитанского дошли до крайней точки: когда в июле 1487 года нунций Вичентино обратился к нему с запросом по поводу нарушений договора, король не принял его и уехал на охоту. Папа поторопился со свадьбой сына. В ноябре Клариче с Маддаленой прибыли в Рим. Папа подарил будущей снохе драгоценный камень ценой в 8 тысяч дукатов, а сыну камень в 2 тысячи. 20 января 1488 года был подписан брачный контракт. Но Лоренцо ожидал от Иннокентия еще и кардинальской мантии для своего среднего сына Джованни. В июне 1487 года он нашел в курии усердных помощников — кардиналов Сфорцу и Борджиа. Но папа долго не давал согласия, ссылаясь на малолетство кандидата. Решение о кардинальстве Джованни было принято в феврале 1489 года, но официально о нем объявили лишь 10 марта. Инаугурация совершилась тайно и вступала в силу лишь через три года. Но Лоренцо, несмотря на предписание хранить это в секрете под угрозой отлучения от Церкви, в тот же день сообщил об инаугурации всем дружественным державам. Да могли он молчать, если, по слухам, потратил на уговоры папы и кардиналов 200 тысяч флоринов?

Так Лоренцо осуществил свою мечту. Породнившись с Чибо, семейством невысокого происхождения, но восседавшим на самом славном в мире престоле, он достиг княжеского достоинства, а возведение Джованни в кардинальский сан стало, как писал Макиавелли, «лестницей, возведшей Медичи на небеса».

Дела семейные: женитьба Пьеро Медичи и смерть Клариче Орсини

Чтобы утвердить положение своей семьи в Риме в ряду князей, Лоренцо решил укрепить узы, связывавшие его с Орсини. Маленькая кузина донны Клариче Альфонсина в 1487 году вышла замуж за Пьеро

Медичи. Брак заключили заочно в марте в Неаполе, где жила Альфонсина (ее брат был кондотьером у короля Фердинанда). В связи с отъездом Клариче и Маддалены в Рим Лоренцо в мае 1488 года отправил следом за ними Пьеро. К тому времени Альфонсина после смерти своего отца вернулась на родину. В Риме и состоялась настоящая свадьба. Сам Лоренцо не смог поехать на церемонию: здоровье его очень ухудшилось. После бракосочетания семнадцатилетний Пьеро с шестнадцатилетней женой и Клариче с Маддаленой вернулись во Флоренцию. Лоренцо попросил папу и получил его согласие, чтобы Франческетто и Маддалена пожили пока порознь, так как донна Клариче хотела, чтобы дочь была все время при ней. Донна Клариче была больна чахоткой, и жить ей оставалось недолго.

Франческо Чибо считал, что благодаря родству с Медичи получит какую-нибудь важную должность. Но к весне Лоренцо еще даже не выплатил ему приданое Маддалены. Франческетто попросил хотя бы помочь ему основать синьорию со столицей в Пьомбино, Читта ди Кастелло или Сиене, но Иннокентий не поддержал сына.

Постепенно семья Лоренцо прирастала новыми браками. В 1488 году помимо свадеб Пьеро и Маддалены состоялось бракосочетание восемнадцатилетней Лукреции и Якопо Сальвиати, а одиннадцатилетняя Луиза была обручена со своим троюродным дядей Джованни, сыном Пьерфранческо Медичи. Родителям оставалось позаботиться теперь только о Контессине и Джулиано, которым было десять и девять лет соответственно. Лоренцо и Клариче словно торопились устроить браки всех своих детей, чтобы оградить их от превратностей судьбы, а кроме того, упрочить связи Медичи с богатыми и знатными фамилиями. Но очень скоро нагрянули беды: смерть унесла сестру Лоренцо Бьянку, супругу Гильельмо Пацци, а сразу вслед за ней только что просватанную маленькую Луизу.

Вскоре Франческетто Чибо в окружении цвета римской знати приехал к супруге во Флоренцию. Он поселился во дворце, конфискованном у Якопо Пацци. Народ приветствовал Франческо возгласами: «Чибо и Шары!» В его честь были устроены пышные торжества: впервые со времен заговора Пацци город радостно праздновал Иванов день. Это был последний праздник, отголоски которого достигли уха донны Клариче. Чахотка неумолимо подтачивала ее. 29 июля ночью она отошла в мир иной, окруженная детьми, но в отсутствие супруга, которого жестокий приступ подагры немного ранее вынудил отправиться на воды в Филетту. Траурные церемонии возглавил ее сын Пьеро.

Зятя Лоренцо на похоронах донны Клариче тоже не было. Иннокентий VIII послал сына в Перуджу рассудить распри между семьями Бальони и Одди. Франческетто так и не удалось получить княжества, а между тем в апреле он был в полушаге от этого: 14 апреля в Форли заговорщики убили графа Джироламо Риарио. Кое-кто полагал, что Лоренцо и папа Иннокентий вполне могли вложить оружие в руки убийц, чтобы освободить графство Имола для Франческетто. Но вдова Джироламо Катарина Сфорца овладела цитаделью над городом, одолела заговорщиков и провозгласила наследником своего сына Оттавиано. Лоренцо по достоинству оценил этот смелый поступок. Он решил не сокрушать вдову Риарио, а отправился к ней и предложил ей руку Джованни ди Пьерфранческо Медичи, только что потерявшего юную невесту Луизу. Сам того не зная, он заложил тем самым основы могущества Медичи: ведь от этой четы много позже произошел род великих герцогов Тосканских.

Относительная неудача Лоренцо в Форли вскоре была возмещена успехом в Фаэнце. Галеотто Манфреди, владевший этой крепостью, собирался продать ее Венеции, что было бы очень опасно для Флоренции: ее территория становилась бы сопредельной с венецианской. 31 мая 1488 года Галеотто был убит своей женой Франческой. Она поступила так из ревности, а также по наущению своего отца Джованни Бентивольо Болонского, заинтересованного в присоединении Фаэнцы. Жители города, желавшие сохранить независимость, подняли восстание, объявив, что хотят перейти под покровительство Флоренции. Лоренцо только того и ждал: откликаясь на призыв, он отправил в Фаэнцу войска, а те по дороге овладели крепостью Пианкальдоли, которую граф Джироламо Риарио некогда отобрал у Флоренции. Заняв сильную позицию, флорентийские войска 9 июня захватили замок Фаэнца. Лоренцо взял Бентивольо в плен. Позже он отпустил его, а от маленького Асторре Манфреди отлучил мать-убийцу и взял его под флорентийскую опеку.

Так летом 1488 года Лоренцо наилучшим для Флоренции образом решил проблемы княжеств Романьи. Синьории Имолы и Фаэнцы практически стали его протекторатами. Был наконец-то создан пояс мелких государств — своего рода оборонительный рубеж перед флорентийскими границами. Этому благоприятствовало и то, что соседи республики, Милан и Венеция, были поглощены своими делами. Лодовико Моро приходилось считаться с соперничеством племянника, герцога Джан Галеаццо, которого

поддерживали его жена Изабелла Арагонская и тесть, герцог Альфонс Калабрийский. Что касается Венеции, продолжавшей вести борьбу с Турцией, ее сковывал второй фронт, открывшийся против Австрийского дома. Венецианские войска были заняты войнами с Сигизмундом, а затем с Максимилианом, в 1486 году избранным римским королем и вскоре объединившим под своей мастью все австрийские владения, в том числе и Тироль, откуда венецианской территории постоянно исходила угроза.

Пока Иннокентий VIII и Фердинанд Неаполитанский ссорились из-за дани и расправы над баронами, Лоренцо Медичи, сохранявший видимость великодушия и бескорыстия, прослыл прирожденным посредником, князем мира в Италии, раздираемой страстями и усобицами. Народ объявил Флоренцию центром равновесия. Глядя на нее, любая держава должна была уразуметь, какой политики следует придерживаться, чтобы сохранить стабильность в стране.

Глава 2. ФИНАНСОВЫЕ ТРЮКИ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО

Заговор Бальдовинетти и Фрескобальди. Непопулярность налогового пресса

Провал заговора Пацци дал Лоренцо Медичи возможность поставить правительство под свой контроль с помощью Совета семидесяти. Старинные советы непременно одобряли решения Совета семидесяти, а синьория проводила их в жизнь.

В июне 1481 года подавление нового заговора дало Лоренцо возможность косвенно показать, что он — подлинный глава государства. Все началось с недовольства двух именитых людей, которые сочли, что их несправедливо отстраняют от государственных должностей. Про одного из них, Маротто Бальдовинетти, было известно, что он поддерживает сношения с Джироламо Риарио. Другой, Баттиста Фрескобальди, бывший представитель Флоренции в Турции, арестовал Бернардо Бандини — одного из убийц Джулиано Медичи. Фрескобальди привез его к Лоренцо, но никакого вознаграждения от него за это не получил. Обидевшись, он задумал сделать то, что не удалось Пацци — убить Лоренцо. Но едва слух о заговоре дошел до окружения Лоренцо, злоумышленники сразу же были осуждены и 6 июня повешены на окнах Барджелло. Поспешная казнь многим показалась несправедливой — ведь заговорщики еще не успели ничего совершить. Однако синьория и Совет семидесяти решили дать острастку другим. Стало ясно, что всякий, покусившийся на Лоренцо, будет наказан беспощадно.

Такая строгость, возможно, была вызвана растущим недовольством налоговыми мерами, обеспечившими поступление средств для ведения войны с Неаполем и папой. Налог, исчислявшийся от оценки имущества, стал прогрессивным. В мае 1480 года он составлял 5 процентов для самых бедных, с доходом от одного до 50 флоринов, и 16,33 процента для самых богатых, получавших в год 1200 флоринов и более. В январе 1481 года налог на самых богатых был поднят до 22 процентов. Его называли «*decima scalata*» — «степенная десятина»: в пользу города должна была поступать десятая часть всех доходов флорентийцев, то есть как минимум 25 тысяч флоринов. Подушный налог, так называемая «капитация», тоже возрастал

пропорционально подоходному налогу: тот, кто платил 7 процентов подоходного налога, уплачивал 1 флорин 4 и 4/5 сольдо капитации, плативший же 22 процента — 4 флорина 4 и 4/5 сольдо.

Весной 1482 года, когда началась Феррарская война, налоговое бремя стало как никогда тяжелым.

5 марта было постановлено, что налоговые сборы должны достичь 150 тысяч флоринов в год, то есть шестикратно превысить «степенную десятину». Но в июне флорентийские войска выступили в поход, и это потребовало новых податей. Был учрежден еще один налог. Его называли *dispiacente sgravato* — чрезвычайный или, буквально, «неприятный уменьшенный»: налогоплательщик мог сам себе установить налоговую скидку до четверти ставки. Можно было получить и большую льготу, но не иначе как с разрешения синьории и коллегий.

Степенные десятины и чрезвычайные налоги поочередно взимались с сентября 1482-го по ноябрь 1488 года. Всего таким образом было собрано 44 чрезвычайных налога и 33 полудесятины. Граждане платили как наличными, так и зачетом процентов на суммы, вложенные в городскую кассу. Но иногда касса сама удерживала проценты — целиком, половину, треть или четверть, — чтобы погасить государственный долг, и тогда приходилось платить наличными. С 1485 по 1487 год так было двадцать шесть раз.

Финансовые последствия заговора Пацци для филиалов банка Медичи в Риме, Лионе и Флоренции

Фискальный пресс разорял и частных лиц, коммерческие предприятия вынуждены были вести все свои дела крайне осторожно. Банка Медичи после ликвидации его филиалов в Брюгге и Венеции это коснулось прежде всего: следствием заговора Пацци была конфискация собственности римского и неаполитанского филиалов.

В Риме конфискация сопровождалась отказом платить по долгам Апостолической палаты перед банком и запретом на торговлю с Флоренцией. Джованни Торнабуони был изгнан. Сикст IV передал право на добычу и сбыт квасцов, прежде принадлежавшие Пацци, крупным генуэзским купцам Чигала, Чентурионе и Дориа, которые в 1478—1480 годах заняли место флорентийцев.

Лишившись привычных льгот, Лоренцо был вынужден в июле 1478 года просить у миланского канцлера Симонетты огромный аванс в 30—40

тысяч дукатов. С мая по сентябрь того же года он занял у своих внучатых племянников Джованни и Лоренцо, младших сыновей Пьерфранческо Медичи, целое состояние — 53 643 флорина. В 1485 году молодые люди, достигнув совершеннолетия, потребовали вернуть деньги. Не имея средств заплатить, Лоренцо должен был отдать им виллу Кафаджоло и другие поместья в Муджелло, но полностью расплатиться с племянниками так и не смог. Значительную часть занятой суммы Лоренцо удержал якобы как долю участия Джованни и Лоренцо в убытках лондонского отделения и в многочисленных крупных расходах, к которым их отец Пьерфранческо на самом деле не имел ни какого отношения.

Пришлось переналаживать торговые и банковские связи смотря по обстоятельствам. В Риме в декабре 1481 года, как раз когда папа мирился с Флоренцией, Джованни Торнабуони заключил компромиссное соглашение с Апостолической палатой. В уплату долга Медичи Рим передавал свои запасы квасцов. Лучше было бы получить долг звонкой монетой, ибо сбывать сырье стало очень трудно: всю торговлю квасцами держали в руках генуэзцы, а филиалы Медичи в Лондоне и Брюгге, куда можно было бы вывезти минерал, уже не существовали. Впрочем, несколько позже (в 1485 году) фирме удалось вернуться в прибыльную торговлю квасцами, но ненадолго: время доходной торговли прошло. Оставалась банковская деятельность. Возвратив себе фавор у папы, Джованни Торнабуони вернул и доверие постоянных клиентов — вкладчиков. В 1483 году фондовые операции принесли значительную прибыль, а убытков зафиксировано не было. Так продолжалось как минимум до 1487 года. В этом году Торнабуони заключил со своим племянником Лоренцо Медичи новый партнерский договор. Прежняя компания была ликвидирована, 18 783 дуката разделены: три четверти отошло к Лоренцо, одну четверть получил его дядя. Доходы должны были делиться в той же пропорции, что и капитал старой компании. Новая компания должна была обеспечить контроль над филиалом. Было оговорено, что Джованни Торнабуони может забрать три тысячи дукатов, вложенные в лионский филиал, дела которого тогда сильно хромали. Тем самым он фактически готовился отойти от дел. Вскоре Джованни уехал из Рима во Флоренцию, возложив управление банком на своего племянника Онофрио. На положении конторы плохо сказывались крупные займы, которые Джованни в угоду брачной политике Лоренцо был вынужден выдать папе Иннокентию VIII, его сыну Франческетто, а также Орсини.

Франческо Сассетти, основного компаньона Лоренцо и главного управляющего банком Медичи, неприятности римского филиала задела

лишь косвенно. Но зато не ему тяжело ударило дурное управление лионским филиалом, где он был в доле с Лоренцо. Филиалом заведовал Лионетто Росси — муж незаконной сестры Лоренцо Марии. После смерти жены в 1479 году Лионетто уже не мог как родственник пользоваться снисходительным отношением Лоренцо. Ему следовало вести свои дела как можно осторожнее. Он же, наоборот, втянул контору в рискованные операции, вынудившие Лоренцо и Сассетти дважды посылать в Лион ревизора Лоренцо Спинелли — агента Медичи в Монпелье. Ревизии показали, что капитал филиала по большей части вложен в дорогие товары, ювелирные изделия и ковры, которые невозможно быстро продать, чтобы исправить торговый баланс Лион извлекал из римского банка такие суммы, что Джованни Торнабуони пришлось несколько раз отказываться от уплаты по его векселям. Наконец, выплаты французского духовенства Риму за свои патенты так долго задерживались в Лионе, что у этой конторы постоянно оставалась недоимка перед Апостолической палатой. Традиционные взаимозачеты международных банков на Лионской ярмарке также подпортили положение филиала банка Медичи.

Стало ясно, что Лионетто Росси своими действиями довел банк до неплатежеспособности. В 1485 году Лоренцо вызвал зятя во Флоренцию, где, по согласованию с Сассетти, арестовал его и посадил в Стинке, в 1487 году ненадолго отпустил и вновь посадил: Лионетто был должен прежним компаньонам 30 тысяч флоринов, заплатить которые никак не мог. Новый ревизор Агостино Билиотти установил, что дефицит филиала достиг астрономической суммы 50 тысяч экю. Чтобы спасти лионский банк от банкротства, необходимо было распустить старую управляющую компанию и создать новую в составе Лоренцо, Франческо Сассетти и Джованни Торнабуони — последний, очевидно, вступил в нее не без давления племянника. Лоренцо Спинелли назначили управляющим. Но ему не удалось восстановить дело. В мае 1488 года недужному старику Сассетти пришлось отправиться в Лион приглядеть за конторой, и оказалось, что новый управляющий ничуть не лучше старого. Спинелли присвоил себе огромную часть компенсации (3 тысячи экю), вынес из банка ювелирные изделия и другие драгоценности. Он давал займы самому себе — не из личной корысти, а чтобы отчетность выглядела лучше. Сассетти провел во Франции год и пять месяцев, пытаясь вернуть суммы, данные займам дворянам и высшему духовенству. Возврат этих кредитов позволил филиалу вновь удержаться на плаву. Но банк Медичи разделил общую судьбу всех итальянских банковских отделений в Лионе. В марте 1484 года правительство Карла VIII запретило вывозить золотую монету в Италию, а

также ввозить шелк и предметы роскоши во Францию. Впрочем, филиал продолжал играть важную роль в сношениях Флоренции с королевским двором: так, он вел переговоры с Людовиком XI о предоставлении юному Джованни Медичи аббатства Фондус. Но времена процветания филиала прошли. В марте 1490 года умер Сассетти, вместо него компаньоном стал его тщеславный и бестолковый сын Козимо. После этого дела покатились под гору еще быстрее.

Что касается других отделений банка Медичи, весьма разнообразные операции вел банк, находившийся в самой Флоренции — так называемая «Тавола», то есть «меняльная лавка». У него были большие торговые связи, особенно с Испанией и Левантом, откуда вывозились золото, серебро и другие ценные товары, в том числе шелк-сырец. Но основную прибыль «Тавола» получала от спекуляций с долговыми обязательствами «Монте» — флорентийского городского казначейства: банк покупал их по низкой цене, взимал по ним проценты и выгодно перепродавал. Немало давали и пункты обмена денег, открытые банком.

Во время заговора Пацци ответственность за флорентийское отделение возлагалась на Франческо Нори (он возглавлял лионский банк, но был изгнан из Франции, не сойдясь характером с Людовиком XI). 26 апреля 1478 года он был убит в Санта-Мария дель Фьоре, прикрывая бегство Лоренцо, и это место занял его помощник Лодовико Мази. В 1482 году в управление «Таволой» входили мажоритарные компаньоны Лоренцо и Франческо Сассетти, а с 1484 года также Джованни Торнабуони и Агостино Билиотти. Постепенно и во Флоренции дела пошли на спад.

В 1487 году крупные компаньоны, которым хватало и собственных проблем, вышли из дела, и Лоренцо остался один с мелким компаньоном Джамбаттистой Браччи. В 1494 году, после политического поражения Медичи Браччи пришлось ликвидировать «Таволу», конфискованную республикой вместе со всем состоянием Медичи. Но к этому времени банк Медичи, как и все флорентийские банки, уже утратил свои позиции. некогда процветавший цех менял практически сошел со сцены.

Положение дел в Неаполе, Милане и Пизе

14 июня 1478 года король Фердинанд объявил о конфискации всей собственности Медичи. Его чиновники арестовали товары на складах в апулийских Трани и Остун, заняли помещение банка в Неаполе и отобрали кассовые книги. В марте 1479 года после заключения мира

произошла реституция, но она не позволила возобновить дела: компромисса с двором достичь не удалось, сомнительные долги не вернулись. Джованни Торнабуони в Риме пришел в отчаяние, когда в 1481 году узнал, что неаполитанский филиал задолжал римскому 10 тысяч дукатов, ведь сам он вложил в этот филиал 7 тысяч и теперь не имел никакой надежды на их возмещение. В 1483 году строгая ревизия счетов показала, что убытки Медичи в Неаполе составили 30 тысяч дукатов. Франческо Нази поручили ликвидировать эту компанию. Нази справился с поручением успешно и даже основал новую компанию со сравнительно скромным капиталом 9500 дукатов, в которой наряду с Лоренцо был главным пайщиком. В 1490 году ей удалось стать прибыльной.

В 1478 году была проведена ликвидация миланского филиала. Ее поручили управляющему филиалом Ачеррито Портинари, который добился возвращения основных займов, а затем создал собственную компанию. Именно к нему 1 января 1481 года обратился нуждавшийся в деньгах Лоренцо. Ачеррито одолжил ему 2 тысячи дукатов, а взамен получил право пользования миланским помещением банка Медичи на пять лет. В 1486 году, когда этот срок истек, Лоренцо поручил Фолько Портинари продать этот дворец герцогу Лодовико Моро. Сделка эта принесла 4 тысячи дукатов. Мебель и ковры в стоимость дворца не входили.

Единственный в Италии банковский филиал, который приносил Лоренцо хоть немного прибыли, оставался в Пизе. В 1486 году он основал там вместе с Иларионе Мартелли недолго просуществовавшую компанию (вскоре в нее вошел Джованни Камби), которая стала контролировать товарищество («магону») из Пьетрасанты, занимавшееся главным образом экспортом железной руды с острова Эльбы, принадлежавшего синьорам Пьомбино. Железо, выплавляемое пистойскими и аретинскими мастерами, компания перепродавала в Рим, Неаполь и Палермо.

Доходы от этой деятельности были невелики по сравнению с теми, которые прежде получали от добычи и продажи квасцов. Что касается промышленных предприятий Медичи, то только одно из них теперь приносило прибыль — шелкоткацкая мануфактура во Флоренции. После падения Медичи в 1494 году она перешла к Лоренцо Торнабуони, сыну Джованни, и к ее капиталу в 7500 флоринов прибавилось 11 тысяч.

Проект реорганизации банковских структур. Государственная поддержка фирмы Медичи

В 1482 году после ликвидации важных филиалов в Брюгге и Венеции Лоренцо задумался о полной перестройке предприятия. Были созданы две новые компании. Первая, под управлением Франческо Сассетти, контролировала флорентийскую «Таволу» и филиалы в Лионе и Пизе. Другая, управляемая Джованни Торнабуони, — филиалы в Риме и Неаполе. Минимальный капитал двух компаний составлял 48 тысяч дукатов, 18 из которых дал Лоренцо, и по 15 Сассетти и Торнабуони. Планировалось привлечь миноритарных пайщиков еще на 20 тысяч дукатов. Приоритетным направлением становился шелк: предусматривалось расширение флорентийских мастерских и основание мануфактуры в Лионе под руководством Франческо Товальи.

Главным мотивом реорганизации было желание усилить контроль центральной конторы над всеми филиалами. Но она так и не состоялась, очевидно, из-за сопротивления филиалов, ревностно отстаивавших свою автономию. В 1486 году был составлен новый проект организации центральной компании, где главными пайщиками становились Лоренцо, Сассетти и Торнабуони, причем все они вносили долю и в местные филиалы. Но такая реорганизация зависела от Сассетти, а он к ней не стремился. До его смерти (31 марта 1490 года) ничего так и не было сделано.

В общем, структурная реформа буксовала, а между тем необходимо было решать насущные финансовые проблемы.

Займы, конечно, давали кое-какие возможности, но этого было недостаточно. Крупные финансовые предприятия Флоренции рушились одно за другим: в 1422 году их было 62, в 1470-м — только 33, а в 1494 году не осталось и полудюжины. Медичи продержались дольше других потому, что могли использовать государственные ресурсы. В январе 1495 года, сразу после их изгнания, коммуна потребовала от их представителей возместить 74 948 флоринов, которые городской казначей Франческо делла Тоза выдал Лоренцо и его агентам. Неизвестно, как Лоренцо распорядился этой весьма значительной суммой — возможно, так он вознаградил себя за услуги государству. Но тот факт, что ответственность за возмещение убытков была возложена и на Лоренцо Торнабуони, и на Джамбаттисту Браччи, в то время компаньона банка Медичи, заставляет предположить, что государственные средства использовались в личных интересах Лоренцо. Разумеется, банк Медичи имел возможность брать комиссию и с государственных расходов. Так, в народе ходили слухи, будто Лоренцо с выплат кондотьерам через банк Бартолини, в котором был пайщиком, брал себе 8 процентов. Но пока он был жив, никто не осмеливался предъявить

ему подобное или иное в том же роде обвинение.

Новые меры политического контроля

С июля 1481 года контроль над финансами осуществлялся Советом ста, но этот совет подчинялся Совету семидесяти, состоявшему из людей, преданных Лоренцо. Закон, изданный 17 сентября 1484 года, утвердил это положение дел. В 1489 и 1493 годах действие закона продлялось. Он давал Совету семидесяти полномочия ежегодно вновь утверждать порядок избрания Совета ста. Прежде собрание половины членов Совета семидесяти, то есть тридцати пяти человек, раз в два месяца избирало состав синьории. Чтобы избежать всяких разногласий внутри этой группы, было решено, что впредь Совет ста будет назначать пять человек из половинного состава Совета семидесяти специально для выборов синьории. Обоюдный контроль двух советов имел целью воспрепятствовать формированию оппозиции в одном из них.

Что касается других государственных структур, в частности администраций на территориях, новый закон о выборах от 17 сентября также делил контроль за ними между Советами семидесяти и ста. Совет семидесяти и действующая синьория назначали комиссию из 231 горожанина для отбора кандидатур, Совет ста определял 10 аккопьяторов, людей, составлявших списки кандидатов на каждую должность.

Пример избирательного собрания 1484 года, хорошо известного по описанию Пьеро Гвиччардини, дает представление, каким образом Лоренцо участвовал в важнейших политических событиях Флоренции. В избирательной комиссии должно было быть не более двух представителей одной семьи с правом голоса. Но синьория имела право увеличивать эту квоту для некоторых именитых семейств. Поэтому в числе избранных членов комиссии могло быть пятеро Медичи и четверо Ридольфи. В числе Медичи был юный кузен Лоренцо, Лоренцо ди Пьерфранческо, но его кандидатуру отвели под предлогом, что он имел налоговые задолженности. Возможно, это было следствием давления Лоренцо на синьорию: он как раз прилагал усилия, чтобы вернуть деньги, данные кузену в долг в 1478 году. Правда, вскоре Лоренцо Медичи, назначенный одним из десяти аккопьяторов, вписал его в списки кандидатов на замещение высших должностей в провинции — капитана или подеста Пизы. Лоренцо был готов сделать кузену протекцию, но только подальше от Флоренции.

8 тысяч имен, внесенных комиссией 1484 года в списки кандидатов в

состав синьории и ее коллегий, распределялись следующим образом: 6400 из этих граждан принадлежали к старшим цехам, 1600 — к младшим. Из числа первых 4250 принадлежали к знатым семьям — *gli popolani antichi nobili*. Наряду с прославленными Барди и Строцци, которых считали настоящими пополами, здесь были представители древних благородных фамилий — Альбицци и Перуцци, члены настоящих политических династий — Гвиччардини, Корсики, Содерини, а также представители новых людей (*genie nuova*), то есть буржуазии. Эта группа дала больше половины кандидатов, отобранных на три главные государственные должности. Десять аккопьяторов, в числе которых был Лоренцо Медичи, предпочитали дать шанс этим людям, от которых ожидали совершенной покорности, а не старинным семействам. Впрочем, Лоренцо настоял на том, чтобы старейшие пополанские семьи, поддерживавшие его, тоже получили свое.

Таким образом, выбор кандидатов был довольно гибким. Принимались во внимание и личные способности, и популярность группы, к которой человек принадлежал. В самом деле, «новые люди» приобретали и голоса своих деловых партнеров, происходивших из древних фамилий, и голоса выходцев из самых низких социальных групп, из которых вышли сами.

Личная роль Лоренцо в государстве. Его участие в финансовых, полицейских и военных комитетах

Лоренцо конечно же не ограничивался косвенным влиянием на политические процессы в республике. Он принимал у себя во дворце членов городских советов, поддерживал акции государства своими письмами и с помощью своих посланников. Историк Франческо Гвиччардини назвал его «любезным тираном», *tiranno piacevole*. С 1478 года до самой смерти в 1492 году он управлял Флоренцией в полном согласии со своими сторонниками, а это требовало единомыслия, основанного на точной оценке и гибком приспособлении к непредвиденно меняющимся обстоятельствам.

Среди качеств, позволявших Лоренцо удерживать политическое господство, следует отметить его равнодушие к традиционным титулам Флорентийского государства. В отличие от отца, он никогда не избирался членом синьории — именно это позволяло ему всегда стоять выше приоров и гонфалоньера. Зато он внимательно следил за финансовыми делами как член Комитета двенадцати прокураторов в 1484—1489 годах, как и

чиновник городского казначейства в 1487—1490 годах.

Дважды, в 1481 —1482-м и 1490—1491 годах плачевное состояние бюджета требовало создания специальной балии — так называемых балий Семнадцати реформаторов. Большинство современных историков, начиная с Реймонта и Перрана, вслед за Гвиччардини видело в этом временном учреждении новый комитет, поставленный над Советом семидесяти для его нейтрализации. Английский историк Николай Рубинштейн опроверг этот тезис. Совет семнадцати имел вполне конкретную, ограниченную по времени задачу: финансовое оздоровление государства. С этой целью в 1490 году ему и поручили провести непопулярную денежную реформу, что повредило и популярности Лоренцо, входившего в комитет.

Совет семнадцати решил вывести из обращения серебряные монеты старой чеканки под тем предлогом, что они изнашивались и почернели. Отчеканили новые, чистые деньги с содержанием серебра две унции на фунт, которые стоили на четверть дороже прежних. Соляной сбор у городских ворот и в провинции должен был оплачиваться этими монетами. Старую принимали только в городском казначействе за четыре пятых номинала. Само же государство выпускало их на рынок для уплаты долга по рыночной стоимости.

Таким образом, реформа временно сбалансировала бюджет: доходы государства выросли на 20 процентов. Но она вызвала резкий рост цен и сильнейшее недовольство народа манипуляциями с государственными займами, прекращением выплат по процентам, уменьшением дотаций государства на приданое. Восемь стражей (полицейский комитет) с большим трудом то здесь, то там предотвращали народные возмущения. Одно из них произошло в январе 1489 года. О нем рассказывал Гвидони — посол Эрколе д'Эсте. Некого молодого человека привлекли к суду за убийство агента, состоявшего на службе у Восьмерых стражей. Народ встал на его защиту и помог ему убежать. Но Восемь стражей схватили молодого убийцу. Старшины ходатайствовали перед Лоренцо о его помиловании. Среди них были троюродные братья Лоренцо и Джованни. Хозяин города наговорил им любезностей, а сам поторопил судей. Те вынесли смертный приговор, который тотчас был приведен в исполнение — убийца был повешен на решетке Барджелло. Четырех человек, помогших обвиняемому бежать, арестовали и приговорили к четырем ударам бичом и четырехлетнему изгнанию. Случай очень характерный: чтобы строго поддерживать порядок, Лоренцо не нужно было входить в полицейский комитет. Воля Восьми стражей была его волей. Когда он подавлял заговор Пацци, народ избрал его в состав Восьмерки, но через

восемнадцать дней он подал в отставку, желая показать, что злоумышленники наказываются за государственное преступление, а не из личной мести.

Зато во время войн, последовавших за заговором Пацци, он был неизменным членом военного комитета.

Роль Лоренцо в городских советах. Наказание Нери Камби

В делах городских советов Лоренцо Великолепный участвовал постоянно. В 1466 году он специальным декретом был назначен членом Совета ста вместо своего отца. В 1484 году, достигнув положенного возраста — тридцати пяти лет, он вошел в него уже вполне легитимно. Кроме того, с 1481 по 1489 год Лоренцо был членом Совета семидесяти и исполнял должность аккопьятора при выборе членов синьории. Наконец, роль аккопьятора в избирательной комиссии 1484 года, как мы видели, позволила ему повлиять на отбор доверенных людей, поставлявших впоследствии кадры для государства. Но Лоренцо не только назначал должностных лиц, он призывал их к порядку, когда это было необходимо.

Хронисты Джованни Камби и Аламанно Ринуччини приводят один случай, взволновавший жителей Флоренции. Это было в 1489 году, во время жеребьевки постов провинциальной администрации. Жеребьевку должна была проводить синьория вместе с коллегиями. Но в нужное время в Коллегии гонфалоньеров не собралось кворума. Приоры послали за отсутствующими. Нашли всех, кроме шестидесятилетнего Пьетро Боргини, который уехал на охоту. Он явился только поздним вечером в охотничьих сапогах и черной шапке. На другое утро синьория по предложению гонфалоньера справедливости Нери Камби решила наказать Боргини и еще трех уклонистов поражением в гражданских правах на три года.

Лоренцо Великолепный тогда был в Пизе. Возмущенный таким приговором, он передал синьории через своего канцлера приказ отменить решение. Приоры отказались. Тогда по настоянию Лоренцо Совет семидесяти и комитет по внутренним делам наказали трехлетним лишением гражданских прав самого гонфалоньера, а четырех членов коллегии восстановили в правах.

Общество сочло это решение справедливым. На самом деле Лоренцо схитрил, взяв под защиту якобы преследуемых. В сущности, они принадлежали к тому же привилегированному классу, что и Камби — единственная разница была в их положении по отношению к народным

массам. Члены коллегии были как бы представителями народа при синьории. Тронуть их — означало тронуть народ. Лоренцо не хотел ссориться с народом по процедурному вопросу. Удовлетворив горожан, он без труда завоевал себе популярность.

Между тем он по-прежнему жил жизнью простого гражданина. Лоренцо уступал дорогу любому, кто был старше его. Зная, что в Милане и в Риме его сыну Пьеро непременно предложат почетное место, он советовал ему скромно держаться во втором ряду. Он никогда не отказывался посетить в гостинице послов других иностранных держав или проезжих кондотьеров, хотя с течением времени все больше страдал от подагры и ревматизма. Если Лоренцо не мог явиться на собрание, он посылал туда своего представителя Пьера Филиппо Пандольфини, советы которого высоко ценил, или же своего канцлера Пьеро де Биббиену.

Но он всегда был в курсе всех дел и всегда умел выдержать паузу, чтобы вместе со своими советниками обдумать проблему и найти наилучшее ее решение. Каким бы напряженным ни был его распорядок дня, он находил время для расслабления и созерцания. В дипломате, финансисте и политике не умер коллекционер, знаток и любитель искусства, поэт. Официально Лоренцо был членом двух правительственных комиссий, отвечавших за культурную жизнь города. С 1472 по 1484 год он, как мы уже говорили, входил в правление Флорентийского университета, благодаря ему был создан университет в Пизе. Будучи членом комиссии дворцовых дел (*Gli operai del Palagio*) с 1479 года до смерти, он познакомился с величайшими художниками своего времени, и общение с ними, как и с представителями изящной словесности, доставляло ему одну из величайших радостей, доступных человеку.

Глава 3. ЧАСЫ МЕЧТАНИЙ

Роспись Сикстинской капеллы — триумф флорентийских мастеров

Следствием примирения Флоренции с Римом стало создание бесценного произведения искусства.

В 1475 году папа Сикст IV начал перестраивать большую капеллу Ватикана, примыкавшую к папской резиденции со стороны базилики Святого Петра. Именно в ней собирались консистории и конклавы, проходили папские мессы и торжественно оглашались постановления. Сикстинская капелла находилась на втором этаже дворца и сообщалась с покоем понтифика. Она замышлялась одновременно как тронный зал и как храм.

Весьма аскетичная архитектура этого помещения длиной тридцать метров, шириной тринадцать и высотой двадцать метров призвана была прославлять величие хозяина дворца. Но величие наместника Христова не могло утверждаться лишь восславлением его земной власти: оно должно было свидетельствовать о власти Того, на Ком зиждилась власть посредника между Небом и землей. Программа росписи капеллы предусматривала две серии фресок: жизнь Христа и параллельная ей жизнь Моисея — ее ветхозаветный прообраз.

Руководителем работ папа избрал тридцатидвухлетнего умбрийца Пьетро Вануччи, родившегося в окрестностях Перуджи, из-за чего он и был прозван Перуджино. Но масштаб предприятия требовал участия многих художников. Ни один город, кроме Флоренции, не мог дать столько живописцев, способных воплотить этот замысел. Как только кончилась война, синьория и Лоренцо послали трех своих соотечественников в помощь Перуджино, который работал с ними вместе еще в мастерской Верроккьо.

Сорокадвухлетний маститый художник Козимо Росселли заканчивал тогда фреску в монастыре Благовещения. Доменико Бигорди по прозвищу Гирландайо и Сандро Филиппи, носивший прозвище Боттичелли (тому и другому было около тридцати лет), только что завершили прекрасные фрески в монастыре Оньисанти. 27 октября 1481 года все они получили папский заказ. Вместе с Перуджино мастера подрядились написать десять фресок за полгода. Первые четыре фрески были сданы в январе 1482 года;

каждую оценили в 250 дукатов. Всего было написано двенадцать фресок в нефе и три над главным алтарем. Эти фрески («Рождество», «Вознесение», «Обретение Моисея в корзине») принадлежат Перуджино; позднее поверх них Микеланджело написал «Страшный суд».

Работа спорилась. У каждого мастера была команда помощников. Например, у Перуджино служил молодой Пинтуриккьо, у Росселли — мальчик Пьеро ди Козимо. Когда началась Феррарская война, дело застопорилось: папа выступил на стороне Венеции против Флоренции, и флорентийцы в Риме опять стали нежелательными гостями. Лоренцо отозвал своих послов, и 14 мая 1482 года они покинули Рим. Вместе с ними на родину вернулся и Гирландайо, вскоре он женился, а затем снова уехал в Рим, чтобы закончить работу. Но флорентийским художникам в Риме стало совсем неуютно, и осенью они отбыли на родину. Папе пришлось вызвать других живописцев, в том числе уроженца Кортонь Луку Синьорелли с помощником Бартоломмео делла Гатта. Когда роспись наконец была завершена, Сикст IV 15 августа 1483 года освятил капеллу.

Слух о дивных фресках Сикстинской капеллы распространился по всей Европе. Зрители не могли отвести глаз от изображенных на них персонажах. В них узнавали реальных людей, которые состояли при папском дворе, или приезжали к понтифику в составе посольств, или служили в банках, лавках и казармах, расположенных вокруг Ватикана. С восторгом узнавали Джироламо Риарио с маршальским жезлом на фреске Боттичелли «Искушение Христа», управляющего банком Медичи

Джованни Торнабуони, его сына Лоренцо и знаменитого гуманиста Иоанна Аргиропулос в «Призвании Петра и Андрея» Гирландайо.

Боттичелли «Искушение Христа», фрагмент

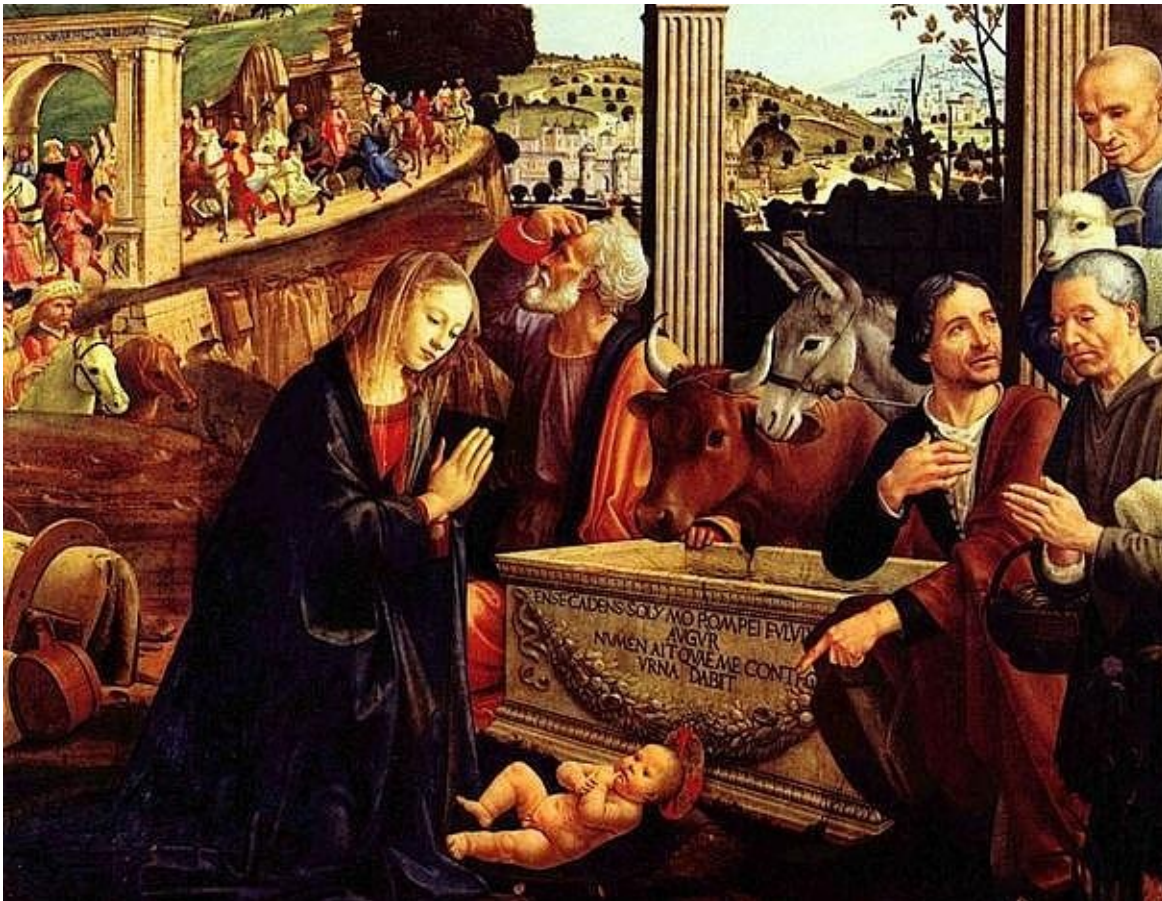
Позже именно реалистическая манера исполнения сикстинских фресок побудила зрителей искать в них намеки на современные события. Гибель фараонова войска при переходе через Красное море толковали как воспоминание о победе при Кампо Мурто; наказание Корея, испепеленного Господней молнией, — как отлучение архиепископа Замометича, вручение ключей апостолу Петру — как образ мира с Неаполем. Все эти толкования были конечно же ошибочны. Фрески были заказаны задолго до этих событий. А воплощают они идею, вычитанную католическими экзегетами в Ветхом и Новом Завете: первенство римского престола и данная ему Богом власть даровать спасение людям.

5 октября 1482 года Перуджино, Гирландайо и Боттичелли вернулись во Флоренцию и вскоре получили заказ на роспись зала Лилий во Дворце синьории.

Гирландайо и капелла Сассетти в церкви Санта-Тринита

Флорентийским старшинам так понравились портреты приближенных папского двора на ватиканских фресках, что они пожелали и себя увековечить на стенах капелл в родном городе.

Надо сказать, что Джованни Торнабуони приглашал Гирландайо работать в Риме еще до заговора Пацци: он заказал ему фрески в Санта-Мария sopra Минерва, где похоронил свою супругу Франческу ди Лука Питти, скончавшуюся в 1477 году. Франческо Сассетти, товарищ и соперник Торнабуони в делах, не желал отстать от него. Он только что закончил строительство роскошной виллы в Монтуги и собирался устроить себе достойную своего богатства погребальную капеллу. Переговоры с монахами Санта-Мария Новелла закончились ничем. Тогда Сассетти договорился с церковью Санта-Тринита, расположенной неподалеку от своего городского дворца. Ему выделили северную капеллу на хорах. Там он велел выбить напротив друг друга по обе стороны от алтаря две ниши под арками, украшенными резьбой. В нишах установили для него и для его жены Неры Кореи порфиновые саркофаги работы Джулиано да Сангалло. Вокруг гробниц по заказу Сассетти Гирландайо изобразил его символы — кентавра и пращу, а также написал гризайлем сцены в античном духе и на сводах — фигуры сивилл. Но главное внимание было уделено алтарной части. Для нее Гирландайо написал картину «Рождество»: пастухи (в которых можно узнать коммерсантов из семьи Сассетти) преклоняют колени перед Младенцем Иисусом, изображенным у подножия саркофага. Святой Иосиф смотрит вдаль — там поднимаются в гору три волхва (тонкий намек на семью Медичи). В общем, как и было принято, библейские сцены на картине содержали намек на современность.

Доменико Гирландайо, "Рождество"

Над алтарем расположено несколько рядов фресок. Здесь художник изобразил эпизоды жития святого Франциска — покровителя Сассетти. Есть среди них и чудо, случившееся рядом с церковью Санта-Тринита — на той площади, где стояли дворцы Сассетти, Спини и Джанфильяцци. Благодаря святому Франциску там был воскрешен мальчик из семьи Спини, выпавший из окна и разбившийся насмерть. На фреске изображен мальчик, поднимающийся с ложа, и Франциск, с неба благословляющий его. Созерцают это чудо известные современники Сассетти — по словам Вазари, это Мазо дельи Альбицци с прелестными дочерьми Альбьерой и Джованной, Аньоло Аччайуоли, и Палла Строцци.

На верхней фреске, якобы изображающей утверждение устава францисканского ордена Гонорием III в 1223 году, в самом парадном виде написаны Сассетти с сыновьями, а вместе с ними и Лоренцо Великолепный со своими сыновьями Пьеро, Джованни и Джулиано. Дети поднимаются по лестнице; перед ними идет их наставник Полициано, а сзади — Маттео Франко и Луиджи Пульчи. Лоренцо с полуулыбкой смотрит на церемонию, стоя между стариком, в котором иногда признают Антонио Пуччи, и своим

главным управляющим Сассетти. Рядом с Франческо Сассетти — его младший сын Теодоро. Спокойная и величественная фигура Лоренцо в длинном пурпурном плаще привлекает больше внимания, чем папские служители, изображенные на переднем плане. В глубине фрески — площадь Синьории. Там, перед дворцом, собираются по двое, по трое горожане и ведут разговоры. Папа на престоле и преклонивший вместе с кардиналами колени святой Франциск — чуть ли не статисты, посетившие официальную церемонию в синьории, одну из тех, что слепили глаза своим блеском, покуда в сторонке Лоренцо и его приближенные вершили свои дела.

Вот так благодаря Сассетти и Гирландайо церковь Санта-Тринита стала местом своеобразного поклонения Лоренцо Великолепного. Главная капелла церкви тоже была расписана ныне утраченными фресками, где изображался Лоренцо в окружении видных представителей флорентийского общества. Бонджанни Джанфилляцци, которому Лоренцо много раз поручал важные миссии и чей дворец тоже стоял недалеко от Санта-Тринита, заказал их учителю Гирландайо — Алессіо Бальдовинетти. Заказчик с семейством был изображен на них рядом с Лоренцо, Луиджи Гвиччардини, Лукой Питти, Филиппо Строцци и другими знаменитыми флорентийцами.

Санта-Тринита стала как бы пантеоном фамилий, близких к Медичи. Недалеко от капеллы Сассетти, в капелле Ардингелли, в 1501 году была похоронена муза Лоренцо Лукреция Донати. Но другие магнаты отдавали предпочтение собору Санта-Мария Новелла — большой церкви монастыря, где останавливался папа, приезжая во Флоренцию, а не маленькому приходскому храму.

Фрески Гирландайо в Санта-Мария Новелла

15 декабря 1486 года Гирландайо, согласно контракту, заключенному с Джованни Торнабуони 1 сентября того же года, начал расписывать хоры в Санта-Мария Новелла. Завершил он эту работу через пять лет. Хоры, освященные 27 декабря 1490 года, представляют собой поистине грандиозный памятник во славу Медичи, с которыми Торнабуони был тесно связан: его сестра Лукреция была матерью Лоренцо.

Капелла Торнабуони, расположенная на хорах, как и капелла Сассетти, носила погребальный характер. Ее предназначение — сохранить память о Джованни и его супруге Франческе Питти. Они изображены коленопреклоненными по обе стороны от алтаря. Вокруг же них, и в сюжетах жития Иоанна Крестителя (патрона Торнабуони и Флоренции) на правой стене, и в эпизодах земной жизни Богородицы на левой стене, можно видеть множество лиц из окружения Лоренцо. Однако с точностью опознать среди них его самого не удалось.

Из двадцати одного персонажа на фреске «Явление ангела Захарии» идентифицированы Джованни Торнабуони, в окружении семьи, слева от ангела — члены семейств Медичи, Сассетти, Торнаквинчи, на первом плане — гуманисты и близкие друзья Лоренцо Кристофоро Ландино, Марсилио Фичино, Анджеоло Полициано и Джентиле Бекки.

В сценах «Рождества Иоанна Крестителя» и «Рождества Богородицы» много женских персонажей. Новорожденной Марии, которую подносят к купели, поклоняется дочь Джованни Торнабуони Лудовика, миловидная девушка лет четырнадцати-пятнадцати в богатом уборе. За ней изображены четыре благородные дамы, одну из которых, во втором ряду, принимали то за Джиневру Бенчи, которой Лоренцо посвятил два духовных сонета, то за его жену Клариче Орсини. На фреске «Рождество Иоанна Крестителя» среди женщин, посещающих роженицу, возможно, изображена Лукреция Торнабуони, мать Лоренцо. Ее голова покрыта белой вуалью.

ними свою подпись. За грандиозную работу они по контракту должны были получить 1400 больших золотых скудо, если, как в нем было сказано, «заказчик обнаружит славу своей семьи и дома». Контракт был выполнен. Можно представить себе радость Торнабуони и его племянника Лоренцо Великолепного, когда они прочли латинскую надпись на правой арке храма в «Явлении ангела»: «Лета 1490, когда град сей, прекрасный из прекрасных, славный богатством, победами, искусствами и памятниками своими, наслаждался изобилием, здоровьем и миром».

Мозаики и миниатюры

Церкви Флоренции производили огромное впечатление своими фресками и мозаиками, которые Лоренцо Медичи особенно любил. В 1490 году Вазари записал разговор Лоренцо с экстравагантным художником Граффьоне об украшении собора Санта-Мария дель Фьоре.

«Хочу украсить его мозаиками и лепниной», — сказал Лоренцо. «Но у вас нет для этого мастеров», — ответил Граффьоне. Лоренцо возразил: «У нас столько денег, что и мастеров сделаем». — «Нет, Лоренцо! — воскликнул Граффьоне. — Не деньги делают мастеров, а мастера деньги». Впрочем, денег и вправду хватало: после закрытия одного за другим зарубежных банковских филиалов во Флоренцию возвращались большие суммы денег, и их предпочитали вкладывать не в рискованные предприятия, а в роскошные сооружения. Притом что работа художников оплачивалась в общем-то скромно, золотой поток питал все новые и новые проекты. Лоренцо по достоинству оценил реставрацию мозаик баптистерия Сан-Джованни, начатую в середине века, которой долго занимался Алессіо Бальдовинетти. Он же восстановил и мозаики Сан-Миниато-аль-Монте.

Благодаря этим работам Флоренция превзошла в мозаичной технике даже Венецию. Лоренцо Великолепный желал, чтобы его город сохранил первенство в искусстве, которое Гирландайо считал «истинной живописью для вечности». Живописцы с удовольствием переквалифицировались в мозаистов: братья Гирландайо работали в соборе по заветам Алессіо Бальдовинетти. Соборную дверь, выходящую на Виа деи Серви, они увенчали образом Благовещения, украсили мозаикой малые своды капеллы Сан-Дзаноби и обход хоров.

В их артель входили братья Герардо и Монте дель Форра, перешедшие к мозаике от книжной миниатюры. С 1470 года у них была мастерская, изготавливавшая как великолепные богослужебные книги для церквей и

монастырей Флоренции, так и списки античных текстов. Эти подлинные античные работы находились во многих флорентийских библиотеках, в том числе и у Лоренцо, равно как и сочинения Дидима и Псалтырь, изготовленные для венгерского короля Матвея Корвина и взятые Медичи в счет уплаты его долга. Кроме братьев Фора ценились иллюминаторы Аттаванте Аттаванти и Джованни Боккарди.

Миниатюра оказала большое влияние на эволюцию художественных вкусов. В людях, которые ежедневно разглядывали их в часы медитации и молитвы, они пробуждали мечтательность. Медальоны с различными персонажами, путти, стилизованные листьями и плодами, с детства определяли взгляд на мир. Первый учебник по математике маленького Джулиано, сына Лоренцо, был иллюстрирован прелестными рисунками купцов и тюков с товарами. Часослов Лоренцо читал по книге, разрисованной цветами миниатюристом Франческо д'Антонио. Он изучал переводы Фичино с греческого в рукописях, украшенных портретами знаменитостей. Когда во Флоренции за его счет были напечатаны «Творения Гомера», Лоренцо отдал иллюминировать свой экземпляр. Между прочим, в книге появился его портрет в ярко-красном одеянии, пилимо, работы Гирландайо.

Любовь к миниатюре унаследовали и дети Лоренцо. Папа Лев X, в частности, велел Джованни Боккарди исполнить портрет своего отца на переплете рукописи, ныне хранящейся в Национальной библиотеке в Париже. На полях этой книги множество традиционных эмблем Лоренцо Медичи: шесть (вместо восьми) шаров, страусовые перья с девизом «Semper» («Всегда»), лавровые ветви, сучья с обрубленными ветвями, а также более редкие: улей — символ трудолюбивого негоцианта и политика, и попугайчик — символ знатока, с французским девизом: «Nul ne le set (вместо sait) qui ne l'essaie» — «Кто не смеет, тот не умеет». Богатство образов объясняет, почему миниатюристов привлекали в артели мозаистов: там также надо было на ограниченном пространстве изобразить сложные декоративные символы. А мозаики собора братья дель Фора создавали вместе с Сандро Боттичелли, тоже мастером изящных живописных аллегорий.

Символика Боттичелли

К 1482 году Боттичелли был уже маститым художником. Он получал заказы от богатых семей и монастырей. Дружба с Лоренцо, который был

моложе художника на четыре года, и его юными кузенами Лоренцо и Джованни ди Пьерфранческо Медичи принесла Сандро положение официального живописца.

Дело в том, что Боттичелли умел ловко вставлять в библейские сцены фигуры современников. Но умел он и отвлекаться в своем религиозном творчестве от излишней конкретики, чтобы привнести в картину чисто духовное содержание. Его Мадонны находятся вне пространства и времени — в самом раю.

Подчеркивая эту вневременность, художник сознательно пренебрегал законами перспективы. Изящные фигуры персонажей, которых он выводил на сцену в «священных триумфах», лишены объема и массы. Главное действие разворачивается на заднем плане, на переднем — второстепенные сцены. Такая манера как нельзя больше подходила для картин на мифологические сюжеты, в которых герметизм изображаемых поз и обстановки создавал удивительную атмосферу посвящения в тайну.

Большие картины Боттичелли, принадлежащие к этому циклу, долгое время считались аллегориями с неким скрытым смыслом. В XIX веке в них видели свидетельство разрыва с предшествовавшей эпохой, отмеченной обскурантизмом и узкой христианской ортодоксией. В этом качестве они и прославились как образцовые явления Ренессанса. Ныне мы знаем, что язык Античности, с восторгом примятый, когда гуманисты заново открыли язычество, вполне естественно сменил или, вернее, смешался с аллегорическим языком того, что много позже назовут Средними веками.

Смысл этих символов стал предметом споров целых поколений толкователей, и гипотез на этот счет было не меньше, чем цветов на чудесной лужайке под ногами «Весны». Последние исследования позволяют предположить, что четыре самые знаменитые языческие картины Боттичелли «Марс и Венера», «Весна», «Паллада и Кентавр» и «Рождение Венеры» написаны по случаю бракосочетаний в именитых семьях из окружения Лоренцо Медичи.

Картина «Марс и Венера» — возможно, панно, висевшее над брачным ложем. Предполагают, что она была написана по случаю бракосочетания в семье Веспуччи. В ней отражено учение неоплатоников: Марс дает людям силу, но властвует над ними Венера. Игра амуров, насмехающихся над обнаженным воином, описана в античной поэме Лукреция.

«Весна» и «Паллада» написаны в 1482 году для Лоренцо ди Пьерфранческо, юного кузена Лоренцо Великолепного. Долгое время считалось, что первая из них выполнена в 1478 году для виллы Каstellо, где ее видел Вазари в XVI веке. Более поздние исследования позволили

выдвинуть другую гипотезу. Известно, что в 1476 году, после смерти Пьерфранческо, Лоренцо Великолепный стал опекуном его сыновей: Лоренцо, родившегося в 1463 году, и Джованни, родившегося в 1467-м. Им принадлежала половина капитала в фирме Медичи. Юным Медичи была выделена и часть виллы Треббио в Муджелло. В 1476—1478 годах они купили другую виллу, ближе к Флоренции — Кастелло, но жили обычно в городском дворце на Виа Ларга рядом с большим палаццо Медичи. Мы уже знаем, что в 1478 году им пришлось выдать Лоренцо крупную сумму 53 643 флорина, за что они потом получили виллу Кафаджоло и другие поместья в Тоскане. Но Лоренцо Великолепный не ограничился этой компенсацией. В 1482 году он женил Лоренцо-младшего на богатой невесте — Семирамиде ди Якопо Арпиани, дочери владельца Пьомбино. В его владениях находился остров Эльба с железными рудниками — фирма Медичи расширяла свою коммерческую деятельность как раз в этом направлении. Таким образом, Лоренцо Великолепный вновь косвенно уплатил по счету молодому Лоренцо. Впрочем, он не раз оказывал ему и другие знаки внимания, например, в 1483 году отправил послом во Францию с поздравлением Карлу VIII по случаю его вступления на престол.

«Весна» и «Паллада» были написаны в 1482 году по случаю свадьбы Семирамиды как парные и украшали, очевидно, переднюю супружеской спальни в городском дворце Лоренцо-младшего. Уже позднее их перевезли в Кастелло.

«Весна» изображает сад Венеры. Под апельсиновыми деревьями, усыпанными плодами, летает Купидон; Меркурий, изящный полуобнаженный юноша, указывает на небо. Три Грации танцуют. В центре на втором плане стоит сама Венера в целомудренной одежде; подняв руку, она словно распоряжается празднеством. В правой части картины Флора в богатом платье, расписанном цветами. Из-за кустов вылетает Зефир, преследующий нимфу Хлориду. Эта сцена буквально воспроизводит отрывок из «Фастов» Овидия. Грации, возможно, символизируют три супружеские добродетели: Невинность, Красоту, Любовь. Вывод навеян Фичино: планета Венера — знак доброжелательства и учтивости. На этом основании некоторые исследователи толковали «Весну» как изображение гороскопа супругов.

У картины «Паллада и Кентавр» было несколько толкований. Долгое время самой распространенной была гипотеза, что это политическая аллегория во славу победы Медичи над Пацци. Ныне она полностью отвергнута. Богиня мудрости, ухватившая за волосы кентавра (символ скотских стремлений и потребностей), в платье с рисунком в виде

драгоценных перстней (одной из эмблем Медичи), олицетворяет победу целомудрия и благородных страстей над развратом. Похожая аллегория была и на штандарте, написанном Боттичелли в 1475 юлу для турнира Джулиано Медичи.

В «Рождении Венеры» выведены на сцену персонажи, уже знакомые по «Весне». Зефир в обнимку с Хлоридой летит навстречу большой морской раковине, на которой, как на корабле, плывет обнаженная Венера. Справа на берегу, к которому причаливает богиня, нимфа, одетая подобно Флоре в «Весне», протягивает ей драгоценное покрывало. Иногда ее считали одной из мифологических Ор.

Возможно, эта композиция навеяна «Стансами» Полициано, но в ней можно видеть и реконструкцию античной картины Апеллеса «Афродита Анадиомена», на которую Боттичелли получил заказ. Ему было поручено повторить и другой шедевр греческого художника — «Клевета», где изображена прекрасная юная женщина, обнаженная, как и Венера, терпящая муки от злодеев.

В «Рождении Венеры», как и в «Весне», гуманизм выступает под знаком Венеры: человечность рождается для цивилизованности, рождается из ничего и вступает на брег Природы, приветчающей и одевающей ее.

Эта картина, как считается, написана позже «Весны», вероятно, в 1483 году и, возможно, также по случаю бракосочетания.

В это время готовилась свадьба двоюродного брата Лоренцо Медичи Лоренцо Торнабуони и Джованны дельи Альбицци. Недалеко от Кареджи у Торнабуони была вилла, на месте которой уже в новое время построили виллу Лемми. Боттичелли получил заказ на роспись виллы Торнабуони, ныне эти росписи выставлены в Лувре. В лоджии можно видеть Джованну, стоящую перед Венерой и нимфами (в которых иные видели основные добродетели), а напротив — Лоренцо Торнабуони^[5], которого божество вводит в круг семи женщин, олицетворяющих искусства. И этот сюжет написан под влиянием учения Фичино: вступление в высшую жизнь

совершается пол знаком Венеры, но через знания.

Лоренцо Великолепный любовался творениями Боттичелли не только в домах родных и друзей. Он и сам заказал ему в 1484 голу роспись виллы Спедалетто. Этот дом, как и вилла Торнабуони, был загородной дачей, где Лоренцо лечился. Лоджию, место отдыха, кроме Боттичелли расписывали Гирландайо, Перуджино и Филиппино Липпи. От этих фресок ничего не осталось. На них были изображены античные боги: так, Гирландайо, согласно Вазари, написал Вулкана с помощниками, кующего грома Юпитера.

Филиппино Липпи и страсть к фантастике

Привлеченный к росписям Спедалетто молодой Липпи был сыном великого Филиппо Липпи, любимого художника Козимо Медичи, и бывшей монахини из Прато Лукреции Бути. В одиннадцать лет Филиппино осиротел, был воспитан сотрудином отца фра Диаманте и очень рано взял в руки кисти, работал в Сполето, Прато и других местах. В 1472 году пятнадцатилетний Филиппино стал учеником и ближайшим другом Сандро Боттичелли. В 1488 году Лоренцо на свои деньги заказал Филиппино роскошную гробницу для его отца Филиппо Липпи в Сполето. Незадолго до начала работы в Спедалетто Филиппино закончил роспись капеллы Бранкаччи в монастыре Кармине. Там на фресках он изобразил, по моде того времени, многих флорентийцев. В «Воскрешении сына Феофила апостолом Петром» это была впечатляющая группа уже усопших, которых он писал, как правило, с посмертных масок. Среди них — Луиджи Пульчи, Пьеро Гвиччардини, Никколо и Томмазо Содерини. Зато на фреске «Апостолы Петр и Павел перед проконсулом» Филиппино изобразил лица современников: изящный профиль Антонио Поллайоло, коротко стриженный Боттичелли, а на переднем плане самого себя.

Затем живописец получил заказ от синьории: большая картина Мадонны для зала Совета. Комиссия дел дворца оформила этот заказ 27 сентября 1485 года, позволив Лоренцо Медичи назначить весьма высокую цену.

Возможно, по рекомендации Лоренцо Филиппино получил заказ на роспись капеллы кардинала Караффы в церкви Санта-Мария sopra Минерва в Риме, где он встретился с другим протеже Великолепного — Антонио Поллайоло, которому было поручено сделать надгробие для Сикста IV. И все-таки именно во Флоренции, в капелле Строцци, Филиппино удалось создать свое самое интересное произведение. Оно было заказано в 1487 году, работа над ним началась в 1489-м и потребовала много лет. В этом монументальном ансамбле языческая символика переплетена с христианской. Богоматерь и патриархов окружают ангелы, нимфы, музы и сфинксы. Темы призвания апостолов Филиппа и Иоанна Богослова решены весьма необычно. Император Домициан судит апостола Иоанна у колонны, к которой прилеплена голова фавна, а над ней развевается римский штандарт.

Друзиана Эфесская воскресает перед двумя странными храмами у алтаря Дианы, который украшен масками фавнов и пленных. На алтаре выбит девиз: «Orgia (Оргия)».

Наконец, «Чудо апостола Филиппа пред алтарем Марса» — торжество фантастического искусства. Окружающий идол Марса портик с его доспехами, крылатыми статуями Победы, кариатидами и атлантами живет какой-то особой мистической жизнью. Фон здесь — не украшения из золота, слоновой кости или металлов, а толчея зловещих темных сил, грозно наступающих на апостола, потрясая копьями. Но победоносный жест Филиппа, обращенный к мерзкому чудовищу, повергнутому к его стопам, разрушает кошмарное видение.

«Чудо апостола Филиппа пред алтарем Марса»

Лоренцо ценил в Филиппино фантазию, способность усваивать уроки древних и подражать им. Время от времени художник писал аллегорические картины странного содержания.

В «Аллегии любви» единорог окунает свой рог в отравленный источник. «Раненый кентавр» испускает дух у входа в пещеру, где живет его семья. Изящная и светлая «Аллегория музыки» изображает музу Эрато, которая вместе с двумя амурами привязывает шелковым поясом лебедя поэзии; на замшелом жертвеннике — голова оленя с рогами в виде лиры и, как живая, наблюдает за происходящим; вдали блестит необъятное светлое море, а на первом плане в пруду под темными ветвями плавают три лебедя.

«Аллегория любви»

В этой картине видели иллюстрацию к эклоге Лоренцо Медичи «Аполлон и Пан»:

Nell' aque all' ombra delle sacre fronde
Cantan candidi cigni dolcemente:
L'acqua riceve il canto e poi risponde...

Чистейший лебедь сладко воспевает
Там у воды в сени ветвей священных;
Вода, услышав пенье, отвечает...

Живопись и поэзия непрестанно обмениваются мыслями. Они черпают вдохновение из одних источников — Природы и Философии, облаченных в языческие символы. Многочисленные связи возникают и с другими искусствами. Все художественные и литературные творения отмечены эзотеризмом и принимают иерархию ценностей, внушенную учением Фичино.

Андреа Верроккьо

Среди скульпторов самым любимым мастером Лоренцо оставался Андреа Верроккьо. В память о любимом брате, жертве заговора Пацци, он изваял бюст Джулиано в виде улыбающегося юного античного воина. Он же сделал терракотовый портрет Лоренцо в парадной одежде и шляпе.

Эта статуя послужила многим художникам в некотором роде образцом официального портрета. В XVI веке живописец Бронзино написал с нее чудесный портрет.

Неизвестно точно, кого изображает бюст «Дама с букетом», выполненный около 1480 года. Предполагали, что это Лукреция Донати.

Скульптор акцентирует внимание на изящных руках красавицы, прижавшей к груди букет цветов. Между тем рука, держащая цветы, — один из излюбленных мотивов в сонетах Лоренцо:

Прекрасной, тонкой, нежною рукою...

(Сонет VI)

Прекрасных, свежих пурпурных фиалок.
Что собраны белейшими руками...

(Сонет VII).

Среди других работ, заказанных Верроккьо, — надгробный памятник Франческе Питти — жене Джованни Торнабуони, скончавшейся от родов в 1477 году и похороненной в Риме, в Санта-Мария sopra Минерва, в капелле, расписанной Гирландайо. Лоренцо был связан с теткой нежнейшей дружбой, и, несомненно, именно он пригласил Верроккьо исполнить этот памятник.

Лоренцо иногда заказывал художникам работы для подарков иноземным государям. Так, Верроккьо, по словам Вазари, было поручено исполнить барельефы с античных голов в подарок венгерскому королю Матвею Корвину. Кроме того, он разрешил скульптору поехать в Венецию сделать модель для статуи Коллеони — великого кондотьера Светлейшей республики. Верроккьо умер в 1488 году, не доведя работу до конца, но конная статуя, законченная его продолжателями, стоит в городе как свидетельство величия скульптора.

Джулиано и Бенедетто да Майяно

Братья Джулиано и Бенедетто да Майяно тоже внесли свой вклад в расцвет искусства эпохи Медичи. Лоренцо посылал их, как и Верроккьо, в заграничные командировки — в Рим, Милан, Неаполь, Венецию. Братья родились в небогатой семье каменотеса и резчика по дереву. Сначала работу им давали Пацци: в своей капелле церкви Санта-Кроче, где братья исполнили монументальную деревянную дверь, в палаццо и на вилле Монтуги. После заговора они перешли в клиенты к Медичи. 1 апреля 1479 года Джулиано да Майяно, очевидно по рекомендации Лоренцо, был назначен распорядителем работ во Флорентийском соборе. В Неаполе он построил в духе Витрувия и Альберти виллу Поджо Реале для Альфонса, герцога Калабрийского. Его брат Бенедетто занимался главным образом скульптурой. В 1480 году он как скульптор вместе с Джулиано работал во Дворце синьории над огромной дверью между Залом приемов и Залом лилий: у портала стоят его статуи Справедливости и Младенца Иоанна Крестителя. В 1490 году Лоренцо поручил ему изваять бюсты Джотто и музыканта Антонио Скварчалуппи, которыми хотел почтить знаменитых людей, поставив эти бюсты во Флорентийском соборе. Немного позднее Бенедетто выполнил гробницу и надгробный бюст Филиппо Строцци в Санта-Мария Новелла. Вместе с Джулиано да Сангалло он участвовал в строительстве большого городского дворца Строцци.

Бенедетто да Майяно. Палаццо Строчи во Флоренции. Внутренний двор.

Очевидно, именно к этому времени относится созданный им бюст Лоренцо Медичи, хранящийся в Праге. Эта малоизвестная скульптура — один из самых живых портретов Лоренцо: некрасивое лицо с большим носом уточкой и тяжелым подбородком, но легкая улыбка губ и глаз отражает ум и доброту.

Шедевры Сангалло

Вслед за великим Альберти немало архитекторов стали подлинными миссионерами возврата античных форм. Некоторых из них Лоренцо посылал к другим дворам как послов флорентийского искусства, например. Луку Фанелли в Мантую. Больше всех Лоренцо Великолепный ценил Джулиано Джамберти по прозвищу Сангалло. Он был на шесть лет старше Лоренцо, в молодости работал в Риме на строительстве собора Святого Петра и дворца Сан-Марко при Павле II, а также во Флоренции в палаццо Медичи, где вместе со своим отцом Франческо Джамберти резал спинки скамеек. Во время войны Пацци со своим учителем Франчоне и еще одним зодчим, Франческо д'Анджело по прозвищу Ла Чекка, он как военный архитектор выполнял фортификационные работы.

Джулиано да Сангалло

В 1485 году Франческо Сассетти поручил Сангалло сделать саркофаги для него и для его жены в церкви Санта-Тринита во Флоренции. Одновременно с этим престижным заказом появились и другие: строительство цитадели в Остии для кардинала Джулиано делла Ровере (будущего папы Юлия II) и церковь Санта-Мария делле Карчери в Прато, в совет которой Сангалло был избран по рекомендации Лоренцо Медичи. Между тем Великолепный продолжал использовать архитектора как военного специалиста. В 1486 году он поручил ему перестроить укрепления Поджо Имперiale близ Поджибонси. Сангалло занимался этим до 1490 года. Затем отправился в Рим, чтобы контролировать работы в базилике Святого Петра. Вскоре с этим он получил приказ отправиться на осаду Сарцаны, а когда крепость пала, отстроить для нее новые укрепления. Сангалло был так знаменит, что в 1488 году Лоренцо отправил его в Неаполь, чтобы тот сделал для короля Фердинанда макет дворца, не уступающего в великолепии только что построенной вилле Поджо Реале. Король остался очень доволен работой архитектора и вознаградил его полным кубком золотых монет, двумя конями, многими другими подарками и сотней золотых скудо в придачу. Отблагодарил Фердинанда и Лоренцо, подарив ему античные скульптуры: бюст императора Адриана, женский портрет и статую Купидона. Все они заняли место в садах Медичи.

Палаццо Строчи

Во Флоренции Сангалло много работал вместе со своим братом Антонио — в обители Кастелло (впоследствии Санта-Мария Маддалена деи Пацци) и в августинском монастыре у ворот Сан-Галло, где жил любимый проповедник Лоренцо брат Мариано да Дженаццано. Это здание, к моменту смерти Лоренцо оставшееся недостроенным, было разрушено при осаде Флоренции в 1529 году, и память о нем донесли только хранящиеся в Уффици чертежи. Ансамбль был грандиозен: большая красивая церковь, клуатр, библиотека, три корпуса келий, лечебница, новициат, капитул и дом приезжих, наконец, второй клуатр и большой сад, окруженный стенами. Все вместе стоило 16 900 флоринов. Это творение утвердило за Джулиано Джамберти прозвище Сангалло, которое он получил еще раньше как уроженец этого квартала и впоследствии носил по воле Лоренцо в память о своем шедевре. Сангалло входил, правда, вместе со своим соперником Джулиано да Майяно, в состав экспертных комиссий по проектам фасадов церкви Санто-Спирито и собора. Ему поручали и строительство патрицианских дворцов: палаццо Джулиано Гонди, разбогатевшего на торговле с королем Неаполя, палаццо канцлера республики Бартоломмео Скала с его прославленным элегантным двориком. Наконец, вместе с Бенедетто да Майяно, который был главным архитектором, он участвовал и в строительстве палаццо Строчи.

Образцовая вилла в Поджо а Кайяно

Джулиано да Сангалло построил для Лоренцо образцовую виллу. Ряд

разделов собственности с кузенами вынудил Лоренцо Великолепного, как только улеглись смуты из-за мятежа Пацци, избрать новое место загородного отдыха. В 1479 году он купил небольшое поместье Поджо а Кайяно, в семнадцати километрах от Флоренции, с удобным подъездом от дороги в Пистойю; его было легко защищать, ибо оно находилось на холме над этой самой дорогой. Там стоял небольшой домик. Семья Канчельери построила его на развалинах древнего замка, а в 1420 году продала Палле Строцци за 7390 золотых флоринов. Затем поместье перешло семье Ручеллаи. Лоренцо купил его, желая сделать это место обителью покоя и безмятежности, где можно было бы отдохнуть от финансовых и политических дел, предавшись поэзии и мечтам. Сангалло работал там с 1485 по 1489 год. В плане отражены представления о патрицианской вилле в античном духе, разработанные великим теоретиком Альберти. Вилла построена в виде большой буквы Н: два трехэтажных прямоугольных корпуса соединяются посередине большого зала. Это громадное помещение с потолком без опор на уровне верхнего этажа заняло место традиционного дворика. Зал опирается на арочный портик, служащий для него цоколем. К главному входу вели две прямые лестницы (в XVIII веке их заменили полукруглыми пандусами). Вестибюль был сделан в виде ионического храма из голубовато-серого мрамора. Такой же гармоничный план Сангалло предложил и королю Фердинанду для дворца в Неаполе. Фронтон храма-вестибюля был украшен гербом Медичи в обрамлении четырех скульптурных лент. Ниже над четырьмя колоннами и двумя пилястрами с ионическими капителями фриз, украшенный сюжетами на античные темы. Автором фриза, выполненного в светлой майолике (белый фаянс на синем фоне), как и барельефного пояса в соседней церкви Санта-Мария делле Карчери в Прато, был Андреа Сансовино. Изображения божеств делят фриз на пять частей. В центре — батальная сцена: Янус отворяет храм Марса. По бокам от нее — аллегии Дня и Ночи с возносящейся колесницей Солнца, затем времена года и сцены деревенской жизни, наконец, труды и удовольствия людей, которые символизирует гонка колесниц. В лоджии сохранились остатки большой фрески Финишино Липпи «Жертвоприношение Лаокоона». За ее порогом большая прихожая. Висячая лестница, спроектированная Сангалло, ведет в огромное помещение, занимающее весь второй этаж. Это великолепный салон, ныне он хранит фрески XVI века. Сангалло перекрыл его огромным цельным сводом, украшенным золочеными кессонами.

Вилла — настоящий замок на лоне природы. Холм, на котором стоит здание, обнесен стеной с четырьмя башнями по углам. Эта стена, в свою очередь, составляет часть другой, более протяженной, за которой находится большая ферма, также построенная Сангалло. Она имеет укрепленный двор и окружена рвом. Там размещались хлева, конюшни и все необходимые строения для интенсивного земледелия. Лоренцо и впрямь вел в Поджо образ жизни дворянина-фермера. В 1488 году Лоренцо Великолепный купил в Неаполе двадцать кобыл, а незадолго до смерти привез из Египта и страны берберов жеребцов. Его любимый конь Морелло так был привязан к хозяину, что заболел, если Лоренцо сам не кормил его из рук.

Из Сицилии Великолепный выписал особенную породу золотых фазанов, а из Калабрии каких-то необыкновенных свиней. Его коровы славились по всей Италии: из их молока готовили сыр лучше ломбардского. Тутовые деревья в поместье могли прокормить множество шелковичных червей.

В поместье был огромный охотничий парк и большой сад, состоявший из куртин и квадратных посадок плодовых кустарников. Неподалеку находился другой, отдельный увеселительный садик, обнесенный стенами и прозванный «тайным садом». Там были беседки, партеры цветов и редких растений, а в центре — восьмиугольная рощица для отдохновения. Большой сад за виллой спускался к Омблоне; у самого подножия холма был островок под названием Амбра, именем которого называлась и вилла. В самые суровые зимы его полностью затопляла вздувшаяся река. Однажды по этому случаю два друга, Полициано и Лоренцо, сочинили стихи, в которых оплакивали утрату привычного места гармонии и блаженства.

Поэма Полициано была написана на латыни в 1485 году, поэма Лоренцо на итальянском, возможно, несколько позже. Оба перенесли действие в мир богов и богинь. Свои поэмы они написали в форме «сельвы» («рощи») — вариации на тему, по ходу стихотворения то

теряющейся, то возникающей вновь, как лесная тропинка.

Поэма «Амбра»

Полициано сделал Амбру нимфой — дочерью Омбрене, влюбленной в Лоренцо. Сам Лоренцо, в более классическом духе, представил, будто нимфу преследует любовь Омбрене, спасаясь от которой она превращается в холм — тот самый, на котором стоит Поджо а Кайяно. У поэмы много разных литературных источников: «Метаморфозы» Овидия, «Сельвы» Стация, «Фьезоланские нимфы» Боккаччо, «Любовная дриада» Луки Пульчи, реминисценции из Вергилия, Данте и Петрарки.

«Описание зимы» (такое название носят некоторые списки) занимает двадцать две первых октавы, а легенда о нимфе — остальные двадцать шесть. Описание непогоды в Тоскане звучит подобно кантикам Данте:

Благое время, превратив цветы
В плоды и урожай собрав, сокрылось.
Не держатся на дереве листья...
На белой круче в зелени сосна,
И гнет снегов ее сгибает сучья.
Скрывает птицу стройный кипарис...

Затем описываются стаи перелетных птиц, кошмары и удовольствия долгих зимних ночей, погоня алчного орла за журавлем, несчастья рыбьего племени:

Хрустальным льдом покрыт ручей болтливый —
Застыла рыба в ясном хрустале.
Подобно мушке, в янтаре застывшей...

И вот первая метаморфоза: гора превращается в гиганта; голова его теряется в тучах, леса и утесы кажутся заледеневшей шерстью и бородой. Его глаза и нос — источники, застывшие на морозе. Но налетает южный ветер, и, растапливая снег и лед:

Ручьи к любезным водам потекли.

Уйдя из глубины пещеры древней...
Уже их лоно гордо поднялось.
Уж много дней копившаяся ярость.
Излившись, приступом берет берега...

Воды стремительно бегут по склонам и соединяются со своим общим источником.

Как, возрастая, ему пришлось стесниться
В долине узкой, в мрачной крутизне —
Взрели воды тяжко, зло, тревожно,
И пожелтели, смешаны с песком.

Бурный поток встречает в узком ущелье препятствие в виде скал. Он ревет как сольфатары в соленых озерах Вольтерры. Крестьяне в ужасе покидают дома. Молодая крестьянка уносит младенца в колыбели, а ее бедное жилище становится добычей воды. Быки и свиньи спасаются вплавь. Овцы тонут. Как ни страшно зрелище разорения, несчастный, сидя на крыше родного дома, рад уже тому, что спас жизнь. Веселятся лишь рыбы, освобожденные из темницы. Они резвятся на затопленных лугах, куда прежде никак не могли попасть. И вот на фоне этих бедствий разворачивается действие легенды.

Тогда Омброн, любовник горделивый,
В объятья, словно остров, заключил
Амбру, любезную ему и Лауро...

Лауро — не кто иной, как Лоренцо, выведенный в образе горного пастуха, который видит и описывает, как обуреваемый страстью Омброне преследует нимфу:

Едва коснулось девственное тело
Воды холодной, темной — он вскипел...

Спрятавшись в кустах, Омброне подкрадывается к нимфе. Вот-вот он схватит ее — но нимфа ускользает, как рыбка из сети. Омброне в отчаянии:

О нимфа, я река, но я пылаю...

Амбра непреклонна. Она убегает через колючие кусты, по острым камням, ранив босые ноги. Похоть Омброне доходит до иступления, он в ледяном поту. Нимфа прибегает к тому месту, где Омброне мешает свои воды с Арно. Поток зовет реку на помощь; она также вздувается, образуя озеро, чтобы остановить нимфу. Та, попав в западню, взывает к Диане, которая спасает Амбру, превратив в скалу. Омброне вечно плачет, омывая своими водами ее окаменевшие прелести.

Лоренцо так завершает поэму:

...И так я научился,
Любя, стяжать возлюбленной любовь.
Чем больше любишь, тем она суровей.
О холодный ветер, ледяной Борей!
Оледени меня, стесни мне волны.
Чтоб окружили деву, камнем став.
Чтобы вовеки Солнце златовласо
Не сотворило камень тот водой.

"Сельвы любви"

В уединении Поджо а Кайяно, потрепанный жизнью сорокалетний Лоренцо вновь обретал вкус к жизни. В общении с природой он сбрасывал груз горестей и забот, превративших его, подобно отцу и деду, в тяжелобольного, измученного подагрой мужчину. Чем дальше, тем чаще он находил убежище в поэтических мечтаниях.

Любовь по-прежнему вдохновляла его. Конечно, Лоренцо уже не так влекли юные красавицы. По-видимому, в любви он все больше играл вторые роли, став поверенным в сердечных делах для своих близких — например для Полициано. Но, по счастью, муза не покинула Лоренцо, и появились «Сельвы любви» — произведение, тесно связанное с «Амброй», полное реминисценций из древних поэтов, Данте, Петрарки, Фичино, Платона. Первое из этих стихотворений в тридцати двух строфах воспевают добровольное рабство у любимого, через которое обретается свобода:

Высокая краса влечет сердца —
Ее в чертах любимой обретаю.
Желаю пламенно ее одну...
Я слышу, как в груди прекрасной дамы
Любовью бьется сердце мое — хочет
Петь и хвалить блаженный этот миг
Прекрасными ее устами...

Вторая «Сельва» намного больше (сорок две строфы) и включает несколько эпизодов: картину ревности, воспоминание о любимой, описание надежды, переполняющей влюбленного, наконец, воспоминание о золотом веке, который некогда царил на земле и был погублен Юпитером. В наказание за похищение божественного огня, который Прометей подарил людям, царь богов посылает им Пандору, прекрасную женщину, выкованную Вулканом, с сосудом, где заключены все беды. Пандора вышла замуж за Эпиметея, брата Прометея, а тот открыл сосуд, из которого разлетелись несчастья и захватили весь мир. О блаженном золотом веке остались только воспоминания и надежда, что когда-нибудь он вернется и не будет больше ни страстей, ни страхов, ни тягот. В воображении поэт видит там и свою красавицу:

Во времена, что вовсе не созреют,
И наша с ней любовь пребудет вечно
Не престаёт в нас пламя, красота
В ней не престанет, и улады вечны.

Но сейчас влюбленные разлучены. Первое благодеяние бога Амура — соединить их вновь. Поэтому стихотворение завершается молитвой Амуру, и восхищенному духу Лоренцо возлюбленная является в новом сиянии, отражающем красоту божества:

И мое солнце над горами встало.
Своим движеньем тени отгоняя.
Я пью тепло, склоняюсь перед светом —
То жар, и свет, и красота Любви.

Две эклоги со множеством реминисценций из Овидия, Теокрита и Вергилия, вероятно, написаны тогда же — около 1486 года. Они показывают, как мастерски Лоренцо использует языческие образы, символы и предания. «Аполлон и Пан» развивает тему борьбы небесной поэзии с природной, эклога «Коринто» написана о любви пастуха Коринто к морской богине Галатее. Подражая Античности, Лоренцо находит и оригинальные, подчас не лишённые комизма выражения. Таков эпизод, когда пастух, покинутый возлюбленной, смотрит на свое отражение в ручье, пытаясь понять, красив он или дурен:

Кожа моя не бела — это солнце виною. Так что же?
Я настоящий пастух, телом здоров и силен —
Что ж за мужик такой, если нет на нем и загара?
Пусть мохнаты мои руки, плечи и грудь —
Это навряд ли тебе не по нраву, красавица, было,
Коли вместе с красой ум у тебя есть и вкус.

Дальше молодой здоровяк рассказывает о своих подвигах: он одним ударом опрокинул быка, убил медведя, получил приз за стрельбу из лука. У него и добра немало: стада коров и овец. Есть у него и хорошее молоко, и ягоды, и мед, из которых он делает самую лучшую амброзию. Есть у него и розы в саду. Пастух знает, что жить его розам недолго, и говорит в заключение:

Розы, нимфа, сорви — нынче не поздно еще.

Под античным покровом в стихах Лоренцо проступают черты настоящего народного творчества. Но природа — наставница мудрости, и в этом смысле в стихах присутствует и учение Фичино с его доктриной об иерархически устроенной системе мировых сил, восходящих от низших к высшим, о космосе души. Близкие Лоренцо люди разделяли эти идеи. Самым влиятельным был его задушевный друг Полициано, выражавший эти мысли в своих изящных и ученых латинских стихах. Вечером, после ужина, в городе или на вилле, друзья предавались размышлениям. Полициано декламировал свои собственные «Сельвы».

Одна из них, посвященная Лоренцо Торнабуони, заканчивается воспеванием виллы Поджо а Кайяно. Другая сельва, под названием «Нутриция», прославляет самого Лоренцо — «чудо синьории и народа», «миротворца Италии», равного величайшим поэтам. Полициано закончил это стихотворение 8 сентября 1486 года во Фьезоле, в подаренном ему другом домике на склоне Фонте Люченате, неподалеку от виллы Медичи, которая была одним из любимых жилищ Лоренцо.

Новый человек в бригаде: Пико делла Мирандола. Удовольствия эстета и коллекционера

В 1484 году в ближайшем окружении Медичи появился молодой человек из очень знатной семьи: граф Джованни Пико делла Мирандола, двадцати одного года от роду, тоже наделенный поэтическим даром. Вскоре он стал другом Полициано и поэта Джироламо Бенивьени. Пико, ученик лучших гуманистов, воспитанный на философии Аристотеля, не замедлил приступить к критике «Платонова богословия» Фичино, хотя и с ним был связан самой искренней дружбой. Позиция Пико, основанная на доводах, подкреплённых многочисленными примерами, ничуть не вредила ему, а, напротив, возбуждала всеобщее восхищение.

Джованни Пико делла Мирандола

В 1485 году его пригласили в Парижский университет; затем, после странной любовной истории, где его и соблазняли и похищали, он осел в Перудже и занялся изучением каббалы. В конце 1486 года Пико написал 900 тезисов (философских утверждений), которые вызвался отстаивать в

Риме на публичном диспуте. Иннокентий VIII предварительно просмотрел тезисы — семь из них были признаны неправоверными, а шесть сомнительными. Но Пико не отказался от них. Тогда папа, оскорбившись, запретил все 900 тезисов. Молодой философ бежал во Францию, но люди папы добрались до него и добились его ареста. В 1488 году он был заключен в Венсеннский замок. По ходатайству нескольких итальянских государей Пико освободили, и папа разрешил ему жить во Флоренции. Лоренцо Великолепный взял его под личное покровительство и поселил на своей вилле во Фьезоле.

Пребывание Пико, Полициано и Фичино во Фьезоле резко подняло престиж флорентийского философского кружка. Уровень Платоновской академии они оставили далеко позади. Но в это же время уже распространялось новое духовное течение: проповеди монаха Савонаролы обозначили переворот в мировоззрении флорентийцев. Пико, убежденный в глубинном единстве философских учений, изложил суть своих взглядов в «Гептапле», трактате об устройстве мира, и посвятил его Лоренцо. В другом трактате, «О сущности и едином», написанном в 1491 году, он попытался согласовать Платона с Аристотелем. Главная тема его творчества — достоинство и свобода человека. Возвеличивая их, он не жалел усилий и даже написал большой труд, опубликованный посмертно, в котором развенчал астрологические теории, какое-то время привлекавшие его. Только благодаря покровительству Лоренцо Пико смог столь плодотворно работать, вследствие чего в 1493 году, за год до своей безвременной кончины, был оправдан Римом.

В эти годы большую часть бригады Медичи составляли деятели литературы Флоренции: среди них были эрудит Кристофоро Ландино, Уголино Вьери — поэт и спутник Лоренцо на охоте на берегах Омброне, секретарь Медичи и автор лирических стихотворений Алессандро Браччези, комические стихотворцы Маттео Франко и Бернардо Беллинчони. Связи с внешним миром, помимо прочего, позволяли непрестанно обогащать библиотеки, находившиеся под покровительством Медичи: в Сан-Марко, в Сан-Лоренцо, во Фьезоланском аббатстве.

К огорчению старика Веспасиано да Бистиччи, крупнейшего изготовителя списков античных рукописей, Лоренцо решительно поддержал книгопечатание. Надо сказать, новое искусство рождало удивительные шедевры; часть из них была напечатана на пергаменте и иллюминирована. С помощью филиалов банка Медичи охота за античными рукописями продолжалась по всему миру. Если Лоренцо не мог достать какие-то манускрипты, он заказывал их копии: так, в 1485 году он просил

Эрколе д'Эсте одолжить ему «Римскую историю» Диона Кассия, а в 1488 году послал в Феррару одного грека переписать эту книгу. Эрколе подарил Лоренцо Великолепному итальянский перевод сочинения Диона.

Лоренцо продолжал пополнять свои коллекции античными статуями, открытыми при раскопках, монетами, медалями, драгоценными сосудами. Он покровительствовал флорентийским резчикам по камню: Пьетро Раццанти и Джованни ди Лоренцо, который исполнил и его портрет.

Он высоко ценил нидерландское искусство; во Флоренции и в деревне у него было около сотни больших шпалер.

Лоренцо любил проводить время в кабинете, где живут таинственной жизнью его геммы, хранящие память о прошлом. Произведения искусства, как и поэзия, приносили ему радость и утешение. Но для хозяина Флоренции, которого превозносили и ненавидели, который в суете мирских дел постоянно заботился и о завтрашнем дне, и о загробной жизни, они являлись не просто предметами роскоши. Искусство было для него особым волшебным миром, в котором он черпал новые силы.

Глава 4. ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ

В сорок лет Лоренцо мог с удовлетворением оценить плоды своих трудов. В то время как вокруг Флоренции бурлили страсти и царили раздоры, Тоскана наслаждалась миром. Отвоеванная наконец-то Сарцана обороняла северную границу от угрозы вторжения Лодовико Моро, который в 1488 году оккупировал бывшую Генуэзскую республику. Форли и Фазэнца перешли под протекторат Флоренции. Даже папа Иннокентий VIII, казалось, полностью подчинился воле Медичи. Говорили, что он на все глядит глазами Лоренцо Великолепного. Тот, по правде сказать, дорого платил за такое подобострашие.

Джованни Торнабуони, управляющий римским филиалом, уступил место своему племяннику Онофрио. Однако прежде он, желая поднять престиж своего дома, одобрил рискованные займы папскому сыну, семье Орсини и важнейшим прелатам. Главный управляющий Франческо Сассетти скончался 31 марта 1490 года во Флоренции, так и не восстановив равновесие в финансовых делах. Его сменил бывший управляющий Меняльным столом Джамбаттиста Браччи, человек небогатый и мало уважаемый. Назначение Браччи вызвало недовольство в Лионе — единственном, наряду с Римом, сохранившемся крупном филиале банка. Сыновья Сассетти из-за этого поссорились с местным управляющим Лоренцо Спинелли. Стали поговаривать о закрытии конторы.

Лоренцо не обращал внимания на эти неприятности. Теперь в нем некоронованный государь полностью затмил банкира. Все его замыслы оплачивала городская казна. Интересы компании Медичи отошли на второй план, уступив место другим целям. Флорентийские магнаты негласно поставили Лоренцо управляющим всеми делами государства. Его задачей было оградить государство от внешних вторжений и установить мир во всей Италии — мир, в котором так нуждались флорентийские купцы, чтобы вернуть прежние экономические позиции. Лоренцо надеялся дипломатическим путем создать новую итальянскую лигу, объединяющую государства Апеннинского полуострова. Причиной для такого объединения могла стать необходимость борьбы против общего врага — турок.

Вокруг Крестового похода. Зизим - заложник у христиан. Мир между Римом и Неаполем

В 1484 году Баязид, сын Мехмеда II, стал угрожать христианам в Средиземном море и на Балканах. В мае 1487 года папа Иннокентий VIII призвал европейских государей вступить в Крестовый поход. Однако препятствием для священной войны являлась вражда между Римом и Неаполем: король Фердинанд при поддержке своего зятя Матвея Корвина, отвергал любые соглашения со Святым престолом. В начале 1489 года положение обострилось из-за одного события в международной жизни, которое можно назвать «игрой в заложника».

У султана Баязида был весьма честолюбивый брат Джем, сын Мехмеда II от сербской княжны-христианки, кузины Матвея Корвина. В 1482 году, после неудавшегося мятежа, царевич попросил убежища у гроссмейстера ордена Святого Иоанна Иерусалимского Пьера д'Обюссона. Тот принял его на Родосе, являвшемся аванпостом христианского мира в борьбе против Османской империи, и пообещал не выдавать брату. Но там Джем мог подготовиться к реваншу. Баязид для собственного спокойствия посулил гроссмейстеру золотые горы — ежегодный пенсион в 45 тысяч дукатов — за обещание держать гостя под охраной.

Пьер д'Обюссон отослал царевича в отдаленный приорат Бурганеф в Лимузинской марке. Знатный турок Зизим, как звали его лимузинцы, спокойно прожил там несколько лет.

Но для многих государей он стал лакомым куском: они понимали, что Баязид не нападет на страну, где будет находиться его соперник, которого всегда можно будет натравить на Македонию. Венецианский дож, король Неаполитанский и зять его король Венгерский, герцог Лотарингский Рене II и король Французский, спорившие за Неаполитанское и Иерусалимское наследства, а также папа Иннокентий VIII наперебой пытались заполучить Зизима, предлагая гроссмейстеру крупные суммы, взятые в долг у банкиров. Больше всех, 600 тысяч дукатов, предложил мусульманин, правитель Египта, султан Каирский. Этот государь, власть которого простиралась на всю Северную Африку, Палестину и Сирию, был врагом Баязида, а потому поддерживал отношения с христианами. Флоренция ладила с ним прекрасно. В 1487 году султан послал посольство к синьории, а с ним передал редких животных в подарок Лоренцо Медичи: льва и жирафа, который сразу стал любимцем флорентийцев. Но когда Иннокентий VIII снискал расположение французского короля, Пьер д'Обюссон передал Зизима папе в обмен на кардинальскую шляпу для себя и перевод большей доли имущества военного ордена Гроба Господня ордену иоаннитов. Договорились, что папа станет получать непосредственно от султана пенсион в 40 тысяч дукатов.

6 марта 1489 года Зизим высадился в Чивитавеккиа, а 17 марта был с большой помпой принят в Ватикане, проехав через Рим, где его восторженно приветствовал народ. Художник Мантенья впоследствии своему господину, Мантуанскому герцогу Франческо Гонзаго, описал принца как омерзительного грубияна и пьяницу. «Он ступает, как слон, и движется не изящней венецианской бочки...» На самом деле тридцатилетний Зизим был хорошо сложен и очень привлекателен — смуглый, с орлиным носом и чуть косящими голубыми глазами — настоящий принц. Была тайная надежда, что на константинопольском престоле он будет благоволить к христианам, а может быть, и сам примет крещение.

Зизима с комфортом устроили в Ватикане. Папа известил вассалов Константинопольского султана, в том числе и султана Египетского, что дал приют законному наследнику Мехмеда. Таким образом он рассчитывал вызвать раздоры в Османской империи.

Баязиду, который несколько раз пытался отравить брата, пришлось платить папе колоссальный пенсион. На эти деньги понтифик мог снарядить армию против мусульман. Он вызвал в Рим представителей всех христианских держав, которые с 25 марта по 30 июля 1490 года разрабатывали там план кампании против турок. Три интернациональные армии — всего 15 тысяч всадников и 45 тысяч пехотинцев — должны были по суше и по морю отправиться на Восток. Но для успеха кампании надо было принудить к покорности христианских государей, восставших против Рима: короля Неаполитанского и его зятя Матвея Корвина. Короля Матвея, прославленного полководца, прочили в главнокомандующие крестоносцев, но 6 апреля 1490 года он внезапно скончался от апоплексического удара в возрасте сорока семи лет. Между тем Фердинанд Неаполитанский упорно отказывался платить папе дань. 11 сентября 1489 года Иннокентий VIII отлучил его от Церкви и объявил, что забирает себе Неаполитанское королевство как его сюзерен. И тогда Лоренцо Медичи с успехом выступил посредником между Римом и Неаполем. Благодаря флорентийской дипломатии стороны в 1491 году пришли к соглашению. 27 января 1492 года папа объявил его условия: дело неаполитанских баронов передается в Рим, Фердинанд Неаполитанский платит 30 тысяч дукатов как недоимку по дани, с тем чтобы в дальнейшем в счет ее содержать две тысячи всадников и пять галер. Мир скреплялся браком внука Фердинанда Неаполитанского Людовика Арагонского и папской внучки Баттистины, дочери Теодорины Чибо и Герардо Усодимаре. Таким образом, правившая в Неаполе Арагонская династия породнилась с Медичи через папских детей.

Теперь ничто не мешало союзным христианским войскам выступить против султана Баязида. Тот попытался оттянуть неизбежное, передав папе бесценную реликвию Страстей Христовых — Святое копьё, которым римский воин Лонгин пронзил бок Спасителя на Кресте.

К тому времени в Европе пало последнее исламское государство — 2 января 1492 года Гренада капитулировала перед католическими королями Фердинандом и Изабеллой. Чуть позже мореплаватель Христофор Колумб открыл Кастилии для проповеди Евангелия Новый Свет.

***«Священное представление о мучениках Иоанне и Павле»:
нравственное и политическое завещание Лоренцо***

Еще до того как во Флоренцию пришли все эти радостные известия, Лоренцо, пытавшийся примирить папу с неаполитанским королем, решил показать флорентийцам, что на самом деле лежит на весах мировой политики, при помощи своей пьесы «Священное представление о мучениках Иоанне и Павле».

Народ давно привык к подобным зрелищам. Все большие флорентийские праздники, такие как День Иоанна Предтечи, сопровождались мистериями на темы из священной истории или житий святых. Лоренцо сочинил эту пьесу в году. Ее несколько раз представляли на площади Синьории при участии детей Медичи, в частности 17 февраля 1490 года по случаю избрания младшего сына Лоренцо — Джулиана должностным лицом театральной артели Иоанна Богослова.

Святые Иоанн и Павел приняли мученичество в 362 году в Никомидии. Их мощи вскоре были доставлены из Малой Азии в Рим и хранились в доме Целия, который папа Иннокентий I (410—417) сделал храмом. Избрав для пьесы историю этих мучеников, Лоренцо тем самым выразил уважение к Иннокентию VIII, носившему то же имя, что и его древний предшественник. С другой стороны, в литургическом каноне эти мученики стояли рядом с покровителями дома Медичи святыми Космой и Дамианом; их память праздновалась 26 июня — между праздниками Иоанна Предтечи и апостолов Петра и Павла. Чествуя этих мучеником, Лоренцо как бы величал также покровителей Флоренции и своего семейства.

В пьесе, состоявшей из 1168 стихов, тридцать две роли: придворные, солдаты, всадники, астрологи. Действие насыщено символами и намеками на современные события.

В начале пьесы дочь императора Константина Констанца, больная проказой, приходит к гробу святой Агнессы и — о, чудо! — она исцеляется. Царевна делится радостью с придворными:

Вот дочь твоя, страдавшая проказой.
К тебе пришла, прекрасна и чиста.
Во здравье истинном и совершенном:
И плоть моя, и дух исцелены.
Отец любезный, вся я счастьем полнюсь.
Молчать не в силах, видя, как ты рад:
Ведь мой недуг и скорбь твою, родитель.
Единым чудом удалил Господь.

Исцеление царевны символизирует покаяние грешной души. Констанца дает обет уйти в монастырь. Но язычник Галликано, недавно добывший императору победу над персами, просит ее руки. Царевна желает отложить свадьбу до возвращения полководца из похода против мятежных лаков.

В товарищи военачальнику Константин дает двух своих любимых офицеров Иоанна и Павла. Галликано разбит. Его товарищи-христиане понимают, в чем тут дело. Иоанн просит военачальника обратиться в христианство:

Быть может, Бог послал годину эту
С тем, чтобы ты судьбу свою познал.
Ведь смертный сам себе, пороков полон.
Наводит и уныние, и грех.
Так обратись и веру исповедуй
В единого Подателя всех благ.
Павел добавляет:
Бог отнял честь твою в бою жестоком.
Чтоб видел ты в надменности своей.
Что славу Он дает и отнимает.

Галликано принимает крещение. Ангел, сойдя с небес, обещает ему Божью помощь при осаде вражеского города:

Лишь Крест всегда, как знамя, поднимай.

Перед полководцем чудесным образом является легион новых воинов — это небесные духи, посланные Богом. Галликано без смущения принимает команду над ними. Он говорит с ангелами как кондотьер:

Всем, кто явился, подчиняться мне.
Кто первый здесь поднимется на стену.
Тому я тысячу дукатов дам.
Пятьсот — второму, сто получит третий,
И для всего полка — второй оклад.

Разумеется, Галликано одерживает победу и великодушно дарит жизнь неприятельскому царю и его сыновьям. Затем отправляется к Константину возвестить о победе и говорит, что отказывается от сватовства к царевне и удаляется в пустыню, чтобы провести остаток дней в молитве Богу.

Вскоре император Константин оставляет власть трем своим сыновьям и дает им урок политической нравственности. Его завещание — словно завет самого Лоренцо:

Знай, кто ее стяжает по наследству,
Что власть дает нам тысячи забот,
А с ними дух и тело изнемогут:
На вкус держава горше, чем на вид.
Кто хочет испытать, что значит править.
О высшем благе прежде помышляй,
И жизнь благую выбрать подобает.
Чтобы другим служила образцом...
Отринуть роскошь от себя и скупость.
В суде любому правду воздавать.
Быть ласковым, сердечным и любезным:
Владыка будь слугой своим слугам.

Старший сын Константин с согласия братьев Константа и Констанция наследует отцу. Ему приходится сражаться с бунтовщиками, и он приносит жертву Марсу, но вскоре погибает вместе с братьями. Его наследником

становится Юлиан — племянник Константина Великого, который возлагает на христианскую веру вину за поражение. Юлиан возрождает культ языческих богов, приносит в курию статую Победы. Ради пополнения казны он конфискует собственность христиан и преследует их:

Не говорил ли вам и Сам Христос:
«Ради меня отдайте все свое имя»?

Офицеры Иоанн и Павел отказываются принести жертву Юпитеру. Император велит предать их мучительной казни. Затем он отправляется на войну с парфянами, причем произносит речь о сути императорской власти:

Кто удовольствий иль корысти ради
Изменит долгу — тот не властелин...
Доход он получает, но его же
Разумно, щедро людям раздает.
Он держит войско наготове, чтобы
Оберегать народ от зол войны.
Коль дорог хлеб — ему кормить голодных.
Не то погибнут люди без него.
Богатство, пышность, все, что подобает
Держава — не его, народа часть.
И хоть он всем владыка и хозяин.
Но ничего своим не назовет.
Он только услужать народу послан,
В том честь его, и нет других наград.
И рядом с этим подло вожденье:
Высоким душам драгоценна честь.

Честь требует от Юлиана отомстить парфянам за унижение Рима и за убитых ими римлян. Перед походом он обращается к астрологам, которые предсказывают ему гибель от рук мертвого человека. Юлиан пользуется случаем, чтобы показать величие своего духа:

Светила светят на волхвов с царями.
Но я закону их не покорюсь:
Я верю, что лишь выбор человека

Ему укажет подходящий час.

Итак, Юлиан неразумно бросил выбор судьбе. Он надеется не только разбить парфян, но и покарать главу христиан — святого монаха Василия Кесарийского. Василий молит Бога и Деву Марию защитить Церковь. Богородица, явившись, выводит из гроба христианского воина, сто лет назад принявшего мученическую смерть в Египте, где ему, получившему прозвание «Отца мечей», многие древние общины посвящали храмы. Имя его — святой Меркурий.

У флорентийцев, хорошо знавших римский пантеон, имя Меркурий вызывало в памяти языческого бога — проводника мертвых, часто бывшего посредником между этим и тем светом. Но кроме бога и мученика на память приходил и третий образ: легендарный Гермес Трисмегист, которого звали также Меркурием Трижды Величайшим или Меркурием Египетским. Он, как говорили, жил в Египте за две тысячи лет до Рождества Христова и стал родоначальником большинства наук, в том числе оккультизма и алхимии. Он передал египетским жрецам тайны мироздания, записанные в «герметических» книгах. Марсилио Фичино чрезвычайно высоко ценил эзотерическую философию, дошедшую под именем Гермеса Трисмегиста, и сам перевел «Поймандра» («Пастыря») — трактат о божественной силе и мудрости. Поручая отомстить за поруганную веру именно святому Меркурию, тезке античного бога и эзотерического наставника, Лоренцо внушал зрителям, что неоплатоническое учение и предлагавшийся им синкретизм не опасны для христианства: напротив, в них оно найдет неоценимую опору. Матерь Божья обращается к избранному Ею герою, словно богиня мщения:

Меркурий, подымись, иди из гроба.
Не дожидаясь Страшного суда.
Своим оружием препояшься снова!
Я за обиду мстить тебе велю.
Обиду Церкви! Я, Мария Дева,
Тебе Господню волю затвержу:
Убей дракона, что, исполнен яда.
Упился чистой кровью христиан!

Невзирая на предупреждение астрологов, Юлиан становится во главе

войска. Главный казначей хвалится перед ним своей распорядительностью:

Всем золота дано преизобильно...
Не видано солдат столь снаряженных.
Отважных и обученных в строю.

Император в восторге:

Солдаты храбрые, народ могучий —
С вами на жизнь отправлюсь и на смерть.

Но коли Богом решено, от судьбы не уйдешь. Призрак святого Меркурия проходит через сомкнутые ряды воинов и поражает императора. Юлиан выпускает дух, восклицая, согласно легенде:

Се, Галилеянин, ты победил!

Своим успехом пьеса была обязана и динамичностью действия, и колоритным сценам, в которых фантастика соединялась с повседневной жизнью: ангелы превращались в воинов, Богородица воскрешала мертвого, призрак мученика сокрушал врагов христианства. Зрителям доставляли большое удовольствие и игра актеров, и экзотические декорации и многочисленные эпизоды с пением. Музыку для пьесы сочинил немец Генрих Исаак, капельмейстер церкви Сан-Джованни

Простому народу нравилось морализаторское поучение: добрый государь, готовый делать все для общего блага, не спасется, если не имеет истинной веры. Так пьеса перекликается с доктриной папства о примате духовной власти над светской. Она рассказывает о делах давно минувших дней и вместе с тем намекает на важнейший замысел современности: Крестовый поход против турок. Христианские государи могут преуспеть в этом великом деле, только объединившись вокруг Верховного первосвященника — стража веры.

Лоренцо и астрология

Однако в пьесе Лоренцо не все ясно, например отношение к астрологии. Правда, Юлиан Отступник (если на минуту отождествить его с Лоренцо Великолепным) игнорирует предсказание, что он будет убит покойником, но он же за это и наказан: ведь предсказание исполнилось.

Папа Иннокентий VIII принял ряд радикальных мер против магии и питавших ее эзотерических верований. Буллой от 5 декабря 1484 года он дал большие полномочия инквизиторам, посланным для расследования случаев о ведовстве в Верхней Германии и на Рейне, где началась настоящая эпидемия сатанизма. Говорили, что многие лица обоего пола там совокуплялись с бесами, колдовскими заклинаниями и кознями чиня множество бед.

К этому добавлялись и другие, столь же острые для Церкви проблемы. В Испании католическая реконкиста сопровождалась насильственным крещением евреев. Те по возможности мстили: ломали Распятия, оскверняли Святые Дары, а то и убивали своих гонителей — например, инквизитор Педро Арбуэса был смертельно ранен в Сарагосском соборе в сентябре 1485 года.

Вот почему в 1486 году курия так строго осудила тезисы Пико делла Мирандола. Среди утверждений, выдвинутых другом Лоренцо, было и такое: магия и иудейская каббала, как ни одна другая человеческая наука, могут доказать божественность Христа!

Пико пытался отразить папское отлучение. Он сочинил свою апологию под видом похвалы Лоренцо Медичи, который сам поощрял его работу. Но убедить богословов Пико не сумел. Римская инквизиция вынесла постановление о его аресте и преследовала даже во Франции, где скрывался философ. Вследствие этих неприятностей он кардинально переменял точку зрения и присоединился к обличителям эзотерических верований.

Как раз после осуждения Пико Лоренцо политически сблизился с Иннокентием VIII и не мог не осудить мнение своего друга. Поэтому в его сочинениях, написанных в ту пору, обличаются практики, связанные с эзотерикой.

Вот ночь нисходит, мировым законом
Бегущая от солнечных лучей...
С ней дикая, злокозненная свита:
Сны, ворожба, бессмысленный обман.
Вот колдуны, пророки, хироманты.
Дающие пророчества свои

И на письме, и устно, в пестрых картах
Глядящие, что сбудется с тобой.
Алхимия и звездная наука.
Судьбу толкующие наугад.

Эти строки из второй «Сельвы любви» предназначались богословам-гуманистам Флоренции, собиравшимся в Платоновской академии. Однако широкой публике Лоренцо не боялся говорить совсем другое. Как распорядитель флорентийских празднеств, он сложил на астрологические темы одну из своих знаменитых карнавальных песен — очевидно, на Масленицу 1490 года.

Во время праздника на площадь выезжала колесница с семью астрологическими планетами: Сатурн, Солнце, Марс, Юпитер, Меркурий, Луна и Венера. Ряженные представляли судьбы тех, кто родился под каждым из этих знаков: меланхоликов, весельчаков, гневливых, ученых и властителей, лжецов, людей физического труда, наконец, тех, кто рожден для наслаждений и любви.

Песня, мелодию для которой сочинил Генрих Исаак, начиналась словами:

Мы, семь планет небесных, с высот престолов наших
На землю опустились, чтоб вразумить людей.
От нас приходят людям и радости, и беды.
И то, что вас терзает, и то, что веселит.
Что будет с человеком, с живою каждой тварью.
С растением и с камнем — все то решаем мы.
Кто против нас восстанет, того мы сокрушаем.
Кто вверится, того мы приветливо ведем.

Далее поется о том, что непреложность светил запечатлена Любовью. Призвание планеты Венеры — привлечь к себе детей всех прочих знаков, желающих обрести счастье:

Прекрасная Венера, ясна и грациозна,
В сердцах рождает наших любовь и доброту.
Кто пламенем охвачен планеты милосердной.
Пылать вовеки будет чужою красотой.

Все птицы, рыбы, звери ее щедроты видят.
И новый мир возможен восстать через нее.
Иди же за планетой, для вас добро творящей.
Любезная красотка, красавец молодой!
Прекрасная богиня Киприда призывает
Дни ваши молодые в веселье расточать.
Не медля, не колеблясь, пока еще возможно:
Коль случай удалится — назад уж не придет..
Любой на свете должен смеяться и любить.
Кто может — будь доволен: ни чести, ни богатства
Тому, кто не смеется, и впрок-то не пойдут.

Последние отголоски радости: карнавальные песни и песни для танцев

В том же карнавальном шествии прославлялся и «триумф Вакха», который восседал в колеснице вместе со своей возлюбленной Ариадной в окружении нимф и сатиров. Эта знаменитая песня Лоренцо начинается словами:

Quant'e bella giovinezza
Che si fugge tuttavia!
Chi vuol esser lieto, sia:
Di doman non c'e certezza.

Верно, велено промчаться
Нашей младости пригожей.
Кто забавы ищет — что же?
Завтра всяко может статься.

Шесть следующих строф посвящены пляскам сатиров и нимф, гротескному шествию старого пьяницы Силена со свитой, истории царя Мидаса, который все превращал в золото и не мог утолить жажду. В последнем куплете — восторженный призыв к молодым людям

наслаждаться:

Девы, юноши, с любовью
Славьте Вакха и Амура!
Стройте пляски, стройте хоры.
Закипайте свежей кровью!
Нынче бедам след умчаться:
Будь что будет. Бог поможет.
Кто забавы ищет — что же?
Завтра всяко может случиться.

На Масленицу 1489 года девушки пели его песню, обращаясь к «цикадам» (старухам-сплетницам):

Поймите, донны, — мы девицы
Любезные и молодые.
А если в пересудах вянуть,
Тогда на что и красота?
Любви и вежеству — привет,
А злобе с подозрением — нет!
И будь же каждый при своем:
Ворчите вы, а мы живем.

В «Песне о перевернутых лицах» Лоренцо обращается к социальной сатире. Ряженые, исполнявшие эту песню, надевали маску с глазами на затылке и как будто пятились назад. Они воплощали предателей и тех, кто для потехи показывал всему свету свои срамные части тела:

Ну, если так, не обижайтесь.
Коль ваши дамы так поступят!

Еще семь карнавальных песен Лоренцо предназначались для шутовских шествий профессиональных корпораций. Текст их неприличен, а подтекст еще неприличнее. Кондитеры, торговцы пряниками и вафлями и булочники хвалили свои товары, которые формой и крепостью понравятся всем дамам и девицам. Парфюмеры предлагали дамам благовония,

привлекающие любовников. Продавцы мускуса восхваляли возбуждающую силу этой тошнотворной жидкости из желез кабарги. Крестьянки предлагали покупательницам фрукты и овощи — длинные пупырчатые огурцы, большие вздутые бобы, недвусмысленно намекая на их сходство с мужским детородным органом. Наконец, садовники, лукаво подмигивая, распевали, как правильно сажать саженец:

Ты не суй его поспешно:
Спешка дело только портит.
Все получится, но выжди:
Как набухнет, так работай.

В то же время для праздников светских Лоренцо по-прежнему писал стихи утонченные, черпая вдохновение в куртуазной любви, а еще сочинял «песни для танцев» (баллаты). Некоторые их мотивы близки «Песне о Вакхе и Ариадне»:

Напрасно думаете, донны.
Что век нас не настигнет старость.
Что наша младость
При нас останется навек.
Года бегут и улетают.
Цвет нашей жизни увядает,
И нежным ведомо сердцам.
Что время враг всем вещам...

А вот строки из другого стихотворения:

Прекрасная младость назад не придет.
Назад не вернуть нам пропавшее время...
Не ценит блаженства безумная юность.
Однако прекрасны цветы по весне.

Лоренцо теперь как никогда остро ощущал быстротечность времени: ведь он почти постоянно страдал от жесточайших приступов подагры и подолгу был прикован к инвалидному креслу или к постели. Не в силах развеять тоску, он искал утешения в молитве. Его благочестивые размышления на Страстной неделе 1491 года породили несколько гимнов (лауд). Чтобы народ начал их петь, лауды положили на ту же мелодию, что и карнавальные песни. Так, «Похвала Богородице» пелась на мотив разбитной песни огородниц:

Верной, вечною красою
Величайся, Приснодева!
Всяк хвали Тебя, Мария.
Всяк молись Тебе с любовью.
Всяк хвали Тебя, Мария:
Столь велико было благо
Чрез Тебя для всей природы.
Как смиренно соизволил
Бог во плоти появиться...

И гимн, посвященный Страстной пятнице, исполнен истинного трагизма:

О сердце, грешное и злое,
Источник помыслов лукавых —
Что ты мне грудь не разорвало,
Не изошло своею скорбью?
Восплачь и растопи слезами.
Подобно воску, злое сердце:
Сошел во гроб Живой предвечно
Христос, Господь твой милосердный.
Ты сам взойди на жестко древо.
Со Иисусом сораспнися.
Ты сам пронзен будь тем железом,
Которое Его пронзило.

Эти прекрасные гимны, как и желал Лоренцо, были восприняты народным благочестием. Вечером в Страстную субботу набожные

мужчины, женщины и дети приходили в собор Сайта-Мария дель Фьоре на службу в честь Божьей Матери. Каждый квартал по очереди пел свои лауды под управлением своего хормейстера, так называемого «капитана хвалящих». Среди авторов этих гимнов были Фео Белькари и мать Лоренцо — Лукреция Торнабуони, а также много священнослужителей.

Мода на проповеди Савонаролы

Самым популярным проповедником был тогда брат Мариано да Дженаццано из ордена отшельников-августинцев. Этот гуманист, владевший изящной латынью, в свои проповеди Священного Писания вкраплял цитаты из Цицерона и Вергилия. Полициано описывает его добродушным и здравомыслящим человеком, не очень строгим, но и не снисходительным к порокам своего времени. Его общество любил не только Полициано, но и Пико делла Мирандола, да и сам Лоренцо. Все они часто бывали у него в большом красивом монастыре, построенном Франческо Джамберти у ворот Сан-Галло. Вероятно, Лоренцо, разбитый недугом, не раз находил у брата Мариано истинное утешение.

Но уж кто поистине соблазнил флорентийцев мощью своих пророческих слов, так это брат Джироламо Савонарола.

Необычайная судьба выпала на его долю. Он родился в 1453 году в Ферраре и воспитывался при блестящем дворе д'Эсте, где его дед служил лейб-медиком. Внешние данные Джироламо: выразительное, но некрасивое

лицо, маленький рост, рыжие волосы, хриплый голос — никак не способствовали успеху в этом мире. В восемнадцать лет несчастная любовь к одной девице из рода Строцци внушила ему яростную ненависть к плотским удовольствиям. Он оставил мир и в апреле 1475 года в Болонье постригся в орден доминиканцев. Обратив отвращение к человечеству на самого себя, он неустанно занимался самобичеванием, очень мало ел, спал на соломе. И на публике, и в частных беседах он обличал пороки своих современников. Побывав в нескольких монастырях своего ордена, Савонарола 28 апреля 1482 года получил от капитула Ломбардской провинции должность чтеца во флорентийском монастыре Сан-Марко. Путешествовавший при этом Пико делла Мирандола стал свидетелем долгого богословского спора, в котором феррарец победил своего соперника. Пико проникся уважением к Савонароле и рассказал о нем своему другу Лоренцо Медичи.

В 1482—1484 годах о монахе во Флоренции почти ничего не знали, кроме того, что он наставляет послушников Сан-Марко. На его проповеди в Рождественский и Великий пост в монастыре Сан-Лоренцо приходили всего двадцать—тридцать слушателей, в то время как паства брата Мариано заполняла весь большой неф Флорентийского собора. Но в 1485 году доминиканцу было видение: Бог сказал ему, что время возмездия пришло, и велел Савонароле сообщить эту страшную весть людям, за что обещал ему венец мученичества. Савонарола долго колебался, но в первый четверг Великого поста 1486 года осмелился рассказать о своем откровении. Времена мира подошли к концу: по слову апостола Луки, уже секира при корне дерев лежит^[6]. Начальство отослало беспокойного монаха сперва в Болонью, потом в Феррару. Там он лишь окреп в убеждении, что настало время апокалипсиса. Он чувствовал, что на нем лежит миссия исторгнуть из Флоренции, матери всех пороков, сатанинские прельщения. Но его слово уже не звучало с городских кафедр, в то время как брат Мариано в общем-то убаюкивал верующих своими умеренными проповедями благочестия.

Пико делла Мирандолы, покровителя доминиканца, не было в городе. Он бежал во Францию от папского преследования, после осуждения его тезисов в римской курии. В 1488 году он вернулся во Флоренцию и по дружбе попросил Лоренцо воротить Савонаролу. Пико знал, что присутствие безупречно правоверного монаха, который, невзирая на римское осуждение, разделял некоторые его взгляды, послужит ему защитой. Савонарола мог отвести от Пико новую грозу, причем как раз тогда, когда под воздействием буллы 1484 года «охота на ведьм» приняла

беспрецедентный размах, а заправляли ею доминиканцы: верховный инквизитор Германии Якоб Шпрингер и его швейцарский коллега Генрих Кремер, выпустившие в свет «Молот ведьм» — руководство по розыску и наказанию колдуний.

Поэтому 29 апреля 1489 года Лоренцо обратился к главе доминиканского ордена с просьбой прислать Савонаролу в монастырь Сан-Марко. Но орденское начальство не спешило выполнить эту просьбу, зная цельный, но лишенный всякой гибкости характер своего монаха. Между тем именно эти качества характера обеспечили успех Савонаролы. Весть о грядущих бедствиях разнеслась повсюду. 1 августа 1490 года Савонарола вышел из монастыря, который не мог вместить всех желающих, и произнес речь в церкви Сан-Марко — это было толкование Апокалипсиса. Вскоре и эта церковь стала тесна для слушателей: на Великий пост 1491 года Савонарола взошел на соборную кафедру и без обиняков обрушился на Лоренцо, обвинив его в разорении государства, в растрате средств граждан, вложенных в городскую кассу. Смутившись, Лоренцо послал к монаху пятерых уважаемых граждан: Доменико Бонси, Гвидантонио Веспуччи, Паоло Антонио Содерини, Франческо Валори и Бернардо Ручеллаи. Эти достойные люди наметкнули Савонароле, что за такие проповеди его могут и изгнать из Флорентийского государства. Савонарола ответил с пренебрежением: «Делай он что угодно, мне безразлично. Только пусть он знает я здесь пришелец, а он хозяин города, но я останусь, а он уйдет». Эти слова во Флоренции тотчас истолковали как предсказание скорой смерти Лоренцо. К тому же Савонарола не преминул повторить их: в ризнице Сан-Марко он при нескольких свидетелях заявил, что надо готовиться к большим переменам в Италии: вскоре смерть сразит Лоренцо Медичи, неаполитанского короля и папу.

Теряя терпение, Лоренцо попросил брата Мариано с кафедры изобличить пророческий дар Савонаролы. В день Благовещения августинец в своей проповеди толковал слова из Деяний апостолов: «Не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти»^[7]. Перед многочисленной толпой проповедник бичевал Савонаролу, называя его лжепророком, носителем соблазна и бесчинства. Но яростная проповедь Мариано обернулась на пользу доминиканцу. В своей церкви Сан-Марко он произнес проповедь на ту же тему и без труда показал, что Ной, Иеремия, Даниил и многие другие библейские персонажи предсказывали конкретные события. Почему же он теперь не мог получить откровение об обновлении Церкви и сопутствующих тому событиях? Слушателей, прежде из любопытства внимавших ученому августинцу, убедили эти простейшие

рассуждения. С тех пор Савонарола, как признанный пророк, установил настоящую диктатуру над набожными флорентийцами.

Авторитет его настолько возрос, что летом 1491 года собратья-монахи избрали Савонаролу приором Сан-Марко. По традиции, каждый новый настоятель монастыря должен был являться с визитом вежливости к главе дома Медичи, который был покровителем обители. Савонарола отказался это сделать. Лоренцо, желая примирения, отправился на мессу в Сан-Марко. По выходе он задержался в саду, потом в клуатре, но Савонарола так к нему и не вышел. Рассказывали, будто Лоренцо взял с собой солидную сумму денег, которую хотел отдать приору на нужды монастыря, однако Савонарола этих денег не принял и велел раздать нищим. Лоренцо простил ему эту грубость, сказав, что так или иначе монах должен побуждать флорентийских граждан творить милостыню, и это очень похвально.

Предсмертная болезнь Лоренцо

Чем дальше, тем больше Лоренцо думал о своем спасении. В самом начале 1492 года его свалила горячка. Жар не проходил. Лоренцо ужасно страдал. У него сильно болело все. Его медик Пьеро Леони уже и не знал, какое средство применить. На помощь к нему пришел знаменитый врач Лазаро да Павия, присланный от Лодовико Моро. Но и вдвоем они не могли помочь пациенту. Оставалось лишь следить за режимом и соблюдать элементарные правила гигиены. Они и не думали, что роковой конец уже близок.

Рядом с Лоренцо были его старшая дочь Лукреция Сальвиати, сестра Наннина Ручеллаи, старший сын Пьеро с женой Альфонсиной Орсини и два мальчика: младший сын Джулиано, которому исполнилось тринадцать лет, и четырнадцатилетний племянник Джулио. Узнав, что их другу плохо, Полициано и Пико делла Мирандола тотчас приехали из Венеции, где в мастерской Альда Мануция готовились к изданию их сочинения.

Лоренцо пришлось отказаться от всякого вида деятельности. Если прежде он, невзирая на приступы боли, пунктуально принимал иностранных послов, то теперь болезнь принудила его отложить прием посольства из Милана. Лоренцо хотел видеть вокруг себя лишь тех, кого он любил. Теперь двор на Виа Ларга состоял из немногих, самых близких ему людей, не хватало среднего сына — молодого кардинала Джованни. Лоренцо вызвал его из Пизы, где семнадцатилетний юноша тогда

заканчивал курс канонического права.

Торжественный въезд кардинала Джованни Медичи во Флоренцию

Приезд Джованни во Флоренцию обставили как праздник в честь официального визита князя Церкви. В начале марта родной брат Пьеро в сопровождении патрициев выехал за пределы города встречать Джованни. В свите юного кардинала были епископы и прелаты, собранные со всей Тосканы. Несмотря на сильный дождь, множество флорентийцев выстроились вдоль дороги, чтобы приветствовать кортеж.

Кардинал сначала отправился в церковь Благовещения на благодарственную службу, потом во Дворец синьории, где его приняли гонфалоньер и приоры, а оттуда на Виа Ларга. Народ провожал его до ворот дворца и попрощался рукоплесканиями. Вечером на площадях зажгли иллюминацию. Звон колоколов, песни и музыка звучали во всех кварталах города. Народное ликование тешило отцовскую гордость прикованного к постели Лоренцо.

На другой день состоялась торжественная месса в соборе, потом городские старшины, послы, члены синьории и советов вместе с юным кардиналом верхами отправились с визитом к Лоренцо, который не мог выйти из комнаты. Во дворце Медичи все поднесли Джованни дары, но тот их принял только от родных и от синьории. На этом он распрощался с флорентийцами: ему теперь надлежало вернуться в Рим.

Лоренцо благословил сына и вверил его своему старому наставнику, епископу Аретинскому Джентиле Бекки. Двум патентованным дипломатам, Франческо Валори и Пьерфилиппо Пандольфини, он поручил консультировать юного кардинала в хитросплетениях политики. Лоренцо сказал им, что сам он уже не справится с этой задачей, потому что больше не увидит сына. Когда они попытались ему возразить, он ответил: «Дух с небес, всегда хранивший мое тело, ныне велит мне отложить всякое попечение и помышлять только о смерти».

Впрочем, отцовская любовь побудила Лоренцо написать Джованни письмо, в котором он дает ему наставления, советы и предостерегает от капканов, расставляемых завистниками:

«Мессер Джованни... Призываю Вас всегда быть благодарным Господу нашему Богу, всякий час вспоминая, что кардиналом Вы стали не благодаря заслугам своим и усилиям, а

единственно действием благодати Божьей. Во свидетельство своей благодарности Ему живите всегда свято, примерно и честно... В прошлом году я был очень рад, узнав, что Вы без чьего-либо напоминания исповедовались и несколько раз причащались... в Риме, вертепе всяческих пороков... Вам нелегко будет делать то, о чем я Вам сейчас говорил... Ваше производство в кардиналы вызвало много зависти, и те, кому не удалось помешать Вам получить этот сан, изобретут хитрые уловки, чтобы унижить его, станут клеветать на Ваш образ жизни, силясь и Вас низвергнуть в тот ров, куда сами упали, причем будут уверены в успехе, потому что Вы молоды. Чем меньше добродетелей ныне в Коллегии кардиналов, тем более Вы должны быть стойки».

Лоренцо указывает Джованни, как он должен себя вести с Иннокентием VIII: не докучать ему и всегда разделять его мнение. Наконец, он дает ему советы по гигиене и распорядку дня:

«Питайтесь только простой пищей и много упражняйтесь телесно, иначе Вас может сразить неизлечимый недуг... Вставать утром следует рано, потому что это не только для здоровья полезно, но и позволяет исполнить все дневные дела: молитвы, учение, прием просителей... Советую Вам непременно, особенно на первых порах, продумывать накануне все, что надлежит исполнить завтра, кроме непредвиденных дел... Будьте всегда в добром здравии».

Последняя поездка в Кареджи. Небесные знамения

21 марта 1492 года Лоренцо Великолепный велел отвезти себя на виллу в Кареджи и вызвал туда старого друга, Марсилио Фичино. Все сильнее страдая от боли, он, подобно своему деду Козимо, надеялся найти утешение в теориях Платона и его последователей о предназначении человека, о бессмертии души. Фичино поведал об этих днях сыну Лоренцо, молодому кардиналу Джованни. Философ увидел в саду Кареджи тревожные небесные знамения: днем нависли тучи в виде гигантских сражающихся воинов, а ночью прямо над виллой Лоренцо загорелась новая звезда. Философу показалось также, что от Фьезоле к Кареджи движется

сонм блуждающих огней. Он подумал, что это небесные духи, принимающие души усопших, — те, о которых говорит Гесиод. Войдя к Лоренцо, Фичино увидел еще один знак: лицо больного «сияло божественной благодатью».

Через две недели Лоренцо почувствовал, что силы совсем оставляют его, и попросил свою сестру Наннину честно сказать, насколько безнадежно его положение.

«Брат, — сказала Наннина, — вы всегда были очень мужественным человеком. И уйти из жизни вам подобает отважно и благочестиво. Знайте, что надежды больше нет». Лоренцо был готов к такому ответу. «Если такова воля Божья, нет для меня ничего приятнее смерти». Он послал за духовником, исповедался, соборовался, причастился, после чего послал за старшим сыном, чтобы сообщить ему свою последнюю волю. Пьеро Медичи было двадцать лет. Он был горд и непреклонен, а потому ненависть тех граждан, которые все еще не смирились с властью Медичи над городом, могла обратиться теперь на него. Лоренцо хотел ободрить его:

«Граждане, дорогой мой Пьеро, без сомнения признают тебя моим наследником, и я не сомневаюсь, что ты получишь власть, которую они вручили мне. Но так как государство — тело многоглавое и невозможно нравиться всем, всегда помни, что выбирать надобно самый честный образ действий и предпочитать общее благо частным интересам».

Пьеро де Медичи, скульптура работы Мино да Фьезоле

Отец возложил на Пьеро заботу о младшем брате Джулиано и племяннике Джулио и в заключение попросил, чтобы похоронили его скромно, как хоронили Козимо.

Когда Пьеро ушел, в комнату впустили домочадцев и друзей. К одру Лоренцо приблизился Полициано. Лоренцо крепко сжал его руки.

Полициано отвернулся, чтобы скрыть слезы. Лоренцо с тревогой спросил, почему нет Пико. Тотчас отправили нарочного во Флоренцию, и 7 апреля тот явился в Кареджи, но не один, а с Савонаролой, приором Сан-Марко. Пико, как встарь, поговорил с Лоренцо о литературе и философии. Лоренцо сожалел, что не может достать для библиотеки все книги, интересующие его друга.

После этого в спальню умирающего вошел мрачный Савонарола. Полициано был при этом и слышал, как монах наставлял Лоренцо хранить веру, раскаяться в грехах и без страха предстать перед ликом смерти. Затем Савонарола прочел отходную и, по просьбе Лоренцо, благословил его. Скорее всего, именно такой была последняя встреча этих людей-антиподов. Но позднее Савонарола совсем иначе описывал эту сцену: во время исповеди Лоренцо будто бы покался в трех главных грехах — разграблении Вольтерры, растрате кассы, из которой выдавались деньги на приданое, и жестоких карах после заговора Пацци. Савонарола согласился отпустить ему грехи при трех условиях: исповедать совершенную веру в Бога, вернуть все несправедливо нажитое и дать свободу Флоренции. С первыми двумя условиями Лоренцо согласился, но когда монах выдвинул третье, он отвернулся от приора, и тот ушел, так и не отпустив ему грехи.

Неправдоподобность этой сцены очевидна. Самый авторитетный историк, изучавший деятельность Савонаролы, Роберто Ридольфи доказал, что это — позднейшая выдумка сторонников брата Джироламо. Близкая смерть того, кто без всяких титулов правил Флоренцией, тревожила не только его родных и друзей, скажем, Марсилио Фичино, но и простой народ. Все были предельно напряжены. За три дня до смерти Лоренцо в церкви Санта-Мария Новелла одна женщина вдруг вскричала: «Видите, видите: бешеный бык с огненными рогами сейчас разрушит этот храм!»

Многие странные события принимали за предвестие смерти великого Медичи. Например, два льва, жившие в клетке, принялись грызться, и один загрыз другого. 7 апреля на город обрушилась буря и молния ударила в фонарь соборного купола. На дворце Медичи пострадал герб. Савонарола той ночью не спал — он готовил проповедь. В самый разгул стихии ему внезапно явилось в небе видение: рука, потрясающая мечом, а вокруг руки огненная надпись: «*Ecce gladius Domini super terram cito et velociter*», то есть: «Се меч Господень на землю скорый и не медлящий». Утром доминиканец возвестит флорентийцам, потрясенным ужасной ночью, что час Господень пробил.

И действительно, Лоренцо только что скончался, но отнюдь не в смятенном страхе, а в мире и спокойствии духа. Его приближенные Паоло Черретани, Бартоломмео Деи и Полициано оставили об этом свидетельства.

Лоренцо попросил почитать ему фрагмент из Евангелия о Страстях Господних. Когда началось чтение, он утратил дар речи, но шевелил губами, следя за чтением. Потом не мог уже и этого, только еле качнув головой и шевельнув пальцами, показал, что слушает Евангелие. По окончании чтения к губам Лоренцо поднесли серебряное распятие, и он поцеловал его. С этим Лоренцо и испустил дух. Брат-камальдолинец, при том присутствовавший, убедился, что он мертв, поднеся к губам покойного свои очки: они не запотели.

Лоренцо прожил всего сорок два года и четыре месяца. Все присутствовавшие на вилле погрузились в глубокую скорбь. Больше всех терзался врач и друг Лоренцо Пьеро Леони. Он тщетно перепробовал все средства, вплоть до микстуры из драгоценного порошка растертых жемчужин, и теперь винил себя в смерти Лоренцо, ведь Леони свято верил в астрологию, а звезды ясно говорили, что сейчас Лоренцо умереть не должен. В ужасе доктор бежал из Кареджи на виллу Сан-Джервазио к своим друзьям Мартелли. На другой день он утонул в колодеце. Враги Медичи утверждали, что это Пьеро велел бросить его в колодец за то, что тот плохо лечил его отца. Однако вероятнее всего это было самоубийство. Так или иначе, Леони на себе испытал правдивость собственного гороскопа, который говорил, что он погибнет в воде.

Следующей ночью тело Лоренцо отвезли во Флоренцию. Похороны состоялись наутро в базилике Сан-Лоренцо. Собралось множество скорбящих; городские бедняки по обычаю несли восковые факелы. Синьория и советы попросили Пьеро занять место его отца. На третий день после смерти Лоренцо был издан декрет, изъяслявший общественную благодарность покойному. В нем говорилось, что Лоренцо подчинил свои интересы интересам Флоренции, он делал все возможное для блага и независимости государства, обеспечил порядок хорошими законами, до победного конца довел войну, вернул утраченные крепости и завоевал города. Следуя примеру древних, он вверил самого себя врагу ради безопасности граждан и свободы страны. Вообще он делал все, чтобы возвеличить свою родину и расширить ее территорию.

О смерти Лоренцо скорбели при всех дворах Италии, особенно в Риме и в Неаполе. Папа Иннокентий VIII был тяжело болен (Савонарола уже предсказал его кончину). Глубоко потрясенный смертью того, кто вместе с ним создал и упрочил союз Рима и Флоренции, он воскликнул: «Погиб мир в Италии!» Ту же мысль высказал и старый неаполитанский король Фердинанд: «Для себя самого он прожил достаточно, но для блага Италии слишком мало. Дай Бог, чтобы никто не воспользовался его смертью и не стал строить козни, на которые не дерзал при его жизни». Это был намек на Лодовико Моро, мечтавшего убрать с миланского трона своего племянника, молодого герцога, супруга Изабеллы Арагонской — внучки Фердинанда. Моро интриговал и в Париже, побуждая Карла VIII востребовать корону Неаполя — часть наследства Анжуйского дома. Будь Лоренцо жив, флорентийская дипломатия помешала бы этому, но что будет после его смерти?

Лоренцо показал всем пример политики, основанной на равновесии и гармонии государств, который вполне мог быть очень скоро забыт. Но оставался образец его собственной жизни, которую Лоренцо удалось не подчинить политическому честолюбию, мелочной суете денежных дел, непосильных подчас условий светской жизни.

Он шел по стопам великих флорентийцев: Данте, Петрарки, Боккаччо. Как и они, он пел и плакал на жизненном поприще. Но кроме того, он, подобно своему деду Козимо, искал смысл человеческой комедии в поучениях платоновской философии. Он поднялся на тот уровень, где разум открывает единство всех вер и религий в их общей цели — стяжании высшего блага, а благо это в том, чтобы душа в мире созерцала божественный первоисточник всех вещей.

Истина, Добро, Любовь к жизни могут, полагал Лоренцо, соединить всех людей помимо догм и слишком тесных рамок вероисповеданий. Христос и Платон, сивиллы и пророки, мифы и примеры святых, зрелище природы и красота юности — все это символы, все это вехи на пути к высшему знанию. Как истинный человек Возрождения, Лоренцо страстно и рьяно следовал этим путем.

Эпилог

Восстановление республики. Триумф и крах Савонаролы. Дань уважения потомков

17 ноября 1494 года к Флоренции подходила огромная кавалькада. Это была армия Карла VIII Французского. Двадцатичетырехлетний король, призванный Лодовико Моро, надеявшегося с его помощью уничтожить Арагонскую династию в Неаполе, шел на завоевание Неаполитанского королевства, наследственные права на которое получил от Анжуйского дома.

На пути он наткнулся на сильные крепости в Тоскане: Сарцану и Рипафратту. Флоренция, союзница Неаполя, вполне могла остановить нашествие. Чрезмерная осторожность (иные говорили трусость) Пьеро Медичи повернула дело иначе. Сын Лоренцо Великолепного явился к французскому королю. Чтобы сильная неприятельская армия не разграбила Тоскану, он предпочел не сопротивляться, а капитулировать. 30 октября Пьеро передал королю в залог своего нейтралитета пограничные крепости и опорные пункты Флоренции на море: Пизу и Ливорно. Но он дорого заплатил за эту инициативу, на которую никем не был официально уполномочен. Когда он вернулся, синьория постановила изгнать его вместе с братьями за государственную измену. Народ бросился грабить богатства Медичи. Кардиналу Джованни с огромным трудом удалось спасти часть сокровищ, спрятав их в монастыре Сан-Марко.

В этом внезапном перевороте, случившемся через два с половиной года после смерти Лоренцо Великолепного, народ увидел перст Божий. Брат Савонарола возглавил делегацию к чужеземному королю в Пизу. Он признал в нем меч Божий, царя-помазанника, освободителя от тирании и разврата. Не страх воинов отдал Флоренцию Карлу VIII, а факт его появления, подтверждавший пророчества доминиканца.

От этой посланной Богом иноземной силы город, изгнавший Медичи едва завидев ее, ожидал возрождения своего свободного прошлого.

Горожане приветствовали пришельца как героя, избавившего их от тиранов. Зрелище было потрясающее. Под звуки рожков, барабанов и труб к городу двигались десять тысяч пехотинцев: швейцарцев, немецких ландскнехтов, гасконских арбалетчиков, сорок пять артиллерийских

орудий, восемьсот вельмож в великолепных доспехах — цвет рыцарства заальпийской страны, колонной по четыре шли страшные королевские лучники в шитых золотом шапках — «люди звероподобные», как выразился глядевший на них флорентиец Черретани. Короля окружали сто телохранителей. Сам он был маленький, некрасивый лицом — с огромным крючковатым носом и голубыми глазами навывкате. Но этот невзрачный человечек был стальным наконечником живой пирамиды, окружавшей его. На великолепном черном иноходце, под парчовым балдахинном, потрясая боевым копьём, он победителем вступал в столицу Тосканы.

Ради него ворота Сан-Фреддиано сняли с петель, выломали часть стены и засыпали ров вокруг города. По пути его следования все горожане украсили свои дома. На транспарантах было написано: «Слава королю, миру и возрожденной вольности!»

Король остановился во дворце Медичи на Виа Ларга. Он принял титул покровителя флорентийской вольности. Карл подтвердил синьории условия договора, заключенного с Пьеро Медичи, — залог союза, связывавшего Францию и Флоренцию. 28 ноября он, не мешкая больше, покинул Флоренцию и продолжил поход, казавшийся не завоевательным походом феодала, а божественной миссией.

В Риме перед ним капитулировал папа Александр VI Борджа, в августе 1492 года сменивший Иннокентия VIII. Неаполитанский король Альфонс II, занявший престол по смерти своего отца Фердинанда I, скончавшегося в январе 1494 года, бежал, не пытаясь сопротивляться.

Правду сказать, из похода ничего не вышло. Неаполитанское королевство, легко завоеванное в феврале 1495 года, французы столь же легко и потеряли полгода спустя. Карл VIII был вынужден отступить и 6 июля едва избежал полного разгрома при Форнове.

Вскоре итальянцы пришли в себя и заключили нечто вроде священного союза против чужеземных «варваров». Флоренция, несмотря на поражение Франции, оставалась ее союзницей. Она продолжала политическую и мистическую затею, толчок которой дал приход короля: восстановление республиканского строя. В декабре 1494 года упразднили учреждения, созданные Медичи в 1434 году: Совет ста, Совет семидесяти, чересчур сильные правящие комитеты, Двенадцать прокураторов, Восемь практиков. Совет народа и Совет коммуны символически сохранялись, но их мнения больше не спрашивали. Остались три главные должности исполнительной власти, а также синьория, Коллегия именитых людей, Коллегия гонфалоньеров. Право же законодательной инициативы передали Большому совету, члены которого избирались по жребию, невзирая на

политические взгляды, из числа граждан не моложе двадцати девяти лет, родственники которых когда-либо занимали одну из главных должностей. В этом списке было около 2400 имен при общем числе населения Флоренции 50 тысяч человек.

Отчетливо проявилась воля уничтожить безраздельную, исключительную власть сторонников Медичи. Довольно свободный порядок кооптации позволял прибавлять к избранным и граждан, не получивших привилегий благодаря должностям своих предков, а также молодых людей, не достигших установленного возраста. Чтобы решения Большого совета имели законную силу, вся тысяча его членов должна была быть налицо. Отсутствующие наказывались штрафом. Государственные акты вместе с синьорией принимал Малый совет из восьмидесяти граждан.

Большой совет сразу же осудил вопиющие злоупотребления прежнего режима. Лоренцо и его предки правили, покупая верность своих сторонников налоговыми льготами. Отныне со всех взималась одна и та же подать — десятина, десятая часть доходов на основании их оценки, подобной кадастру 1427 года.

Под влиянием Савонаролы началась активная политика социальной помощи. Он сам подал пример, распродав излишки собственности своего монастыря. Благотворительная касса должна была выдавать нуждающимся необходимые суммы.

Все эти меры были чрезвычайно важны. Это была весьма здравая реакция на злоупотребления, на кризис, который оставил после себя Лоренцо и который крайне обострился при его наследнике.

Действия новых властей побуждали народ к укреплению нравственных устоев. С этим совпадало и направление религиозной реформы, ширившейся благодаря проповедям Савонаролы. Доминиканец принялся давать советы политикам. Он критиковал систему голосования, принятую в синьории и полицейском комитете, добился запрета созыва народных собраний, посредством которых Медичи не раз навязывали свое господство с помощью пресловутых балий.

Наконец в мистическом порыве Савонарола провозгласил Иисуса Христа Царем Флоренции и истово стал обличать «свиноподобную» жизнь флорентийцев. Он потребовал от синьорин принять чрезвычайные меры: предать повес публичному поруганию, игроков — пытке, клеветникам проколоть языки, содомитов обоего пола сжечь живыми.

В знак окончания страшного времени распутства, которое связывали с правлением Медичи, статую Юдифи с головой Олоферна — один из шедевров Донателло — вывезли из их дворца и поставили перед Дворцом

синьории как «пример спасения народа». Добродетель и свобода вместе сражались против порока и тирании.

Невозможно даже вообразить более радикального переворота в сравнении с эрой Лоренцо. Повсюду люди приносили покаяние. Полициано и Пико делла Мирандола, оба умершие в 1494 году, перед смертью в знак покаяния попросили на смертном одре облечь их в доминиканские рясы. Марсилио Фичино вспомнил, что он каноник, и также весь предался церковной жизни. Художник Боттичелли публично выражал сожаление, что поддался духу язычества, и писал теперь только картины духовного содержания. Члены лучших семейств шли в монахи. В короткий срок число насельников монастыря Сан-Марко выросло с 50 до 238! Во всех церквях собирались толпы кающихся со слезами — «братишки» (сторонники брата Джироламо) или, как их еще называли, «плаксы». Но их чрезмерное благочестие вскоре породило и усилило оппозицию «бешеных», с которыми заодно были и «паллески» — члены партии Медичи.

Флорентийское государство, в котором еще не устоялись новые институты, тяжело переживало и уменьшение территории: вследствие французского вторжения Пиза получила независимость, а Ливорно французы пока удерживали за собой, но ему грозила опасность перейти в руки их врага — императора Максимилиана.

Для противодействия внутренним и внешним угрозам новому правительству пришлось отказаться от политики финансового равновесия. В 1498 году оно вернулось к практике принудительных займов, что больно ударило по городской верхушке. После краткого времени надежд преодоленный было кризис вспыхнул с новой силой.

Положение самого Савонаролы становилось все более шатким. Он вызвал гнев Александра VI своей чрезмерно резкой критикой папства. Война доминиканца с Римом, начавшаяся в 1496 году по поводу нарушений монашеской дисциплины, протекала на фоне религиозного фанатизма. Савонарола отменил масленичные увеселения, заменив их покаянными процессиями. В 1497 году по его указанию дети во всем городе начали доносить на тех, кто в их семьях нарушал благочиние и благочестие. С помощью своих малолетних помощников фра Джироламо конфисковал музыкальные инструменты, украшения, маски, благовония, картины с изображением обнаженных, поэтические книги — все, что говорило об удовольствиях и радости жизни. На масленичный вторник 1497 года все эти предметы были сложены на площади Синьории и преданы торжественному сожжению. «Костер сует», повторенный Великим постом следующего года, стал апогеем благочестивой реакции на распущенность

предшествующей эпохи с ее попыткой гармоничного синтеза вероучения, философских теорий и символики.

Но победа пуританского ригоризма была слишком полной, чтобы стать долговечной. Враги Савонаролы, брат Мариано да Дженаццано, ставший генералом ордена августинцев, и флорентийские францисканцы, в своих проповедях объявили доминиканцу беспощадную войну. Город непрестанно поражали невыносимые язвы: голод, чума и страшная, неизвестная дотоле болезнь — сифилис, разносившийся, по слухам, французскими солдатами. Ко всем этим бедам добавлялась взаимная ненависть разных партий. Все вместе посеяло в народе полнейшее отчаяние. Этим пытался воспользоваться Пьеро Медичи: в апреле 1497 года он попробовал захватить город, но бесславно провалился. Ему на помощь пришел кардинал Джованни. 13 мая 1497 года он добился от папы бреве об отлучении Савонаролы от Церкви. Анафема подействовала не сразу, но постепенно сомнения вместе с насмешками «бешеных» бросили тень на облик доминиканца-пророка и его последователей. Церкви опустели, кабаки и бордели наполнились. Фанатики Савонаролы словно растворились в пространстве: открытое письмо в его защиту перед римской курией, лежавшее в Сан-Марко весь июнь месяц, собрало всего 370 подписей... Но падение авторитета партии «плакс» (по крайней мере среди магнатов) не означало ослабления мер против сторонников возвращения Медичи.

Летом республика вырвала признательные показания у друга Пьеро Медичи Ламберто Далл'Антеллы. Арестовали четырнадцать именитых лиц, среди которых некоторые были завсегдатаями проповедей Савонаролы. Их обвинили в подготовке нового вторжения Пьеро Медичи в город, назначенного на середину августа.

Суд был суровый. На нем судили и Лукрецию, дочь Лоренцо, жену Якопо Сальвиати, но она при всех треволнениях оставалась в городе и без труда оправдалась. Конфискация имущества обвиняемых должна была принести финансам республики 200 тысяч дукатов. Пятерых из них поспешно казнили 21 августа. Бывшему гонфалоньеру Бернардо дель Неро было семьдесят три года; еще недавно он с честью управлял государством. Но его обвинили в том, что он не отрекся от семьи Лоренцо. Остальные осужденные были тесно связаны с Медичи. Джованни Камби был их агентом в Пизе, Джанноццо Пуччи — торговым партнером. Никколо Ридольфи женил сына на сестре Пьеро Медичи. Наконец, Лоренцо Торнабуони, сын Джованни, приходился Великолепному троюродным братом.

Эта дикая внезапная казнь была похожа на месть покойному Лоренцо. Умеренно настроенные граждане Флоренции с ужасом увидели, что пуританские крайности «плакс» не идут на убыль. Открытый бунт Савонаролы против Рима, непризнание им папского наказания, новый «костер сует» в 1498 году вывели «бешеных» из себя. Прямо у костра, невзирая на противодействие стражников, они останавливали детей и святош, вырывали кресты у них из рук, швырялись в процессию гнилыми фруктами идохлыми кошками. В марте синьория, следуя папскому предписанию, запретила Савонароле читать проповеди, но доминиканец не подчинился. Непреклонность оказалась роковой для него и его сторонников. Брат Доменико Буонвичини, доминиканец из Фьезоле, и брат Франческо дель Пульезе, францисканский проповедник из Санта-Кроче, поспорили, чьи доводы верны. Они решили подвергнуться испытанию огнем как Божьему суду. Вместе с каждым из испытуемых должен был выйти один из членов их ордена. Савонарола решил участвовать в испытании вместе со своим собратом.

Согласившийся на испытание огнем должен был пройти по узкой дорожке из посыпанных песком кирпичей между двумя облитыми маслом и зажженными деревянными стенами. Только тот, кто получал чудесную Божью помощь, мог избежать гибели в огне.

7 апреля 1498 года — на седьмую годовщину смерти Лоренцо Великолепного — народ столпился на площади Синьории, чтобы увидеть это зрелище. Но испытание все время откладывалось из-за споров о процедуре. Спорили до ночи, а на закате на Флоренцию обрушился проливной дождь, разогнавший и актеров и публику. Эта гроза прозвучала похоронным колоколом власти «плакс». 8-го числа враги брата Джироламо взяли приступом монастырь Сан-Марко. Савонаролу арестовали, пытали и при участии папских комиссаров признали виновным в стремлении взбунтовать народ, смущая его ложными учениями. 23 мая 1498 года брата Джироламо с двумя товарищами казнили на площади через повешение, а их трупы сожгли.

Место публичной казни Сарвонароллы

Трагическая развязка не привела к изменению направления политики. Интриги Пьеро Медичи полностью дискредитировали его в глазах флорентийцев. Назад его не позвали. Сменявшие друг друга синьории были поглощены треволнениями итальянских войн, которые французский король Людовик XII возобновил под предлогом наследственных прав Орлеанского дома на Ломбардию. Флорентийским грандам, в том числе пожизненному гонфалоньеру Пьеро Содерини, удалось сохранить международный престиж республики, да и сама она окрепла, а новые институты заработали.

Пьеро Медичи умер в изгнании в 1503 году. Главой семьи стал кардинал Джованни. В 1512 году в результате похода войск папы Юлия II, запомнившегося страшным разграблением Прато, ему удалось вернуть Медичи во Флоренцию. Все законы, принятые республиканским режимом с 1494 года, были отменены. Большой совет упразднен, учреждения времен Лоренцо Великолепного восстановлены. Кардинал, его брат Джулиано и кузен Джулио, которым было соответственно тридцать шесть, тридцать три и тридцать четыре года, вернули себе власть без сопротивления и не стали мстить тем, кто восемнадцать лет продержал их в изгнании. После всех трагических перипетий и перенесенных страданий Флоренция увидела в их возвращении надежду на новую весну и предалась радости, восторженно приветствуя Медичи.

Рафаэль Санти. Портрет Льва X с кардиналами Джулиано Медичи и Луиджи Росси

В 1513 году, через двадцать один год после смерти своего отца Лоренцо Великолепного, Джованни был избран папой под именем Льва X. Новый понтифик оказался несравненным меценатом, покровителем искусства и литературы, уравновешенным политиком; он приятно соединял в себе античную мудрость с христианской верой. В Риме он жил так же, как Лоренцо во Флоренции, только был еще и набожен. Окружавшее его сияние было отблеском золотого века, стоявшего под знаком его отца. Во Флоренции организация торжеств в честь интронизации папы Льва была поручена папскому брату Джулиано и его племяннику, сыну Пьеро, которого звали Лоренцо. Триумфальная колесница символизировала золотой век. На колеснице везли земной шар, окруженный четырьмя великими добродетелями, а на нем изображение мертвеца; над трупом, как бы выходя из него, возвышался живой позолоченный мальчик. Торжественная сцена олицетворяла триумф династии Медичи, пошедшей от Лоренцо Великолепного.

С этих пор новый владетельный дом старался забыть о своем купеческом и банкирском прошлом, умело воспользовавшись временем, проведенным в изгнании. От Лоренцо Великолепного остались в памяти имя и образ счастливо правившего законного государя, благодетеля Италии, соединявшего в своем лице идеал мыслителя с идеалом деятеля.

Лев X желал воздать своему отцу, которого легенда день ото дня все больше превращала в героя, дань народного восторга. В 1520 году он поручил Микеланджело воздвигнуть мавзолей Медичи напротив ризницы

Сан-Лоренцо. В усыпальнице предполагалось поставить четыре гробницы: Лоренцо Великолепного, его брата Джулиано — жертвы заговора Пацци, герцога Лоренцо Урбинского (отца Екатерины Медичи) и Джулиано, брата Пьеро и Льва X, который носил титул герцога Немурского. Смерть папы остановила работу. В 1524 году при Клименте VII ее возобновили, но уже без пары гробниц Великолепного и его брата, которые должны были стоять в центральной нише капеллы.

Судя по эскизу, сохранившемуся в музее Лувра, единственный выполненный фрагмент этой гробницы — статуя Мадонны с предстоящими Космой и Дамианом (небесными покровителями Медичи). В боковых нишах Микеланджело поставил статуи младших принцев — Джулиано Немурского и Лоренцо Урбинского. Он изобразил их обобщенно, без какого-либо портретного сходства. Идеализированным оформлением усыпальницы Микеланджело символически восхвалял достоинства породы Медичи, высочайший пример которых дал Великолепный. Капелла и стала его последним пристанищем: прах Лоренцо был перенесен туда из временного гроба и похоронен вместе с братом на почетном месте у ног Мадонны. Портретной надгробной статуи там нет, но его гений выражен статуями над боковыми гробницами. Статуя молодого воина олицетворяет именно такого человека действия, каким был Лоренцо: он спокойно и непринужденно изящным жестом опирается на жезл командующего, символизируя мир, добытый войной. Статуя задумчивого принца в шлеме, похожем на маску, со шкатулкой, украшенной звериной мордой, под мышкой, представляет другой лик Великолепного: его мудрость философа, благоразумие дельца, глубину мысли.

Так в те времена, когда Италию раздирала вражда Карла V и Франциска I, две статуи, дополняя друг друга, превозносили выдающуюся роль Лоренцо. Он стал политическим образцом, за то что умел поддерживать мир и равновесие между государствами Апеннинского полуострова, не прибегая к иностранному вмешательству.

Но Лоренцо Великолепный, как и потомки его, был самым обычным человеком, покорным общему человеческому уделу. Его жизнь скульптор представил в аллегорических статуях на двух кенотафах: Ночь и День, Утро и Вечер изображают неумолимую поступь судьбы.

План капеллы — ответ року посредством платонических чаяний. Душа покойного шаг за шагом восходит от нижнего яруса гробницы к небесному своду, который изображен куполом здания. С высоты небес она может созерцать Вечную Истину. Таков путь, начертанный в «Федоне» Платона. В капелле Сан-Лоренцо высшую Истину выражает Мадонна с Младенцем и

предстоящими Космой и Дамианом — небесными покровителями Медичи. Изображая Бога, ставшего плотью, статуя служит великолепным доказательством единства Неба и Земли, в которое верил Лоренцо.

Так Микеланджело воздал ему последнюю почесть, выразив в камне главное, к чему стремился великий Медичи, когда оставлял тернистую почву политики. А искал он того духовного упокоения, которое воспел в «Споре»: «Где родина, там истинный покой».

Приложение

Флорентийская денежная система

В XIII—XV веках во Флоренции ходили золотые и серебряные монеты. Золотая монета называлась флорином. Впервые она была отчеканена в 1252 году и получила название от красной лилии (один из символов Флоренции), изображенной на одной из сторон. На другой стороне было изображение Иоанна Крестителя. Флорин имел вес 3,5368 грамма чистого золота и пробу 0,985. Заметим, что золотой франк, введенный законом 18 жерминаля III года, имел сравнимую пробу — 0,900, но гораздо меньший вес: 0,322580 грамма. Впрочем, устанавливать курс простым сравнением некорректно, ибо такое сравнение практически не будет учитывать покупательную способность монеты, зависящую от ее относительного количества в обращении, а также от возможных статей расходов, сильно менявшихся в зависимости от экономической и социальной структуры общества, от типа цивилизации.

Флорин принадлежит к новому поколению золотых монет, которые вновь стали чеканить в Европе после долгого упадка раннего Средневековья, когда экономическое возрождение XII века позволило восполнить золотой запас, со времен Карла Великого практически вышедший из обращения. Другими золотыми монетами, с которыми флорин конкурировал в Италии, были дженовино, августал и в первую очередь дукат, чеканившийся в Венеции с 1284 года, весом и пробой равный флорину. Надо заметить, что римская золотая монета солил весом 4,55 грамма чистого золота, которую начал чеканить Константин Великий в 312 году, под названием «визант» чеканилась восточными императорами до самого падения Константинополя. Дамасские, а потом багдадские халифы с VII века чеканили в подражание римскому солилу свой динар, весивший 4,25 грамма чистого золота.

В эпоху Каролингов золотую монету вытеснила серебряная — денье (денарий). Она весила около 1,1 грамма чистого серебра. Денежная единица ливр (лира) равнялась 20 су (солилам), или 240 денариям из расчета 12 денариев за су. В Тоскане в XIII веке после многочисленных девальваций денария лира равнялась всего лишь 92,92 грамма чистого серебра.

Во Флоренции имели хождение простые денарии, называвшиеся пиччоли, и монеты в 4 денария — кваттрини. Эти мелкие монеты, постоянно бывшие в обращении, быстро изнашивались и теряли вес.

Отношение фунта к золотому флорину, в 1252 году установленное равным, с течением времени непрерывно понижалось: в 1296 году оно было установлено как 1 к 2, в 1323-м — 1 к 3, в 1407-м — 1 к 4.

За полтора столетия мелкая монета по отношению к флорину обесценилась на 250 процентов. Такая ревальвация золотой монеты потребовала действий властей. Во избежание подделок флорины на Монетном дворе клали в кожаные мешочки, скрепленные печатью. Гарантированные таким образом флорины назывались опечатанными. По этой монете устанавливалась фиктивная счетная единица: фунт флоринов, который, как и лира пиччоли, делился на 20 сольдо по 12 денариев, то есть 240 денариев в фунте. Но один флорин под печатью оценивался в 29 сольдо, или 348 денариев, поэтому при расчетах следует всякий раз высчитывать, сколько флоринов соответствует данному числу денариев. Такие расчеты представлены в тайных счетных книгах банка Медичи за 1397—1450 годы.

И все же, несмотря на все эти предосторожности, качество флоринов в опечатанных кошельках ухудшалось, и в 1422 году пришлось отчеканить новый флорин, действительно имевший узаконенный вес. Его назвали большим флорином, и он был на 10 процентов лучше опечатанного. Вскоре его стали ценить уже и на 20 процентов выше: за шесть опечатанных флоринов давали пять больших.

Укрепление золотой монеты сопровождалось новой девальвацией мелкой серебряной: новый большой флорин в 1434 году менялся на 4 ливра 10 сольдо пиччоли, в момент прихода Лоренцо к власти — на 5 ливров 7 сольдо, а в 1492 году, когда он умер, — на 6 ливров 10 сольдо. Таким образом, за время, пока Козимо, Пьеро и Лоренцо Медичи контролировали государство, серебряные деньги обесценились на 56 процентов. Впрочем, в отличие от французских денег, содержание драгоценного металла в монете оставалось довольно высоким.

Согласно историку экономики Ч. М. Чиполле, за это столетие во Флоренции прошла девальвация на 80 процентов, в Пизе и Сиене — на 90 процентов, в Сицилии — на 100 процентов, в Милане — на 184 процента, в Асти — на 273 процента. Это происходило из-за уменьшения содержания драгоценного металла в серебряной монете, усиленной чеканки монеты, а кроме того — инфляционного давления, шедшего, как считали итальянцы, из-за Альп.

В международном плане ощущались колебания курса денег, употреблявшихся различными филиалами банка Медичи: флорентийского флорина и флорина Апостолической палаты, венецианского дуката,

генуэзских, барселонских, английских, нидерландских, французских монет.

Основные даты жизни и деятельности Лоренцо Медичи

1449, 1 января — родился Лоренцо Медичи, сын Пьеро Медичи по прозвищу Подагрик, и Лукреции Торнабуони, внук Козимо Старшего.

1454 — юный Лоренцо под руководством гувернера и учителей постигает гуманитарные дисциплины и сочиняет первые стихи

1458—1468— Лоренцо Медичи посещает Флорентийский университет, где слушает лекции по риторике и поэтике, по истории греческой мысли и культуре. Его дед Козимо позволяет ему присутствовать при философских беседах Фичино. Лоренцо учится играть на разных музыкальных инструментах и сочиняет музыку на свои стихи.

1464, 1 августа — Козимо Медичи скончался на вилле Кареджи. Правителем Флоренции стал его сын Пьеро.

1465—1466 — Лоренцо по поручению отца наносит дружеские визиты итальянским государям и с чрезвычайным посольством посещает Рим.

1466 — Пьеро Медичи подавил заговор оппозиции.

1467, 4 января — образование лиги Милан-Флоренция—Неаполь—Рим;

май—июль — военный конфликт между лигой и Венецией; лето — Лоренцо и его мать Лукреция счастливо избежали покушения на убийство.

1468, лето — участники конфликта заключили мир;

ноябрь — декабрь — заочные помолвка и венчание в Риме Лоренцо Медичи и Клариче Орсини.

1469, июнь — во Флоренции празднуется свадьба Лоренцо Медичи и Клариче Орсини;

июль — визит Лоренцо в Милан;

3 декабря — Пьеро Медичи скончался в возрасте пятидесяти трех лет, правителем Флоренции стал Лоренцо.

Конец 1460-х — финансовая империя клана Медичи вступает в паюсу затяжного кризиса, многие европейские филиалы банка Медичи терпят крах и ликвидируются, вместо них создаются новые.

1470— из стихотворных произведений, написанных с 1465 года, Лоренцо создаст «Книгу песен»; апрель — подавление мятежа в Прато; июль — флорентийцам удалось предотвратить раскол лиги.

1470 —1479 - Клариче родила Лоренцо семерых детей: четырех дочерей (Лукрецию, Маддалену, Луизу и Контессину) и трех сыновей

(Пьеро, Джованни и Джулиано).

1471 — после успешных переговоров с папой Лоренцо сохраняет за Медичи монополию на продажу квасцов.

1472 — в результате реформирования органов государственного управления и законодательная, и исполнительная власть оказалась в руках Лоренцо;

июнь — подавление мятежа в Вольтерре; декабрь — учреждение университета в Пизе.

1474 — начало вражды с папой Сикстом IV; образование в Италии новых политических коалиций.

1476 — Сикст IV разрывает соглашение с Медичи и передает монополию на добычу и сбыт квасцов компании Пацци

1478— экономический упадок во Флоренции: заговор Риарио и Манни при поддержке Сикста IV с целью свержения Медичи: 26 апреля — покушение на братьев Медичи; Лоренцо удалось вырваться из рук убийц, а его брат Джулиано был убит, получив множество ударов кинжалом в грудь; крах заговора и начало репрессий;

1 июня — папа отлучает от Церкви Лоренцо, синьорию, Восьмерых стражей и всех их сообщников;

4 июня — папа издает буллу, в которой, в частности, объявляет интердикт Флоренции, если до 1 июля она не выдаст отлученных папскому трибуналу;

июль — папа и король Неаполитанский объявляют Флоренции войну; та, в свою очередь, обращается за помощью к своим союзникам — Милану, Венеции и к королю Франции Людовику XI; октябрь — начало военных действий.

1479 — у Флоренции возникают разногласия с союзниками;

декабрь — Лоренцо прибывает в Неаполь для переговоров о мире.

1480, 27 февраля — сразу после получения принципиального согласия папы на заключение мира Лоренцо покидает Неаполь, передав свои права и полномочия на подписание договора доверенным лицам;

13 марта — представителями воюющих сторон парафирован, мирный договор;

лето — турки вторглись в пределы Неаполитанского королевства; угроза турецкого нашествия заставила папу изменить свою политику по отношению к Флоренции.

1484, 12 августа — скончался Сикст IV;

29 августа — на Святой престол взошел новый папа Иннокентий VIII;

ноябрь — флорентийские войска отвоевали у Генуэзской республики

город Пьетрасанту.

1485, октябрь — папа Иннокентий VIII объявил войну королю Неаполя; Флоренция, заключившая оборонительный союз с Неаполем, выступила на его стороне.

1486, 11 августа — папа вынужден был подписать мир с Неаполем.

1487 — сын Лоренцо Пьеро женился на Альфонсине Орсини;

июнь — флорентийцы отвоевали у генуэзцев крепость Сарцану.

1488 — Лоренцо выдает свою дочь Маддалену за сына Иннокентия VIII Франческетто Чибо, а Лукрецию за Якопо Сальвиати;

29 июля — Клариче в возрасте тридцати семи лет скончалась от чахотки.

1489 — Лоренцо добился для своего сына Джованни кардинальского сана.

1491 — приор флорентийского монастыря Сан-Марко Савонарола выступает с обличительными речами против Лоренцо.

Начало 1492 — Лоренцо вынужден отказаться практически от всякой деятельности из-за жестокой болезни.

март — кардинал Джованни Медичи приезжает во Флоренцию проститься с отцом.

в ночь с 7 на 8 апреля - Лоренцо Великолепный скончался.

Библиография на русском языке

ИСТОЧНИКИ

Гвиччардини Ф. Заметки о делах политических и гражданских // Сочинения. М.. 1934. С. 107-231.

Гвиччардини Ф. История Флоренции // Сочинения великих итальянцев XVI в СПб., 2002. С. 72-141.

Гвиччардини Ф. Семейная хроника // Сочинения. М.. 1934. С. 231—301.

Макиавелли Н. История Флоренции // Государь. М.. 1999. С. 197—624.

Макиавелли Н. К Франческо Гвиччардини // Средние века. М.. 1997. Вып. 60. С. 457-458.

Полициано А. Анджело Полициано приветствует Якопо Антикварио // Сочинена итальянских гуманистов эпохи Возрождения. М.. 1985. С. 235-242.

Полициано А. О заговоре Пацци // Культура Возрождения и Средние века. М., 1993. С. 204-217.

Ринуччини А. Диалог о свободе // Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения. М.. 1985. С. 162-181.

Филельфо Ф. Флорентийские беседы об изгнании // Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения. М., 1985. С. 110-121.

ЛИТЕРАТУРА

Андреев М Л. Хлодовский Р. Л. Итальянская литература зрелого и позднего Возрождения. М.. 1988.

Баткин Л. М. Европейский человек наедине с собой. М.. 2000.

Баткин Л. М. Итальянское Возрождение: проблемы и люди. М . 1995.

Брагина Л. М. Идеи гражданского гуманизма в речах флорентийских магистратов XV в. // Средние века. М.. 1982. Вып. 45. С. 14—15.

Брагина Л. М. Итальянский гуманизм: этические учения XIV—XV вв. М.. 1977.

Брагина Л. М. Культурная жизнь Флоренции первой половины XV в. в оценке современников // Средние века. М.. 1997. Вып. 60. С. 325—241.

Брагина Л. М. Проблема власти в творчестве Франческо Гвиччардини // Культура Возрождения и власть. М., 1999. С. 55—67.

Брагина Л. М. Самосознание флорентийцев по сочинениям гуманистов XV в. // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. В 4 т. Т. 3. Человек внутри городских стен. Формы городских связей. М. 2000. С. 299-306.

Брагина Л. М. Социально-политические идеи в итальянском гуманизме в XV в. // Культура Возрождения и общество. М., 1986. С. 32—41.

Буркхардт Я. Культура Возрождения в Италии. М., 1996.

Виллари П. Джироламо Савонарола и его время. М., 1995.

Виллари П. Никколо Макиавелли и его время: В 2 т. СПб., 1914. Т. I.

Гарэн Э. Проблемы итальянского Возрождения. М., 1986.

Гаспари А. История итальянской литературы: В 2 т. СПб., 1897. Т. 2.

Гергей Е. История папства. М., 1996.

Гращенко В. Н. Портрет раннего итальянского Возрождения: опыт социологической характеристики // Культура Возрождения и общество. М. 1986. С. 53-59.

Гуковский М. А. Итальянское Возрождение. Л., 1990.

Дажина В. Д. Портретная иконография Медичи: от республики к монархии//Культура Возрождения и власть. М., 1999. С. 130-144.

Данилова И. Е. Итальянский город XV века: реальность, миф, образ. М. 2000.

Де Санктис Ф. История итальянской литературы. М., 1963.

Де Санктис Ф. Макиавелли // Макиавелли Н. Государь. М., 1999. С. 624-654.

Дживилегов А. К. Франческо Гвиччардини // Гвиччардини Ф. Сочинения. М., 1934. С. 7-34.

Дживилегов Л. А. Творцы итальянского Возрождения: В 2 кн. М. 1998. Кн. I

Жебар Э. Начало Возрождения в Италии СПб., 1900.

Зайчик Р. Люди и искусство итальянского Возрождения. СПб., 1906.

Котельникова Л. А, Феодализм и город в Италии в VIII—XV веках. М., 1987.

Краснова И. А. Деловые люди Флоренции XIV—XV вв.: занятия, образ жизни и обыденное сознание. В 2 ч. Ч. I. Ставрополь. 1995.

Краснова И. А. Идея гражданского единства и власть во Флоренции XIV-XV вв.//Культура Возрождения и власть. М., 1999. С. 17-27.

Краснова И. А. Представление о свободе у флорентийских граждан //

Город в средневековой цивилизации Западной Европы. В 4 т. Т. 4. *Extra muros: город, общество, государство*. М., 2000. С. 79—84.

Краснова И. А. Проблемы воспитания делового человека во Флоренции XIV в. // Гуманистическая мысль, школа и педагогика эпохи позднего Средневековья и начала Нового времени. М., 1990. С. 60—62.

Краснова И. А. Суждения о бедности и благотворительности в купеческой среде Флоренции XIV-XV вв. // Средние века. М., 1997. Вып. 59. С. 3-21.

Кудрявцев О. Ф. Меценатство как политика и как призвание: Козимо Медичи и флорентийская Платоновская академия // Культура Возрождения и власть. М., 1999. С. 37-49.

Кудрявцев О. Ф. Миф о «золотом веке» в культуре Возрождения // Личность - идея - текст в культуре Средневековья и Возрождения. Иваново. 2001. С. 84—92.

Лозинский С. Г. История папства. М., 1986.

Мокульский С. С. Итальянская литература Возрождения и Просвещения. М., 1966.

Постников В. А. Франческо Гвиччардини о политическом строе Флоренции // Средневековый город. Саратов. 1981. Вып. 6. С. 171-179.

Ролова А. Д. Возникновение синьории Медичи и культура Возрождения // Культура и общество Италии накануне Нового времени. М., 1993. С. 39-51.

Ролова А. Д. Итальянский купец и его торгово-банковская деятельность в XIII—XV вв. // Средние века. М., 1994. Вып. 57. С. 62-74.

Ролова А. Д. Налоговая политика тосканских герцогов во второй половине XVI в. и в начале XVII в. // Средние века. М., 1983. Вып. 46. С. 50-77.

Рутенбург В. И. Жизнь и творчество Макиавелли // Макиавелли Н. История Флоренции. М., 1987. С. 354—390.

Рутенбург В. И. Итальянский город от раннего Средневековья до Возрождения. Л., 1987.

Рутенбург В. И. Народные движения в городах Италии. М. — Л., 1958.

Рутенбург В. // Очерк из истории раннего капитализма в Италии. М.-Л., 1951.

Рутенбург В. И. Примечания // Макиавелли Н. Избранное. М., 1999. С. 693-796.

Хлодовский Р. И. О Никколо Макиавелли, секретаре Флорентийской республики, гуманисте, историке, авторе комедий, а также поэте трагическом // Макиавелли Н. Избранное / Пер. с ит. М., 1999. С. 5—79.

Хлодовский Р. И. Лоренцо Медичи // История всемирной литературы:
В 9 т. М., 1985. Т. 3. С. 102-105.

---

notes

Примечания

Даты соответствуют современному календарю, а не флорентийскому, по которому год начинался с Благовещении (25 марта). - Прим. авт.

Так в тексте, что расходится с данными, приведенными выше. - Прим. пер.

Так в тексте. Если фунт стерлингов равнялся 6 флоринам (ср. ниже), выходит 123 тысячи флоринов. - Прим. пер.

В русской традиции - Софьей. - Прим. пер.

По толкованию, принятому А. Шастелем, юноша на фресках — вероятно, Лоренцо ди Пьерфранческо, с которым связывается и «Рождение Венеры», женская фигура не идентифицирована, но точно не Джованна дельи Альбицци. — Прим. пер.

Лк., 3, 9. - Прим. пер.

Деян., I. 6. – Прим. перев.